

Е. И. МЕШИНОВА

ЗНАЧЕНИЕ
СЛОВА
И
МЕТОДЫ
ЕГО
ОПИСАНИЯ

Э. М. МЕДНИКОВА

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И МЕТОДЫ ЕГО ОПИСАНИЯ

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1974

Рекомендовано к изданию Управлением учебных заведений Министерства просвещения СССР.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	6
§ 1. Что является объектом анализа в семасиологическом исследовании? Лексичесентрический и текстоцентрический подходы к изучению значения	6
§ 2. Можно ли считать, что лексичесентрический подход является «традиционным», а текстоцентрический — «структурным»?	9
Примечания	11
Г л а в а 1. Краткий критический обзор текстоцентрической семасиологии	15
§ 1. Лексикологическое исследование и лексикографическое описание, требующее «объективного» определения значений, основанного на наборе формальных правил	15
§ 2. Общая система Катца и Фодора	16
§ 3. Теория Абрахама и Кифера как популяризация системы Катца и Фодора	23
§ 4. Формально-логическая репрезентация Макколи	30
§ 5. О соотношении текстоцентрического и лексичесентрического подходов к семантике	33
Примечания	36
Основные проблемы лексичесентрической семасиологии	
Г л а в а 2. Слово как единица языка	43
§ 1. Парадигматические и синтагматические связи слова	43
§ 2. С чего начинается исследование семантики многозначного слова. Полисемия vs валентность	44
§ 3. В чем заключается роль контекста	46
§ 4. Диалектическое единство парадигматики и синтагматики слова	47
§ 5. Лексико-семантическая парадигма	48
§ 6. Парадигматические связи многозначного слова	51
§ 7. Лексико-стилистическая парадигма	54
§ 8. Первый уровень лексической абстракции. Лексема	58
§ 9. Словообразовательная парадигматика	59
Примечания	61
Г л а в а 3. Слово как единица речи	67
§ 1. Слово в речи	67
§ 2. Словосочетания	69
§ 3. Субституция и синонимия	79
§ 4. Синтаксическая сочетаемость	88
§ 5. Слово в контексте	95
§ 6. Значение слова и дистрибуция	99
Примечания	109
Г л а в а 4. Приложение методик лексичесентрической семасиологии к лексикографии	128
§ 1. Связь между лексикографией и семасиологией	128

§ 2. Характер связей между отдельными значениями слова	129
§ 3. Иерархия значений слова	133
§ 4. Лексикографическое описание глагола <i>meet</i> в толковом (одноязычном) словаре	138
§ 5. Двуязычная лексикография	152
§ 6. Сопоставительный анализ	153
§ 7. Принцип эквивалентности	155
§ 8. Лексикографическое описание глагола <i>meet</i> в двуязычном словаре	161
§ 9. Лексикографическое описание глагола <i>meet</i> в словаре словосочетаний	167
Примечания	175
Указатель использованной и цитируемой литературы . . .	191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя семантическим анализом слов человечество занимается уже очень давно, со времени создания первого в мире словаря, бытующее определение значения, решение того, что входит в него и что остается за его пределами, до сих пор не может считаться вполне удовлетворительным. Более того, в последние полтора десятилетия получили распространение те идеи структурализма, которые, пренебрегая диалектическим единством формы и содержания, считают значение категорией экстралингвистической и призывают сосредоточить исследовательские усилия на форме. Создалось такое положение, когда значение как одна из сторон сложного комплекса, каким является слово — основная единица языка, должно быть восстановлено в своих законных правах.

В предлагаемой книге, наряду с критическим рассмотрением формалистических теорий, делается попытка наметить пути семантического анализа и лексикографического описания слова, которые исходят из его отдельности и семантической самостоятельности. В ней слово рассматривается как единица структуры языка и как единица речи, показываются парадигматические связи слова с другими словами языка и синтагматические его связи, проявляющиеся в речевых произведениях. В завершающей главе рассматривается существующая лексикографическая практика и на конкретном материале показывается, каким автор представляет себе лексикографическое описание слова в разных типах словарей. При изложении теоретического материала учитываются работы по освещаемым вопросам советских и зарубежных авторов и все выдвигаемые положения иллюстрируются примерами из современного английского языка.

Думается, что предлагаемая книга представит интерес для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов и институтов иностранных языков, а также для специалистов по иностранным языкам, интересующихся проблемами семасиологии и лексикографии.

Исследование, которое легло в основу данной книги, проводилось в течение многих лет. Все эти годы автору неизменно помогала своими советами профессор О. С. Ахманова. Рукопись книги была самым внимательным образом прочитана ею, а также Р. С. Гинзбург, С. А. Григорьевой, Е. А. Конюс, Г. Б. Микаэлян, А. И. Полторацким, С. С. Хидекель, которые сделали ряд ценных и существенных замечаний. Им и своим официальным рецензентам, профессору В. Д. Аракину и профессору Н. К. Соловьевой, автор приносит глубочайшую благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Языкознание не дает однозначного ответа на вопрос о том, как трактовать лингвистическое значение, эту неотъемлемую часть языковой системы¹. Не дает оно однозначного ответа также и на вопрос о том, как это значение исследовать.

Эти два вопроса тесно связаны друг с другом — ответить на второй можно только определив свое отношение к первому, поскольку трудность заключается отнюдь не в том, что существует большое количество различных частных методик и приемов исследования — это вполне закономерное явление. Дело в том, что нет единой общетеоретической основы, на фундаменте которой можно было бы разработать единую — строгую и достоверную — методологию, то есть такую совокупность методик исследования, которая обеспечивала бы объективно надежные результаты.

С другой стороны, — это два совершенно различных вопроса — вопрос о существовании явления и вопрос о методе его исследования, то есть вопрос теоретический и вопрос практический, и их нельзя смешивать.

§ 1. Что является объектом анализа в семасиологическом исследовании! Лексичесентрический и текстоцентрический подходы к изучению значения

Важность, объективная сложность и неразрешенность многих, как центральных, так и периферийных, положений семасиологии привела к тому, что эта область языкознания продолжает оставаться в центре внимания лингвистов самых различных направлений². При этом намечаются две основные линии, два подхода, обнаруживающиеся как только перед семасиологом ставится вопрос о том, где следует искать значение, или — что является объектом семасиологического исследования: единица языка — слово³ или единица речи — высказывание. Иначе говоря, признает ли он семантическую автономность слова или считает,

что слово имеет (приобретает) значение только в соединении с другими словами, то есть в произведении речи. Такая постановка вопроса позволяет определить и разграничить то, что можно назвать «лексицентрическим» и «текстоцентрическим» подходами, отличающимися, как видно из сказанного, по онтологическому принципу.

Поскольку проблема онтологии материала семасиологического исследования является производной от общей проблемы, определяемой вопросом «где и как существует язык?», представляется необходимым, хотя бы в самом кратком виде, изложить связанные с этим вопросом основные исходные положения лексицентрической и текстоцентрической семасиологии.

Лексицентрическая семасиология так отвечает на поставленный выше вопрос — язык действительно и полно существует в речи. Он представляет собой специфическое явление и существует в речи особым образом: внешнюю сторону языка — реальную звуковую материю — следует четко отграничивать от «звуковых образов», отражений реальных звучаний в сознании. Внутренняя сторона языка, образуемая значениями его единиц, связывается как с реальным звучанием в речи, так и с отражением этого звучания в сознании говорящего в виде «звуковых образов». Умение связывать значения со звуковыми образами представляет собой знание языка. Знание единиц языка необходимо для их воспроизведения, но оно вторично, производно по отношению к объективному существованию языка в речи, ибо отражение языка в сознании человека происходит только путем выделения единиц языка из реально-звуковой речи. Значение какой-либо языковой единицы как внутренняя ее сторона постольку и существует, поскольку это значение известно общающимся. С другой стороны, соединение звучания со значением не есть простое соединение, простая «ассоциация»⁴, потому что на основе непосредственного соприкосновения с действительностью и отражения ее звучание участвует и в формировании значений. Значения приобретают тот или иной вид и характер под влиянием экстралингвистических (в частности, социальных) особенностей общественной жизни данного коллектива. Именно через это звучание коллектив направляет процесс образования того или иного значения данной языковой единицы в сознании индивида, передавая ему свой опыт, включая опыт предшествующих поколений⁵. Образующееся таким образом в индивидуальном сознании

значение оказывается в своей основе не индивидуальным, а общественным явлением⁶.

Таким образом под «значением» сторонник лексикоцентрического подхода понимает такое отображение в сознании предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса), которое становится фактом языка вследствие того, что между ним и реализующим его определенным звучанием устанавливается постоянная и неразрывная связь. Это отображение действительности входит в структуру слова (морфемы и т.п.) в качестве его внутренней стороны (содержания), по отношению к которой звучание данной языковой единицы является материальной оболочкой, необходимой не только для выражения значения, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития⁷. Иными словами, лексикоцентрист исходит из того, что значение органически входит в язык, является его частью.

Конечно, сейчас никто уже не сомневается в необходимости различать речь и язык, ибо без этого различения наука о языке как о важнейшем средстве общения людей существовать не может. Речь это реальность языка. Она является не только средством общения, но и применением этого средства (речевой акт — конкретный процесс говорения) и его продуктом (речевое произведение — продукт речевого акта)⁸.

Текстоцентрическая семасиология тоже различает язык и речь, или, пользуясь терминологией Н. Хомского, делит лингвистические факты на относящиеся к сфере «компетентности» (competence) и к сфере «исполнения» (performance). Однако соотношение между ними иное, чем в дихотомии язык — речь. «Компетентность» имеет дело с имманентными языковыми моделями, конструктами, обнаруживаемыми ученым-языковедом гипотетико-дедуктивным методом, который отвергает необходимость обращения к эмпирической языковой реальности (за исключением приема верификации путем опроса информантов). «Исполнение» же вообще не должно касаться лингвиста, потому что живой язык, реализующийся в бесчисленных речевых произведениях — это такая область исследования, которая принадлежит психологии и другим наукам, а никак не языкознанию. На этом основании речь вообще исключается из рамок лингвистического исследования⁹.

Таким образом, в то время как объектом исследования текстоцентрической семасиологии является не естественное

высказывание, полученное эмпирическим путем, а высказывание, специально созданное или специально препарированное для иллюстрации определенного положения, объектом исследования лексичесентрической семасиологии является автономная единица языка — слово; причем слово, выделенное из речи. Ведь язык, чтобы стать предметом научного исследования, выделяется из речи. Поэтому для языковеда, опирающегося в своей работе на эмпирическое знание, из которого он черпает материал для теоретических обобщений, речь является тем источником, из которого он извлекает предмет исследования.

Исходя из изложенного, поставленный перед семасиологом вопрос о том, где следует искать значение, может быть сформулирован следующим образом — должно ли в семасиологии исходить из объективности существования отдельного слова, не только как части уже созданного произведения речи, а как закрепленного в сознании говорящего эквивалента элементов расчлененной действительности (лексичесентрический подход), или следует думать, что только семантика связного текста может считаться подлинно-научным объектом исследования (текстоцентрический подход)?

Может показаться, что такая постановка вопроса неоправдана и что она является плодом теоретических измышлений, поскольку семасиология испокон веков занималась изучением значений отдельно взятых единиц. Однако дело в том, что в последние годы появилось значительное количество семасиологических исследований, в которых методологической основой является то, что было выше обозначено как текстоцентрический подход. Совершенно очевидно, поэтому, что разграничение лексикоцентрического и текстоцентрического подходов имеет первостепенное методологическое значение.

§ 2. Можно ли считать, что лексичесентрический подход является «традиционным», а текстоцентрический — «структурным»!

В последние годы, в связи с широким применением структурных методов исследования, которые, естественно, распространились и на лексикологию и, что самое главное, на ту ее часть, которая занимается содержательной стороной ее единиц, произошло своеобразное, на наш взгляд неоправданное, разделение на лингвистов, которые прини-

мают эти методы, и тех, которые их, якобы, категорически отвергают. В связи с этим необходимо остановиться на следующем вопросе — как сопоставляются термины «лексицентрический» и «текстоцентрический» с другими терминами, применяемыми для обозначения разновидностей семасиологического исследования? В частности, в каком отношении эти подходы находятся к чрезвычайно распространенному в настоящее время понятию «структурная семантика»?

Если обратиться к обширной литературе вопроса, то может создаться впечатление, что различие лексицентрического и текстоцентрического направлений соответствует различению так называемого «традиционного» и структуралистического направлений. Такое впечатление основывается на недоразумении, поскольку сама постановка вопроса о противопоставлении традиционного и структуралистического направлений неправомерна¹⁰.

Лексицентрическая семасиология исходит из принципиальной выделяемости слова как основной единицы лексикологического исследования и — в практическом приложении — лексикографического описания. Если это называть традиционным, то и структурализм может быть традиционным, поскольку реальность слова не отрицается большинством направлений, называющих себя структуралистическими¹¹. Речь может идти о противопоставлении атомизма лексикологических описаний, то есть метода отдельного рассмотрения лингвистических явлений, в частности изолированного анализа значений отдельных слов, и структурализма, то есть такого метода лингвистического исследования, при котором явления языка рассматриваются как система определенных взаимоотношений и зависимостей. С этой точки зрения лексицентрические методики являются структуралистическими. Также нельзя сказать, что лексицентрический подход является описательным (descriptive), а текстоцентрический — объяснительным (explanatory) поскольку и описывать и объяснять можно как структурно, так и атомистически.

Другое дело, если речь идет о «структурной семантике» как о развитии идей Н. Хомского, который в более поздних работах ввел понятие «семантического компонента». Как будет показано ниже, разложение этого компонента на предельные семантические единицы представляет собой попытку подвести данное «индивидуальное» слово под такие категории и классы, которые позволили бы безошибочно

интерпретировать (трансформировать) целые высказывания. Таким образом получаемая структура оказывается «морфосинтаксической», а не лексикологической, то есть ищут объяснение закономерностей построения целых высказываний, вместо углубленного рассмотрения индивидуальной специфики конкретного слова как отдельной единицы словарного состава языка.

Сторонники лексичесентрической семасиологии резко расходятся с лингвистами, строящими свою теорию на текстоцентрическом принципе. Лексичесентрическая семасиология основывается на том, что (перефразируя Ф. де Соссюра) словарный состав — это не просто какое-то количество концептов, выраженных соответствующими единицами, как и слово — это не просто соединение некоторого звучания с некоторым концептом. Слово — это единое целое, и для того, чтобы обнаружить составляющие его элементы, оно должно подвергаться анализу именно как единое целое.

Сказанное представляется необходимым для того, чтобы более четко и определенно охарактеризовать содержание и направление предлагаемой книги, которая представляет собой обоснование лексичесентрического направления, то есть утверждение методики лексикологического и лексикографического описания, исходящей из понятия отдельности и семантической самостоятельности слова.

Начиная книгу с краткого критического рассмотрения текстоцентрических методик, а затем обращаясь к некоторым вопросам лексичесентрической семасиологии, автор не ставил перед собой задачу осветить все общетеоретические проблемы, связанные с семантикой слова, и все практические проблемы, получающие наиболее яркое и доказательное разрешение в лексикографии — цель книги может считаться достигнутой, если в ней будут четко поставлены и обсуждены хотя бы основные из них.

Примечания

1. В лингвистике нет не только единого понятия «значение», но нет и единого, общепринятого его определения. См. об этом: В. А. Звегинцев. Семасиология*. В

* В целях экономии места и во избежание повторений, в примечаниях не приводятся выходные данные упоминаемых работ. Полностью все данные приведены в Указателе использованной и цитируемой литературы.

кратком виде различные точки зрения на «значение» обсуждаются в статье Ю. С. Степанова. О предпосылках лингвистической теории значения.

2. Необходимо отметить, что вопрос о значении занимает сегодня не только лингвистов. Он широко обсуждается представителями разных гуманитарных специальностей. Так, например, философы и антропологи много занимаются до сих пор весьма популярной теорией лингвистической относительности — гипотезой Сепира — Уорфа (см.: В. Л. Whorf. Collected Papers on Metalinguistics; а также сб. «Language in Culture» под ред. Н. Нойега). Эта гипотеза подвергнута серьезному критическому анализу в работах: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии; М. Блэк. Лингвистическая относительность; Г. А. Брутян. Философская сущность теории лингвистической относительности; В. А. Звегинцев. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа; его же. Очерки по общему языкознанию; Г. В. Колшанский. Логика и структура языка; К. А. Левковская. Некоторые зарубежные языковедческие теории и понятие слова и др.

В последнее время особенно большой интерес к вопросам значения проявляют философы и логики (см. материалы, посвященного этим вопросам симпозиума в книге «Проблема значения в лингвистике и логике»). За рубежом получила широкое распространение так называемая «лингвистическая философия», которая представляет собой своеобразную транспозицию философии в лингвистику. В ее основе лежит полное отождествление языка и мышления, а метод представляет собой лингвистический анализ, основанный на понятиях математической логики. Таким образом объектом философских исследований становятся вопросы грамматически правильного оформления мысли, вопрос о роли языка в формализации мысли, языковые способы и границы формализации и т.д. (См. об этом: Г. А. Брутян. О некоторых аспектах языка как объекта исследований).

Еще дальше по пути отграничения языка от языкознания пошел Рудольф Карнап, который вообще свел все науки к «языкам», к тем высказываниям, которые делают (или могут делать) лица (например, физики, химики), овладевшие этими «языками» в достаточной степени.

3. Обсуждение различных определений слова не входит в задачу нашей работы. Слово принимается как основная

двусторонняя единица языка, являющаяся предельной составляющей предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного «участка» действительности и направляться на эту последнюю. Слово — основная единица лексики языка. (См.: О. С. А х м а н о в а. Словарь лингвистических терминов, стр. 422; А. И. С м и р н и ц к и й. Значение слова). Детальный анализ и сопоставление различных определений слова, а также большой библиографический материал по данному вопросу см. у К. А. Л е в к о в с к о й. Теория слова; М. Д. С т е п а н о в о й. Методы синхронного анализа лексики, стр. 21 и далее; и особенно у Д. Н. Ш м е л е в а. Проблемы семантического анализа лексики, стр. 82 и далее.

4. Этот термин принадлежит де-Соссюру. См.: Ф. д е-С о с с ю р. Курс общей лингвистики, стр. 39.

5. Таким образом можно сказать, что общеметодологической основой лексическо-семасиологии является базирующееся на монистическом марксистско-ленинском мировоззрении понимание значения как отражения «двухединой» объективной реальности: во-первых, объективной реальности внешнего материального и социального мира и, во-вторых, реальности «родного языка»; причем вторая, являясь производной по отношению к первой, тем не менее оказывает на нее вполне определенное обратное воздействие. См. об этом: О. С. А х м а н о в а и Р. С. Г и н з б у р г. К вопросу о диалектике языка и мышления.

6. См.: А. И. С м и р н и ц к и й. Объективность существования языка.

Де-Соссюр тоже признавал общественную природу языка (см. указ. соч., стр. 38), но различая язык и речь (*langue* и *parole*), он считал, что реальное физическое звучание речи не относится к языку, так как язык психичен — психичны оба элемента языкового знака: и смысл и акустический образ. Таким образом, как всякое психическое явление, он существует лишь как функция мозга и имеет «местонахождение в мозгу» (Указ. соч., стр. 39).

Одно из кратких определений, которое де-Соссюр дал языку — «Язык есть система знаков, выражающих идеи...» (Указ. соч., стр. 40) — является отправным принципом для многих разновидностей соссюрианства, в частности для структурального языкознания, которое продолжает уделять немало внимания природе «языкового знака». Развивая взгляды де-Соссюра в направлении дальнейшей «де-

материализации языкового знака» глоссематика фактически превращает «языковый знак» в соединение «чистых» форм или «чистых» отношений, отрешенных от всякой субстанции (см.: О. С. А х м а н о в а. Глоссематика Луи Ельмслева как наиболее полное проявление упадка современного буржуазного языкознания).

7. См.: О. С. А х м а н о в а. Словарь лингвистических терминов, стр. 161.

8. Ср. о соотношении понятий речь — речевой акт — речевое произведение у В. Я. М ы р к и н а. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык — речь.

9. Отрицание речи как материала лингвистического исследования, равно как и отрицание социальной значимости речи (понимание ее лишь как явление индивидуального) неоднократно подвергалось критике. См., например: Н. Д. А н д р е е в, Л. Р. З и н д е р. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка; А. Г. В о л к о в. О теоретических основаниях дихотомической гипотезы языка и речи Ф. де Соссюра; Т. П. Л о м т е в. Язык и речь.

10. См. об этом, например: В. И. А б а е в. Языкознание — общественная наука; Т. П. Л о м т е в. Современное языкознание и структурная лингвистика.

11. Общие принципы структурализма в применении к лексикологическому исследованию были наиболее четко изложены Е. К у р и л о в и ч е м в «Заметках о значении слова» и в работе «*La notion de l'isomorphisme*». См. также: Ю. Д. А п р е с я н. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики; Л. Е л ь м с л е в. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?; А. И. К у з н е ц о в а. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования; В. С. П е р е б е й н о с. К вопросу об использовании структурных методов в лексикологии; С. К. Ш а у - м я н. Структурные методы изучения значений. Весьма интересное развитие структурные методы получили в последней работе Чейфа. См.: W a l l a c e L. C h a f e. *Meaning and the Structure of Language*.

Наиболее широко известными и до сих пор наиболее интересными из попыток структурного описания, правда, небольшой микросистемы языка, являются работы Сэпира (см.: С. S a p i r. *Totality and Grading. A Study in Semantics*), определившие не только характер многих последующих исследований, но и ряд новейших работ.

ГЛАВА 1
КРАТКИЙ КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКОЙ СЕМАСИОЛОГИИ

**§ 1. Лексикологическое исследование
и лексикографическое описание, требующее
«объективного» определения значений,
основанного на наборе формальных правил**

Лексицентрическое исследование, как вытекает из самого названия, не ставит себе целью выяснение смыслов целых высказываний. Высказывание (предложение) как объект исследования содержательной стороны языка выступает в работах тех учеников Н. Хомского, которые предприняли попытку объяснить и описать способность людей понимать сообщения и порождать бесчисленное множество семантически приемлемых предложений на естественных языках, то есть создать нечто, что можно было бы назвать «генеративной семасиологией»¹. Отказавшись от анализа отдельного слова (или «слабой» семантики), они объявили подлинно научным объектом исследования «сильную» семантику связного текста. Такой подход впервые наметился в работах Хомского, Катца и Постала² и получил теоретическое обоснование на международной конференции в Польше в докладе Н. Хомского, озаглавленном «Некоторые наблюдения, касающиеся проблемы семантического анализа естественных языков»³.

Основным постулатом текстоцентрического подхода является то, что семасиология страдает не столько от недостатка сведений о значениях и их взаимосвязях в естественных языках, сколько от отсутствия адекватной теории, могущей организовать, систематизировать и обобщить эти сведения. Поэтому задача состоит в том, чтобы определить, какой вид должна иметь семантическая теория естественного языка, чтобы наиболее разумно и четко согласовать и представить все факты семантической структуры языка, получаемые в результате описательного, эмпирического исследования, «записать» их «смысл» на языке универсальной семантики.

Рассмотрим наиболее интересные работы этого направления⁴.

§ 2. Общая система Катца и Фодора

Пионерами в области применения идей «порождающей грамматики» к семасиологии явились Катц и Фодор, выступившие с работой «Структура семантической теории»⁵, развивающей идеи Н. Хомского. В качестве объекта семантического исследования они берут цельное и связное произведение речи — высказывание. Все высказывания традиционно делятся на «предложения», причем последние остаются основной единицей речи, несмотря на все трудности их вполне объективного научного определения. Поэтому задача исследователя состоит прежде всего в определении структуры предложения и его семантических особенностей. Таким образом семантический анализ как бы разбивается на две фазы: синтаксическую и собственно семантическую. На первом этапе устанавливается структура предложения. Однако грамматика не может объяснить, почему синтаксически одинаковые предложения, отличающиеся только морфемным составом, могут быть идентичными по значению (например, *The oculist examined me* и *The eye-doctor examined me*; ср. *Меня смотрел окулист* и *Меня смотрел глазник*) и разными (например, *They saw me* и *I saw them* ср. *Они видели меня* и *Я видел их*.) Далее, теоретически неосмысленным остается вопрос о том, почему синтаксически различные предложения могут быть синонимичными (например, *Two chairs are in the room* и *There are at least two things in the room and each is a chair*; ср. *Комнату украшал букет полевых цветов, стоящий в вазе на столе* и *В вазе на столе стоял букет полевых цветов и он украшал комнату*.)

Грамматика не дает ответа и на то, почему, например, предложения *The street is wide*, *The bill is large*, *The paint is silent*, имеющие одинаковую синтаксическую структуру, кроме различия в конкретно-вещественном значении, обладают различными семантическими характеристиками гораздо более широкого свойства: значение первого (*The street is wide*) не допускает различных толкований; второе (*The bill is large*) семантически неоднозначно ('Счет — большой', 'Клюв — большой'); а третье (*The paint is silent*) является на интеллективном уровне семантически неприемлемым ('Краска молчит').

Можно считать общепринятым, что человек, естественно пользующийся языком, способен понимать такие предложения, которых он, как таковых, никогда прежде не слышал, а также создавать новые предложения, понятные другим лицам, естественно пользующимся этим языком. Далее, предполагается, что эти лица способны отличать приемлемые предложения от неприемлемых и даже определять количество возможных интерпретаций семантически неоднозначных предложений, выбирая те из них, которые соответствуют контексту ситуации.

Свою процедуру авторы излагают в последовательно формализованном виде $F(S, GS, IS, C)$, где аргументами функции F являются предложение S , грамматическое описание предложения GS , семантическая интерпретация (набор значений) этого предложения IS и ситуация контекста (setting) C . Таким образом $F(S, GS, IS, C)$ означает либо 1) одну данную интерпретацию — IS , которую естественно пользующиеся языком приписывают S в контексте типа C (однозначность S в данном контексте, full disambiguation of S); либо 2) $n \geq 2$ интерпретаций, приписываемых S , если S имеет n разночтений в контексте типа C (отсутствие однозначности S , недостаточность C для полной ликвидации двусмысленности, «дисамбигуации»); либо 3) сводится к нулю, если S нельзя приписать ни одной интерпретации, когда оно находится в контексте типа C .

Приведенная формула вновь свидетельствует о том, что основной помехой в развитии семантической теории является отсутствие достаточно глубокого проникновения в природу C . Действительно, что такое «контекст» — непосредственное вербальное (словесное) окружение или же, наряду с ним, также и экстралингвистический, социофизический контекст, то есть вся сумма знаний человека о мире⁶? На этот вопрос авторы ответа не дают, ограничившись указанием на то, что под C они подразумевают контекст, «достаточный для семантической интерпретации данного предложения». При этом, понятие контекста фактически оказывается сведенным к вербальному окружению, поскольку привлечение каких-либо экстралингвистических факторов, не лингвистический путь разрешения неопределенности предложения (вообще знание человеком фактов окружающей действительности) не укладывается, по определению, в рамки строго формальной теории. Выход тогда приходится искать, вопреки основным положениям теории, в обращении к сверхфразовому единству⁷. Имея некоторую

последовательность предложений, можно «формально» получить однозначную интерпретацию. Так, предложение *Он принес лук* в изолированном виде неоднозначно, но неоднозначность снимается, если соединить его с предложением: *Они принялись за приготовление салата*. Таким же образом разрешается неоднозначность предложений *Она привела нас в лес* и *Я стоял в стороне*; *Мы долго шли едва приметной в скошенном лугу тропинкой*. *Она привела нас в лес*; *Я стоял в стороне*. До меня не доносились их слова или *Я стоял в стороне*. Таков был мой жизненный принцип. Меня не трогали волнующие их проблемы. При таком подходе как будто бы вообще снимается вопрос об омонимах⁸.

Хотя число и разнообразие факторов, подлежащих изучению в семантическом исследовании, уже и так оказывается очень большим, приведенными моментами проблема отнюдь не исчерпывается. Для генеративной семантики ведущими оказываются, по существу, некие абстрактные морфо-синтаксические позиции, и пафос исследования переносится с определения значения на разрешение проблемы неоднозначности, неопределенности, неясности, свойственной некоторым предложениям. Так, например, предложение *John doesn't beat his wife because he loves her*; в зависимости от того, к чему относится отрицание, может иметь два толкования: а) *Джон не бьет свою жену, потому что он ее любит* и б) *Джон бьет свою жену не потому, что он ее любит*. Или см. три толкования предложения *Иван сказал Петру, что у него большая библиотека* в зависимости от референта местоимения *его* (у кого большая библиотека? — у Ивана? у Петра? Или у какого-то третьего лица?).

Часто разрешение проблемы неоднозначности предложения упирается в многозначность отдельных слов, входящих в его состав. Так, например, речевое произведение *Это было сложное предложение*, даже если оставить в стороне возможные семантические интерпретации слов «быть» и «сложный», а сосредоточиться только на слове «предложение» — что, естественно, уменьшает количество возможных вариантов — может иметь 3 толкования: 1) грамматическое: сложное предложение в противоположность простому; 2) связанное с глаголом «предложить», то есть представить на обсуждение как известную возможность; 3) связанное с существительным «предложение», означающим просьбу стать женой.

В связи с третьей интерпретацией рассматриваемого примера немедленно возникает вопрос о возможной и допустимой сочетаемости различных значений (лексико-фразеологических вариантов) слова, то есть проблема до сих пор не разгаданных правил и законов взаимного «притяжения» и «отталкивания» отдельных слов. Действительно, можно ли в какой-либо ситуации охарактеризовать просьбу стать женой определением «сложный»? Мы ведь не рассматриваем то значение слова «предложение», которое определяется в словарях как «поступление товаров на рынок». Наша «языковая компетенция», то есть, попросту, знание языка, исключила возможность сочетания данного слова в этом значении с прилагательным «сложный». В отношении же третьей из предлагаемых нами интерпретаций мы не можем высказаться столь же определенно. Возможно, что при знании более широкого контекста, такое толкование допустимо.

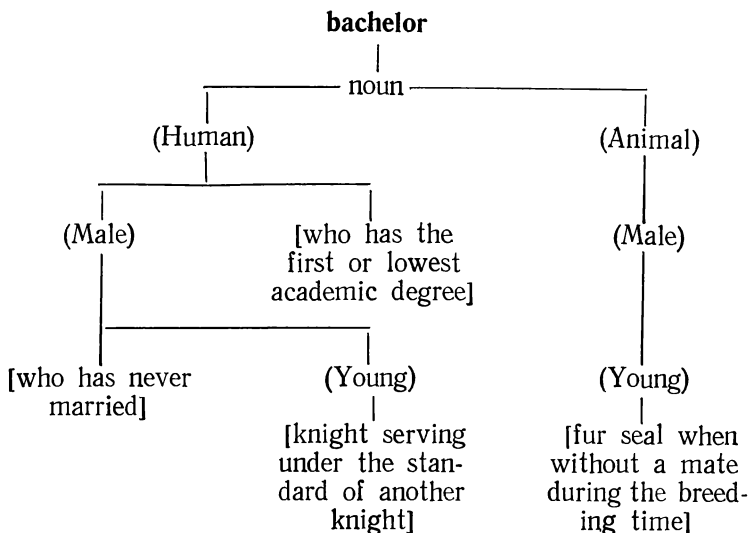
Рассмотрим еще один пример: *Там разместилась большая компания.* Что имеется в виду в данном случае? Торговопромышленное объединение предпринимателей или группа лиц, проводящих вместе время?

Безусловный интерес представляет подробное операционалистическое описание семантического анализа предложения, которое мы находим в указанной выше работе Катца и Фодора. Исследователь должен исходить из наличия словаря анализируемого языка (dictionary) и правил применения той информации, которая заключена в словаре, «комбинаторных правил» (projection rules), учитывающих семантические отношения между словами и взаимодействия между их значениями и соответствующими синтаксическими структурами⁹.

Считая всю предшествующую лексикографическую практику (толковые словари) бессистемной, Катц и Фодор предлагают свою систему подачи слов. Их «словарная статья» отличается от обычной, во-первых, отсутствием фонетических, этимологических и хронологических сведений, признаваемых иррелевантными для семантического описания языка, и, во-вторых, методом подачи материала.

Материал словарной статьи складывается из двух частей — грамматической и семантической. В первой, при помощи грамматических показателей (grammatical markers), определяется принадлежность слова к определенному классу; во второй — приводится семантический анализ. Значение слова разлагается (is decomposed, atomized) на

семантические показатели (semantic markers) и различители (distinguishers). Предполагается, что наиболее удобной для пользования является такая подача, в которой вся указанная информация представлялась бы в виде таблицы-дерева. Например:

В предлагаемой схеме без скобок дается грамматический показатель, в круглых скобках указывается семантический показатель, а в квадратных — различитель. Разница между семантическим показателем и различителем отражает, по теории Катца и Фодора, различие, которое существует между той частью значения лексической единицы, которая является регулярной, систематической для языка, и той частью, которая таковой не является. Иными словами, семантические показатели это те элементы, при посредстве которых теоретически выражаются регулярные, систематические для данного языка семантические отношения. Они отражают систематические семантические отношения между данным словом и другими единицами словаря. Различители же это те, свойственные лишь данному значению, остатки смысла, которые его характеризуют в том случае, когда его семантические показатели совпадают с семантическими показателями другого значения той же словарной единицы. Изменение в системе семантических показателей будет иметь серьезные последствия для всей

предлагаемой семантической теории, изменения же в различителях создадут лишь иные связи между какой-либо одной единицей и ее синонимами¹⁰.

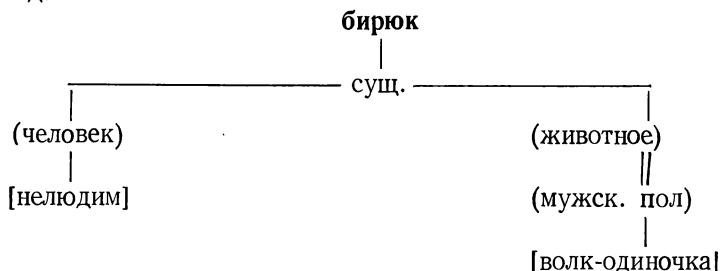
Такая громоздкая, деревообразная словарная статья может быть заменена «линейной». В этом случае слово *bachelor* предстает в следующем виде:

1. **bachelor** → noun → (Human) → (Male) → [who has never married]
2. **bachelor** → noun → (Human) → (Male) → (Young) → [knight serving under the standard of another knight]
3. **bachelor** → noun → (Human) → [who has the first or lowest academic degree]
4. **bachelor** → noun → (Animal) → (Male) → (Young) → [fur seal when without a mate during the breeding time]

Какую форму подачи ни предпочесть, все равно грамматическая часть определяет синтаксическую роль, которую данная лексическая единица может играть в предложении, а семантическая часть каждой из своих «дорожек»¹¹ раскрывает одно из значений слова.

Модель речевого акта представляет собой выбор и слияние (амальгамацию) тех «дорожек», которые единственно могут разрешить существующую в большинстве высказываний неопределенность. Таким образом, выбор «дорожки» в слове **bachelor** для интерпретации предложения типа *He is a bachelor* (холостяк? бакалавр? рыцарь? котик?), *He became a bachelor* (рыцарем? бакалавром?) *He is studying hard to become a bachelor* (бакалавром) и т.п. не должен противоречить контексту, более широкому для первого из приведенных предложений, более узкому для второго¹².

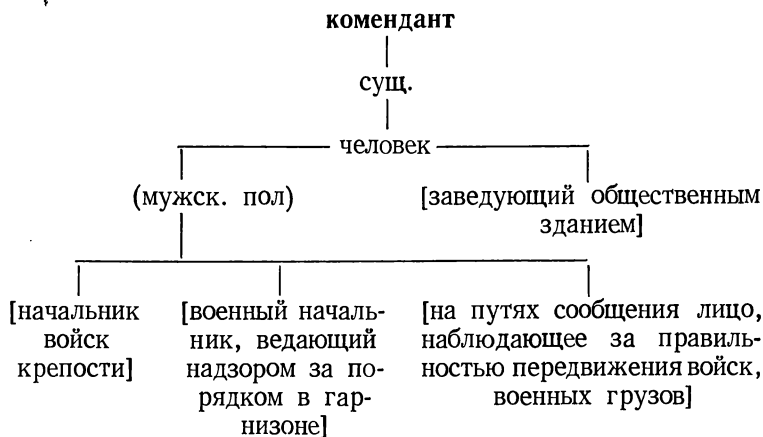
Рассмотрим примеры из русского языка. Например, слово **бирюк** по описанной схеме приняло бы следующий вид:

то есть оно имело бы два противопоставляемых семантических показателя (человек) и (животное), которые, по

существо, определяют наличие двух значений. Семантический показатель (мужской пол), как и различители, являются, по-видимому, избыточными для определения количества значений какого-либо предложения, в котором присутствует слово **бирюк**, в том смысле, что они не ведут к дальнейшему разветвлению значений, а лишь толкуют их посредством обычной словарной дефиниции: 'нелюдимый человек' и 'волк-одиночка'. Однако для того, чтобы понять значение такого предложения, как, скажем, *Наконец мы увидели этого бирюка*, мы должны, с одной стороны, довести «атомизацию» значения слова «бирюк» до стадии различителей, а с другой — знать тот окружающий вербальный минимум (предшествующий или последующий контекст), который поможет нам правильно интерпретировать данное предложение, то есть укажет, с каким семантическим показателем (человек / животное) мы имеем дело¹³.

При интерпретации предложения *Необходимо обратиться к коменданту* перед нами, естественно, возникает та же проблема: контекст и значение слова **комендант**:

Описанная выше методика применяется Катцем и Фодором к естественному и, вместе с тем, семантически сложному предложению *The man hits the colourful ball*, и авторы вполне убедительно доказывают, что исследуемое предложение является семантически приемлемым (не аномальным) и имеет четыре значения, связанные с многозначностью слов *ball* и *colourful*¹⁴.

Из сказанного ясно, что рассмотренная методика имеет целью чисто лингвистическое изучение семантики предложения *per se*. Однако несмотря на большое значение, придаваемое анализу именно предложения, текста, Катц и Фодор в конечном счете обращаются к семантике слова, на основе которой и выводится семантика предложения. Далее, несмотря на то, что анализу предполагается придать вполне «формальный» характер, семантические показатели, предлагаемые вместо обычных, принятых в лексикографии, дефиниций, способные, якобы, при применении особых операционалистических приемов указать правильное решение, фактически определяются в большинстве случаев на основе обращения к внелингвистической реальности; см., например, такие показатели, как (Абстрактное) / (Конкретное), (Человек) / (Животное), (Мужской пол) / (Женский пол), (Молодой) / (Старый).

Прежде чем делать какие-либо выводы, следует рассмотреть еще ряд текстоцентрических методик семасиологического исследования, основанных на дистрибутивно-трансформационной грамматике и использующих ее результаты.

§ 3. Теория Абрахама и Кифера как популяризация системы Катца и Фодора

Принимая в качестве отправной точки теорию Катца и Фодора, Абрахам и Кифер¹⁵ выдвинули свою теорию структурной семантики. Однако поставив себе общей целью определить содержание и записать смысл предложения для того, чтобы описать и объяснить способность говорящего правильно их истолковывать, они, в отличие от предшествующей теории и в исправление ее, опираются на следующие исходные принципы:

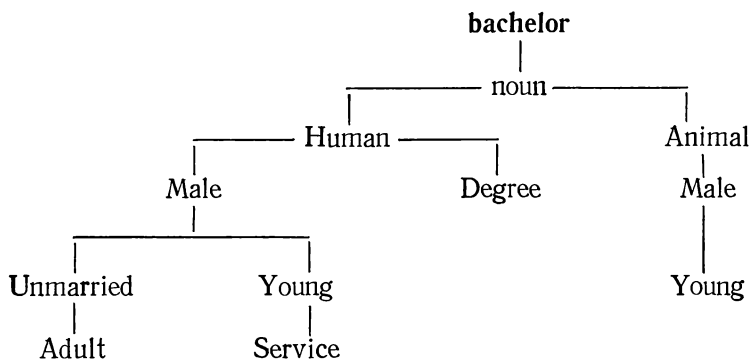
1) объектом исследования должно являться не отдельно взятое предложение, а более протяженная лингвистическая единица, состоящая из нескольких связанных друг с другом по смыслу предложений (*discourse*), то есть сверхфразовое единство; 2) без тщательно разработанной семантики слова нельзя надежно анализировать значения более протяженных единиц; 3) вопрос о значении предложения не может решаться, если предварительно не решить такие, не учитывавшиеся Катцом и Фодором проблемы, как а) «степень семантической отмеченности» (*“degree of semantic-*

ness”), включающую классификацию предложений семантически аномальных, хотя и безупречных в грамматическом отношении; б) семантическая дивергенция и конвергенция, связанная со сходством или различием семантически «правильных» предложений одинаковой грамматической структуры; в) семантическая интерпретация грамматически неотмеченных, но вполне «понятных» предложений; 4) семантическая теория должна быть не только точной, но и формализованной¹⁶, поэтому авторы начинают с того, чтобы найти пути формализации «неопределенного понятия значение слова»¹⁷. Они исходят из того, что существует некоторое конечное множество грамматических категорий, которые могут быть расположены в определенной последовательности, и некоторое конечное множество семантических категорий, которые тоже могут быть обозначены порядковым номером. Каждому слову можно приписать определенное подмножество первого и второго, причем при помощи числового показателя можно записать, характеризуется ли данное слово этой категорией (1) или нет (2). Таким образом, используя математические приемы, авторы для определения значения слова обращаются к некоторым последовательностям цифр, значение совокупности которых можно вычислить по особым правилам. Эта последовательность чисел, называется **матрицей** данного слова.

Для того чтобы проиллюстрировать методику построения матриц и модели предложения, необходимо объяснить еще некоторые моменты в теории Абрахама и Кифера.

Грамматические категории уже выделены трансформационной грамматикой, и целью исследования на грамматическом уровне является выяснение того, обладает ли данная цепочка элементов грамматической отмеченностью, то есть является ли она предложением.

Теперь необходимо определить и выделить основные семантические категории, чтобы можно было установить, является ли цепочка, уже определенная как предложение, значащей (meaningful). Для этого Абрахам и Кифер уточняют некоторые положения предшествующих теорий. «Дерево» Катца и Фодора «развивается», обрастает новыми «ветвями» за счет более дробных формальных параметров, которыми заменяются не поддающиеся формальной репрезентации «различители» исходного «дерева». Поэтому слово **bachelor** приобретает уже следующий вид:

Авторы указывают, что каждый параметр, то есть семантическая категория, может иметь несколько значений. Например «степень» (Degree) может иметь значения 3, 4, 5, где 3 означает низшую, 4 — следующую, а 5 — высшую степень¹⁸. Таким же образом категория «животное» (Animal) может дальше детализироваться за счет привлечения биологических «категорий», которые в лингвистическом анализе будут играть роль категорий семантических. Кроме этого, вводятся понятия «эквивалентности» и «несовместимости»; причем для формальной теории как близкие к математическим формулировки, так и то, что все понятия разъясняются при помощи алгебраической символики — явление вполне естественное. Например, определение понятия «эквивалентности» имеет следующий вид: два слова *a* и *b* называются эквивалентными ($a \Rightarrow b$) если (*a*, *y*) и (*b*, *y*) оказываются верными в одно и то же время. Это можно проиллюстрировать таким образом: слова типа «зеленый» и «красный» являются эквивалентными, потому что одно всегда может быть заменено другим¹⁹.

Понятие «эквивалентности» связано с понятием «совместимости», которое определяется как возможность соответствующих словам матриц стоять рядом в исходном (не трансформированном) сочетании. Так, слова *liquid* и *shoes* не могут быть названы «совместимыми», потому что их матрицы не могут следовать одна за другой в исходном сочетании.

Исходя из этого, предложения *He is digging grammatically*; *The weather is an opinion today!*; *The dog is flying by vacuum-cleaner*; *The potter looks barking*; *The illustrator makes green colourless water*; *The computer evaporates like cats* из-за несовместимости *digging* и *grammatically*, *green*

и *colourless* и т.п. лишены значения, то есть являются «аномальными»²⁰, а предложения *He is digging slowly*; *The weather is terrible today!*; *The dog is flying by plane*; *The potter looks angry*; *The illustrator draws pictures*; *Water evaporates* являются значащими.

Конкретное исследование проводится Абрахамом и Кифером на весьма ограниченном языковом материале²¹. Так например, предполагается, что на первом, или грамматическом, уровне порождены следующие предложения:

- 1) The man takes the book
- 2) The man takes the man
- 3) The book takes the man
- 4) The book takes the book.

На втором, семантическом, уровне естественно пользующийся языком²² признает первые два предложения значащими, а последние два — аномальными.

Какой же должна быть модель, формализующая данное различие и объясняющая, что лежит в его основе?

Для того чтобы построить такую модель, необходимо выделить соответствующие категории и построить матрицы. Для иллюстрации модели приведенных выше предложений используется 14 приписываемых каждому слову категорий (показателей), грамматических и семантических, причем среди них выделяются независимые и зависимые показатели. Это

1. грамматические категории:
 - а) независимые показатели: глагол, имя, артикль
 - б) зависимые показатели: переходность, конкретность;
2. семантические категории:
 - а) независимые показатели: существо, объект, действие
 - б) зависимые показатели: человек, мужской пол, взрослый, физическое, воображаемое, контактное.

Показатели располагаются таким образом, что между независимыми грамматическими показателями размещаются зависимые, «подчиненные» предшествующему независимому грамматическому показателю; соответственно, между независимыми семантическими показателями размещаются зависимые, «подчиненные» предшествующему независимому семантическому показателю; после последнего независимого грамматического показателя и после последнего независимого семантического показателя размещаются «подчиненные» или зависимые показатели.

Итак, выделенные 14 категорий распределяются в следующем порядке: 1) **глагол**, 2) **переходный**, 3) **имя**, 4) **кон-**

кретное, 5) артикль, 6) существо, 7) человек, 8) мужского пола, 9) взрослый, 10) объект, 11) действие, 12) физическое, 13) воображаемое, 14) контактное.

Матрицы должны быть построены так, чтобы 1) каждая из них содержала конечное число ячеек, и чтобы это число было одинаковым для всех матриц (в данном случае 14 для каждого слова и 14×5 , то есть 70, для каждого предложения); 2) различие с левой стороны сопровождалось различием с правой стороны²³; 3) каждая ячейка матрицы представляла собой какую-либо категорию, причем во всех матрицах одна и та же категория должна помещаться в одну и ту же ячейку. Так, 1-й, 3-й и 5-й ячейкам соответствуют независимые грамматические показатели, 6-й, 10-й и 11-й ячейкам соответствуют независимые семантические показатели. Ячейки, как уже указывалось, заполняются при помощи цифр 1 и 2, которые показывают, характеризуется ли слово данной категорией или нет.

В результате, слова, составляющие рассматриваемые 4 предложения, приобретают следующий вид:

- 1) *man* → (2 2 1 1 2 1 1 1 1 2 2 2 2 2)
- 2) *book* → (2 2 1 1 2 2 2 2 2 1 2 2 2 2)
- 3) *the* → (2 2 2 2 1 2 2 2 2 2 2 2 2 2)
- 4) *takes* → (1 1 2 2 2 2 2 2 2 2 1 1 2 1)
- 5) *takes* → (1 1 2 2 2 2 2 2 2 2 1 1 1 1)

Как видим, слово *man* положительно характеризуется 3, 4, 6, 7, 8 и 9 категориями: имя, конкретное, существо, человек, мужского пола, взрослый — и не имеет остальных категорий; слово *book* характеризуется категориями: имя, конкретное, объект и т.д.

Значащее предложение представляет собой соответствующую последовательность матриц. Применяя правила, можно переписать его таким образом, чтобы получить в результате одну матрицу. Эта конечная матрица и является значением предложения. Например, значение предложения *The man takes the book* определяется матрицами (2 2 2 2 1 2 2 2 2 2 2 2 2 2) (2 2 1 1 2 1 1 1 1 2 2 2 2 2) (1 1 2 2 2 2 2 2 2 2 1 1 2 1) (2 2 2 2 1 2 2 2 2 2 2 2 2 2) (2 2 1 1 2 2 2 2 2 1 2 2 2 2) и (2 2 2 2 1 2 2 2 2 2 2 2 2 2) (2 2 1 1 2 1 1 1 1 2 2 2 2 2) (1 1 2 2 2 2 2 2 2 2 1 1 1 1) (2 2 2 2 1 2 2 2 2 2 2 2 2 2) (2 2 1 1 2 2 2 2 2 1 2 2 2 2), вследствие того, что слову *take* приписываются две матрицы.

Итак, какие же вопросы предполагают решить авторы на основании своей формальной теории?

Во-первых, сколько значений имеет данное значащее предложение? Это определяется тем, сколько у него образуется семантически различных матриц (*distinctive semantic matrices*). Если, например, предложение *s* имеет *i* таких матриц, его многозначность (неопределенность, *ambiguity*) определяется числом *i*, то есть оно *i*-значно (*i*-ways ambiguous). Если же *s* имеет лишь одну различительную семантическую матрицу, оно однозначно (*semantically unambiguous*). Иными словами, при помощи формальной записи можно выявить, например, что предложения *The boy hit the colourful ball; The feather lies on the table; Peter is playing with his brother; The boy is drawing a cord* имеют более чем одно значение.

Во-вторых, предлагаемая теория дает возможность определить, что два предложения типа *The boy is riding his bicycle* и *The lad is riding his bicycle* являются частично синонимичными, а предложения типа *The eye-doctor examined me* и *The oculist examined me* являются полностью синонимичными.

Формальная теория должна также различать предложения по их сходству. Ср., например, *The boy is eating the delicious apple* и *The lad is eating the good apple*. Или *Yesterday Father came home late; Yesterday Father came home early* и т.п.

Такой подход к определению значения является, по мнению авторов, наиболее практически полезным, так как их определение удовлетворяет требованиям формальности, укладывается в рамки разрабатываемой семантической теории и даже соответствует более широкому, не формальному, определению.

В данной работе мы не имеем возможности рассказать о теории Абрахама и Кифера более подробно. Отметим лишь еще одно обстоятельство. Обращение к интуиции информантов (*native speakers of English*) и самого исследователя, как правило, является в работах данного направления как отправным пунктом, так и проверкой (мерилом) окончательных результатов. В этой связи интересно попутно отметить, что интуиция информанта, отвергшего два из четырех рассматриваемых выше предложений как не имеющих значения²⁴, основывается в данном случае на обращении к факторам экстралингвистическим (так не бывает!), не принимаемым в расчет «генеративными семасиологами», в той же мере, в какой и в случаях с *Peter's mother is 14325 years old* и др.²⁵. Несовместимость *liquid* и *shoes* (*Yester-*

day he had his liquid shoes on) или *hot* и *cold* (*I am eating the hot soup cold*) также является следствием экстралингвистических факторов. Это приводит к следующей мысли: хотя создание модели знакового поведения человека, в частности модели синтеза семантически правильных предложений, и представляет большой интерес, в настоящее время более важным является анализ существующего, то есть анализ внутренней организации речевого материала, выявление основных (универсальных) семантических категорий.

Теория Абрахама и Кифера, как и рассмотренная выше теория Катца и Фодора, имеют целью выявление механизма распознавания семантически приемлемых, то есть грамматически правильных предложений и определение числа их толкований. Несмотря на некоторые различия и, можно сказать, большую убедительность этой теории по сравнению с той, от которой она отталкивается, они оказались во многих отношениях весьма сходными. Дело не только в том, что обе развивают положения «порождающей грамматики» Н. Хомского, что обе в своем рассмотрении значений лингвистических единиц не учитывают их предметной отнесенности, что они ограничиваются анализом отдельных примеров, кладя их в основу общей теории. Дело также и в том, что применяемые в этих теориях формальные методы часто усложняют понимание реальных явлений речи и оказываются слишком громоздкими, чтобы быть использованными в анализе сколько-нибудь значительных по объему речевых произведений.

Создается впечатление, что исследование как бы останавливается на первом из трех этапов процесса познания — на анализе конкретного. Это происходит потому, что по существу дело ограничивается исследованием некоторых конкретных фактов речи; ни научной абстракции как отвлечения от всего многообразия конкретных проявлений общения, ни тем более проверки практикой — нет и, по существу, быть не может, так как формальные методы абсолютизируются, а они возможны лишь на этом первом этапе.

Вообще, следует сказать, что применение в лингвистическом исследовании, вместо традиционного метаязыка лингвистики, математического аппарата ограничивает возможность восприятия лежащей в основе исследования теории; тем более, что предлагаемый для создания формальной системы метаязык еще неокончательно отработан,

часто не является достаточно строгим математически и, что очень важно, не является универсальным даже для рассматриваемого направления. Можно сказать, что «записей смысла» столько, сколько лингвистов, строящих свои теории на основах «порождающей» и «трансформационной» грамматик.

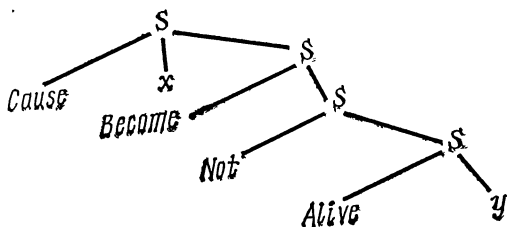
§ 4. Формально-логическая репрезентация Макколи

Еще одной разновидностью семантической теории, основанной на понятиях структурного «порождения» является теория «семантической репрезентации» («записи смысла»), разработанная Дж. Д. Макколи. Здесь, в отличие от тех теорий, где семантический компонент рассматривается как нечто суммарное, определяющее значение целого высказывания, делается попытка определить соотношение значений высказывания и составляющих его лексических единиц и предлагается система формализованной записи этих соотношений. Мы не будем останавливаться на той части этой теории, которая занимается возможными способами изображения, представления лежащих в основе значения высказывания неких «концептуальных структур» в виде различных структурных иерархий. Они, по существу, мало отличаются от уже описанных способов.

Рассмотрим, как в терминах современной структурной семантики мыслится определение и представление в формализованном виде значений, а вернее концептов, лежащих в основе отдельных лексических единиц. Оно оказывается по своему характеру тесно связанным с определением и представлением в формализованном виде значений высказываний. Это объясняется тем, что значение слова рассматривается здесь как некий комплекс более мелких семантических компонентов, находящихся в определенной структурной зависимости, подобной той, которая существует в предложении, то есть компоненты значения слова подчиняются тем же синтаксическим законам (подчинение, сочинение и т.д.), что и комбинации элементов предложения. Так, например, значение слова *лингвист* состоит, грубо говоря, из элементов «ученый (специалист)» и «язык». Эти элементы находятся внутри слова в тех же семантических отношениях, в которых находятся слова *ученый* и *язык* в сочетании *ученый, занимающийся исследованием языка*²⁶.

Разложив слова или предложения на их компоненты мы получаем формализованную запись, в которой первоначальный порядок компонентов часто не сохраняется.

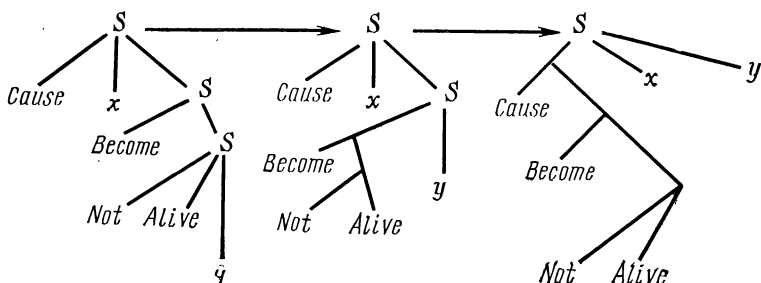
Так, например, Макколи в своей работе, посвященной вопросам семантики в свете трансформационной грамматики²⁷, взяв в качестве примера некий сложный концепт, «концептуальную структуру» «убийения» одного лица другим типа *x убивать (убивает, убил, убьет и т.д.) y*, выделяет следующие семантические элементы в слове *убить* — *kill*: каузация — *Cause* (двухместное²⁸ отношение, соотнесенное с лицом и с событием), становление — *Become* (одноместный предикат, соотносимый со всем высказыванием), отрицание — *Not* (одноместный предикат, относящийся ко всему высказыванию) и живой — *Alive* (одноместный предикат, соотносимый с лицом). Таким образом, *kill*, разложенное на составляющие его компоненты значения, может быть представлено как «каузировать стать не живым». Следовательно, если в концептуальную структуру, находящую словесное выражение в *x kill y*, для более полного проникновения в ее смысл, включить элементы, составляющие значение отдельного концепта *kill*, то мы получим следующую семантическую репрезентацию:

Иначе говоря — если обратиться к словесному описанию этой репрезентации, которое будет гораздо естественней и понятней для лингвиста, — *John* (если *x*=*John*) *caused* (если наша концептуальная структура соотносится с определенным временем, а именно с прошлым) *Harry* (если *y*=*Harry*) *to become not alive*.

Однако английский язык позволяет перегруппировать семантические компоненты при помощи операции «совмещения предикатов» (*Predicate raising*), заключающейся в произвольном присоединении предиката более «низкого» (в формальном смысле) порядка к предикату следующего, более «высокого» предложения²⁹. Так можно, например, объединить *Not* с *Become* и тогда возникнет, по-видимому,

такая структура, в которой «становление» превратится в «нестановление» (*John caused Harry to cease to be alive*). Макколи применяет эту операцию последовательно и совмещает сначала «не» и «живой» (*John caused Harry to become dead*), затем «неживой» (= «мертвый») совмещается с «становлением» (*John caused Harry to die*) и, наконец, в результате получается структура, в которой все перечисленные элементы *kill* объединены:

Именно эта последняя структура, а не та семантическая репрезентация, в которую отдельно включены все элементы значения *kill* и определяет, какие лексические единицы используются в предложении, в основе которого лежит «оголенная мысль», представленная указанной выше семантической репрезентацией, то есть именно эта структура призвана определить словесное выражение данного содержания (*John killed Harry*).

Тот факт, что расчлененные значения лексических единиц не всегда могут быть прямо и непосредственно соотнесены с какой-либо частью семантической репрезентации концептуальной структуры, легко обнаруживается также и тогда, когда мы имеем дело, например, с количественным наречием типа *почти*, которое, как правило, относится не ко всей лексической единице, а только к части ее семантической репрезентации. Например, такое неопределенное, неоднозначное предложение, как *Джон чуть было не убил Гарри* (*John almost killed Harry*) может означать: а) Джон чуть было не совершил что-то, от чего, совершив это, Гарри умер бы (то есть можно представить себе, что Джон, например, чуть было не уронил камень на голову Гарри); б) Джон совершил что-то, от чего Гарри мог умереть (то есть, например, уронил камень, но не задел Гарри);

в) Джон совершил что-то, что привело к тому, что Гарри чуть было не умер (то есть, например, уронил камень и тяжело ранил Гарри).

Тем новым, что он вносит в структурную семантику своей семантической репрезентацией, Макколи считает возможность предсказать, какие лексические единицы могут существовать в каждом данном языке. Идя от абстрактного к конкретному, то есть от своих построений к реальному языку, он делает вывод, что язык имеет лишь такие единицы, которые соответствуют синтаксическим составляющим, полученным в результате правильных семантических репрезентаций при помощи долексических трансформаций. Так, в английском языке, говорит Макколи, не может быть глагола со значением 'дать брату и' (то есть 'give one's brother and'; см. высказывание *Джон дал брату и Гарри яблоки* или *John gave his brother and Harry some apples*), поскольку нет такой долексической трансформации, которая могла бы объединить глагол с союзом и одной из частей дополнения в один элемент, могущий включиться в качестве составляющей в семантическую репрезентацию высказывания.

§ 5. О соотношении текстоцентрического и лексикоцентрического подходов к семантике

Мы довольно подробно изложили три способа выявления «семантического компонента», предлагаемые разными представителями текстоцентрической семасиологии, строящими свой анализ на дистрибутивно-трансформационной методике³⁰. Нами намеренно были взяты, с одной стороны, 1) наиболее общая и широко известная «репрезентация» (Катц и Фодор), 2) наиболее доступная, популяризаторская «репрезентация» (Абрахам и Кифер) и 3) наиболее абстрактная «репрезентация», максимально приближающаяся к «чистым» категориям теоретической логики (Макколи). Стремление этих (и многих других) сторонников порождающей грамматики, в течение ряда лет постулировавших форму как единственный предмет лингвистики и обходившихся «без обращения к семантике», ввести в свои построения «семантический компонент», естественно вылились в попытку найти в основе значения высказывания некие концептуальные структуры и изобразить, представить (герге-

sent) их либо в виде различных иерархий, либо с помощью других формальных средств, большей частью идущих от символики формальной логики. Такой подход, при котором семантический компонент рассматривается как нечто суммарное, определяющее значение целого высказывания, исключал интерес к значениям отдельных элементов, составляющих данное высказывание, то есть к значениям лексических единиц как таковых.

Все более очевидный отход от языка, обращение к формальной логике, превращение лексикологии в своего рода «концептуалистику», облачающую лексические факты и явления в одежды абстрактных построений, привели к тому, что объектом изучения перестал быть язык. Его место заняли «концептуальные структуры», «оголенные мысли». При таком положении, как показали рассмотренные выше теории, обращение к лексическим единицам было неизбежно, так как без определения частных значений значения общие оказывались недостаточно четкими и, что самое главное, не отвечали на вопрос о том, что действительно значит данное конкретное высказывание. Здесь исследователи натолкнулись на непреодолимую трудность. Как в рамках структурной семантики представить значения отдельных единиц? На помощь пришел компонентный анализ³¹. Хотя ни Катц, ни Фодор, ни Макколи, ни другие не называют его так, существо дела не меняется — они тем или другим способом записывают значение слова в виде комплекса составляющих его предельных семантических единиц (элементов, компонентов).

Таким образом оказывается, что никакой семантический анализ, включая анализ предложений, невозможен без детального раскрытия значений отдельных слов, а это, в свою очередь, невозможно без обращения к экстралингвистической реальности, потому что именно анализ экстралингвистической реальности позволяет вывести предельные семантические единицы³².

Основным общим направлением современной семасиологии является поиск объективных методов обнаружения истины, то есть создание таких исследовательских процедур, которые позволили бы, наконец, поставить изучение внутренней стороны языка на вполне надежную научную основу.

Как можно видеть из изложенного выше, ни один исследователь не может пройти мимо того факта, что язык существует только в речи и через речь и никаких других

форм существования не знает³³. Следовательно, лексика, или словарный состав языка, как его часть должна извлекаться, как «металл из руды», из бесчисленных реальных произведений речи. То же относится к значениям: различные лексико-семантические варианты слова (варианты лексемы) реализуются, устанавливаются, отделяются друг от друга в речи, в контексте и, как правило, однозначно раскрываются только в конкретных словосочетаниях. Так, например, мы знаем, что значения слова *сторона* обнаруживаются только потому, что существуют такие сочетания как 1. с левой (правой, задней и т.п.) стороны, смотреть по сторонам; 2. дальняя (чужая) сторона; 3. солнечная (теневая) сторона улицы; 4. в стороне от жизни (борьбы); 5. лицевая (оборотная) сторона; 6. сторона треугольника (квадрата) и т.д. Поэтому нет никакого сомнения в том, что объективность суждений не может быть достигнута без обращения к контексту употребления соответствующих единиц. С этой точки зрения, казалось бы, нет разницы между лексикентрическим и текстоцентрическим подходами. Однако это не так. Разница есть и весьма существенная.

Как указывалось в *Введении*, мы считаем, что объектом семасиологического исследования для лексикентриста является слово, которое, реализуя свои значения в контекстах употребления, тем не менее рассматривается как инвариантная единица языка. Текстоцентрический же подход, представляющий собой часть современного формального языкознания, пришедшего на смену языкознанию структуралистическому, в чистом виде 1) не признает автономности слова и 2) ограничивает понятие контекста теми отношениями, которые можно обнаружить формальными средствами в печатном тексте³⁴. Таким образом оставляется без внимания экстралингвистический контекст. Иными словами, эти два направления могут быть охарактеризованы как собственно лингвистическое, то есть такое, которое исследует реальные факты, живое речепотребление, и абстрактно-семасиологическое, то есть такое, которое всецело занимается априористическими построениями и гипотезами о том, что можно мысленно представить. В этом и заключается принципиальное различие между ними.

Надо отметить, что исходные положения текстоцентрической лексикологии связываются с тем временем, когда развитие электронно-вычислительной техники поставило вопрос о технизации лингвистического исследования. Тог-

да возникла настоящая потребность разработать настолько надежные (foolproof) приемы, чтобы их можно было легко и непосредственно подавать на механизмы. Поэтому выявление известных устойчивых внешних признаков, позволяющих применение простых, элементарных приемов, отыскание в той неопределенной (ill-defined) системе, какой является естественный человеческий язык, отдельных четких (well-defined) участков или участочков оказались весьма полезными. Однако попытка во что бы то ни стало охватить четкими формальными правилами весь язык или, хотя бы, придумать наборы (цепочки) правил, наподобие трансформаций, для сложнейшей семантической конфигурации слова, живой, непрерывно изменяющейся, реагирующей на изменения в общественной жизни, представляется нам нереальной. По существу, эти попытки приводят к языковедению без языка. Мы видим, что те положения, которые пятнадцать лет назад еще могли восприниматься как интересные гипотезы, сейчас, после многочисленных попыток их детальной разработки, показали, что они не столько способствуют развитию нашей науки, сколько систематически уводят исследователя от языкознания.

Примечания

1. Хотя первоначально сторонники порождающей (трансформационной) грамматики направили все свои усилия на то, чтобы создать теорию, исключаящую необходимость обращения к значению (a completely non-semantic theory of grammar), постепенно выяснилось, что синтаксическое описание невозможно без того, что теперь называют «семантическим компонентом» (the semantic component).

2. Noam Chomsky. Syntactic Structures; J. J. Katz and P. M. Postal. An Integrated Theory of Linguistic Description.

3. См. об этом в статье Е. В. Падучевой «Международная конференция по семантике в Польше».

4. К наиболее важным работам, посвященным анализу и критике путей построения такой теории значения, которая соответствовала бы основным принципам порождающей грамматики, следует отнести работы U. Weinreich. Explorations in Semantic Theory и Dwight Bolinger. The Atomization of Meaning.

5. Jerrold J. Katz and Jerry A. Fodor. Structure of Semantic Theory.

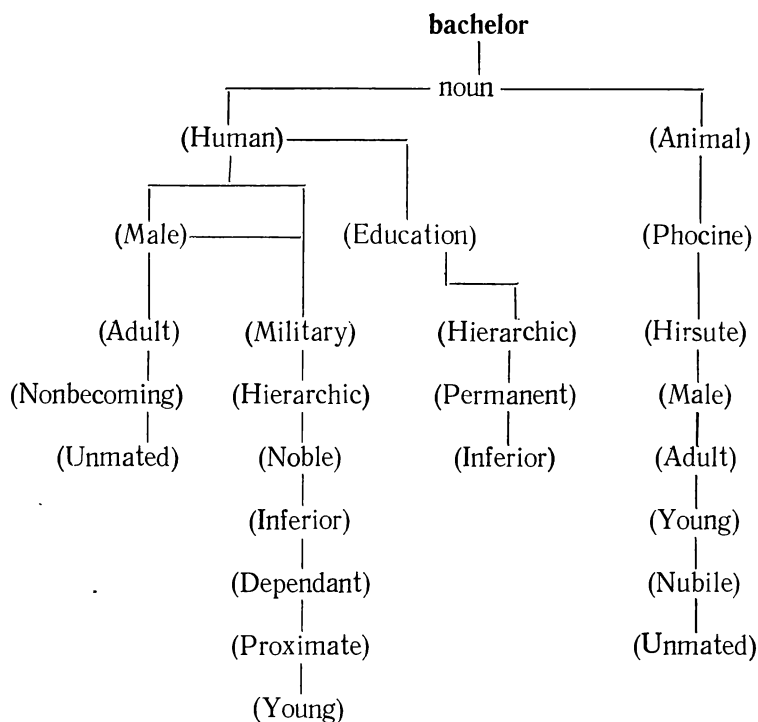
6. О контексте см. главу 3, § 5.

7. В связи с такой постановкой вопроса см.: Н. И. Серкова. Сверхфразовое единство как функционально-речевая единица. В данной работе границы коммуникативной законченности (самостоятельности) определяются более протяженной функционально-речевой единицей, чем предложение, которое, выделенное из контекста связной речи, может, как мы видим, либо утратить всякий смысл, либо приобрести многозначность.

8. В этой связи ср. известную работу С. Карцевского «Об асимметрическом дуализме языкового знака» (S. Karcevskij. Du dualisme asymetrique du signe linguistique); см. также: Е. Курилович. «Заметки о значении слова» и «La notion de l'isomorphisme», в которых идеи Карцевского получили развитие. Для Карцевского основой семантического исследования является принцип «тождества-различия». Обладая определенным, присущим ему значением, лингвистический знак способен к сохранению тождества во всех своих многообразных употреблениях. Вместе с тем тождество знака может быть нарушено (возникновение омонимии), когда совокупность предметов мысли, обозначаемых этим знаком, настолько расширяется, что переходит границы его узкого содержания. Лингвистический знак, таким образом, может входить одновременно в два ряда — синонимический и омонимический — и конституируется, по существу, перекрещиванием этих двух рядов.

9. "The projection rules amalgamate sets of paths dominated by a grammatical marker by combining elements from each of them to form a new set of paths which provides a set of readings for the sequence of lexical items under the grammatical marker". (Указ. соч., стр. 194.)

10. Следует обратить внимание на весьма интересные критические замечания Д. Болинджера по вопросу о предлагаемой схеме значений слова bachelor. (см.: The Atomization of Meaning. — В кн.: Readings in the Psychology of Language, стр. 439). Болинджер справедливо указывает на непоследовательность формализации значений, на излишний дуализм (показатели и различители) и предлагает основанную на теоретических предпосылках Катца и Фодора более полную с точки зрения семантических компонентов и более четкую схему значений данного слова, имеющую следующий вид:

11. В схеме — штрихи, в линейной подаче — стрелки.

12. Третье предложение однозначно.

13. Здесь следует обратить внимание на возможность регулярной метафоризации (омонимии?) в словах подобного рода. См. *рыба* (piscis) — *рыба* (флегматик), *свинья* (животное) — *свинья* (низкий, подлый человек) и т.п. (См. указ. соч. Карцевского.) Много примеров приводится также в работе Ф. А. Литвина и М. И. Черемисиной «Использование метода трансформационного анализа при исследовании типов лексического значения слова» и тех же авторов «О связи синтаксической функции лексемы с типом ее лексического значения (на материале русского, немецкого и английского языков)».

14. Подробный разбор анализа этого предложения и о возможностях применения методики Катца и Фодора для описания значения любого произвольно взятого предложения см.: Э. М. Медникова. К критике некоторых современных методов лингвистической семантики.

15. Samuel Abraham, Ferenc Kiefer. A Theory of Structural Semantics. См. рецензию на эту работу О. С. Ахмановой.

16. Такая постановка вопроса вызвана тем, что, по мнению авторов «Теории структурной семантики», их предшественники, хотя они и стремились к точности, не создали формальной теории. Отдельных формализованных частей было недостаточно, чтобы определить основные понятия семантики — такие например, как «значение», «смысл», «содержание», и установить четкие взаимосвязи между ними. Это может сделать формализованная теория, исключив из рассмотрения то, что нельзя определить в терминах формальных категорий.

17. “Here meaning is used in an undefined form; we can only say that a word W has a meaning if it belongs to the vocabulary of a given language”. (Указ. соч., стр. 33.)

18. В слове *bachelor* Degree=3.

19. Интересно отметить здесь, что формальные выкладки, на которых основывается принцип эквивалентности, оказываются недостаточными. Фактически для того, чтобы выяснить эквивалентность, нужно проверить бесконечное число предложений, в которых рассматриваемые слова встречаются; причем критерием проверки, как и вообще в порождающей грамматике, является лингвистическая компетентность, лингвистическая интуиция исследователя или другого информанта. Если исследователю удастся найти примеры, опровергающие возможность замены, эквивалентность отрицается. И наоборот, если такие примеры найти не удастся, слова считаются эквивалентными.

20. Авторы исключают из рассмотрения предложения «аномальные» вследствие каких-либо экстралингвистических соображений. Так, предложения *Shoes are made of frog skin*; *Joe jumped higher than the Empire Building*; *The Himalaya is 73 feet high*; *Peter's mother is 14325 years old* являются «аномальными», но это не лингвистическая «аномальность» и поэтому такие предложения не рассматриваются. Предметная соотнесенность (reference) не входит, по их мнению, в круг проблем формальной семантики.

21. Авторы настойчиво подчеркивают предварительный характер своей методики. Они намеренно придают рассматриваемой части семантической модели языка упрощенный вид и предупреждают об опасности смещения теории с теми примерами, которые они используют для иллюстрации отдельных сторон этой теории.

22. Абрахам и Кифер всюду в подобных обстоятельствах употребляют выражение *the native speaker of English*, хотя для того, чтобы «узнать» и правильно оценить значение ядерного предложения, не обязательно быть «природным» англичанином.

23. Здесь имеется в виду, что всякое изменение в конкретном предложении связано с изменением в матрице. Это не относится к синонимичным словам.

24. См. стр. 75 указанного сочинения:

“... the sentences

The book takes the man

The book takes the book

are regarded by any native speaker of English as semantically anomalous”.

25. См. примечание 20.

26. См. об этом: U. Weinreich. *Explorations in Semantic Theory*, стр. 446.

27. См.: J. D. McCawley. *Lexical Insertion in a Transformational Grammar Without Deep Structure*.

28. Некоторые термины, употребляемые Макколи, требуют разъяснения. «Двухместным» он называет такое отношение, которое направлено на два объекта. «Предикатом» называется как то, что традиционно обозначается словом «предикат», так и то, что в структурной лингвистике обычно обозначается термином «логический оператор» (например, союзы, отрицания и т.п.).

29. Макколи называет такую перегруппировку «долексической трансформацией», то есть трансформацией, производимой до того, как значение высказывания представлено в конечном формализованном виде семантической репрезентации.

30. Не имея в виду умалить достоинства дистрибутивно-трансформационной методики, мы хотели бы отметить, что понятие «трансформируемости», несмотря на огромное количество работ, интерпретирующих и развивающих идеи Хомского, остается неясным. Частично это, вероятно, объясняется тем, что Хомский, применяя трансформации, строит свой метод не на реальной языковой основе (пусть «оппоненты» изучают речь — *performance!*), а на собственной гипотезе, для которой «придумывается» специальный материал.

Необходимо отметить, что «трансформационная грамматика» уже в течение нескольких лет довольно широко подвергается серьезной аргументированной критике, общий

смысл которой выражен в весьма остроумном замечании профессора Нью-Йорского университета Андраша Балинта, сделанном им во время дискуссии на 17-й ежегодной «конференции за круглым столом» по вопросам лингвистики. Говоря о работах Постала об английских местоимениях (см.: M. Postal. On So-Called 'Pronouns' in English) и Фрейзера о глагольных коллокациях (см.: Bruce Fraser. Some Remarks on the Verb-Particle Construction in English), развивающих положения Хомского и предлагаемые им методики (см.: Noam Chomsky. Aspects of the Theory of Syntax, а также J. Katz and P. Postal. An Integrated Theory of Linguistics), Балинт сказал: "After hearing Prof. Postal's paper, I was reminded of the book, 'The Games People Play' and I thought that transformational grammar is the best game yet invented for linguists. As long as we regard it as a game, we might come to some interesting conclusions about language, but the rules of the game lead us to statements that have little relation to reality. At that point, we must ask if transformational analysis is the only approach to linguistic analysis, since it takes us through 26 or 42 or whatever number of rules to arrive at a very simple statement, or to arrive at non-English usage, as in Lt. Fraser's paper". (Monograph Series on Language and Linguistics, № 19, p. 238).

31. См. сб. «Основы компонентного анализа».

32. Вопрос о природе семантических показателей наиболее серьезно и последовательно ставится в настоящее время теми учеными, которые видят основную свою задачу в обнаружении некоторых семантических универсалий. В связи с этим большой интерес представляют собой конкретные и теоретические работы советских лингвистов, направленные на поиски рациональной семантики, в частности весьма ценные исследования Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука и А. К. Жолковского. См., например: Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики; его же: Экспериментальное исследование семантики русского глагола; А. К. Жолковский и И. А. Мельчук. О возможном методе и инструментах семантического синтеза; И. А. Мельчук. К построению действующей модели языка; А. К. Жолковский и И. А. Мельчук. О семантическом синтезе; их же: О системе семантического синтеза; И. А. Мельчук. К вопросу о «внешних»

различительных элементах: семантические параметры и описание лексической сочетаемости; его же: Об одном классе фразеологических сочетаний (описание лексической сочетаемости с помощью семантических параметров).

33. См.: А. И. Смирницкий. Объективность существования языка.

34. Необходимо отметить, что обычно исследованию подвергается весьма незначительный (по количеству) материал. В рассмотренной в § 2 работе Катца и Фодора, например, достоверность предлагаемой ими теории и соответствующей методики семантических определений доказывается на весьма ограниченном количестве примеров. Вообще представители этого направления пользуются тем, что называется «анекдотальными примерами». Под анекдотальными примерами понимаются такие фразы, которые вычленяются из какого-либо законченного речевого произведения или специально сочиняются, а затем, подвергаясь различным трансформациям, используются для доказательства того или иного лингвистического положения; причем на их основе генерируется огромное количество подобных же фраз. Вполне естественно, что эти фразы переходят из одного труда в другой и постепенно приобретают характер своеобразного лингвистического фольклора. См., например, как крайний случай анекдотальности, *смеющийся треугольник, из под собаки лают ворота, Colorless green ideas sleep furiously*.

В связи с этим необходимо обратить внимание также и на неопределенность самих понятий «отмеченность» или «приемлемость», широко используемых в работах текстоцентрического направления. Исходя из постулатов рассматриваемой теории, первым шагом на пути исследования является создание так называемой отмеченной фразы; причем выяснение того, приемлема ли та или другая фраза или нет часто производится при помощи опроса информантов (естественных носителей языка — native speakers), хотя совершенно очевидно, что основываясь на своем эмическом, инвариантном, парадигматическом знании, исследователь сам может лучше ответить на свой вопрос, чем native speaker — не лингвист, который никогда своим языком научно не занимался, который говорит так, как он привык (соответственно своему background) и который в разной ситуации по разному реагирует на разные контексты.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЦЕНТРИЧЕСКОЙ СЕМАСИОЛОГИИ

**(Основы методики лексикологического
и лексикографического описания)**

Г Л А В А 2

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

В языкознании, как известно, существуют две принципиально различные точки зрения на то, является ли значение принадлежностью слова или чем-то, не относящимся к языку¹. Для лексикентрической семасиологии², семантика, содержание, значение входит в слово как его внутренняя сторона, и, поэтому, естественно, возникает вопрос о принципах и методах ее обнаружения. При этом не следует смешивать такую постановку вопроса с операционалистическими приемами (эвристика семантического анализа), к которым очень часто фактически сводится дело. В данном случае речь идет не о конкретных способах, которых имеется большое количество, а об основной онтологии объекта.

§ 1. Парадигматические и синтагматические связи слова

Если исходить из понятия языковой структуры, то слово не может не вступать в ассоциативные связи с другими словами, образуя вместе с ними в сознании пользующегося языком определенную **р а з н о в р е м е н н у ю**³ совокупность, элементы которой связаны отношениями противопоставления. Это и есть то, что можно назвать парадигматическими связями слова. Вместе с тем, как часть речевого произведения (для создания которого говорящий как бы выбирает из определенной совокупности ассоциативно связанных единиц необходимое ему слово) слово вступает в определенные синтагматические отношения или связи с другими словами, на этот раз уже линейно, или **о д н о в р е м е н н о**. Поэтому можно утверждать, что семантика слова определяется всей совокупностью его парадигматических и синтагматических связей.

Особый интерес с этой точки зрения представляет вопрос о многозначных словах. Полисемия, являющаяся одним из важнейших условий функционирования языка, — это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений; таким образом один и тот же фонетический (звуковая оболочка) и орфографический комплекс используется для обозначения реально различных предметов, явлений, процессов, а следовательно и употребляется в различных по смыслу словосочетаниях (контекстах).

§ 2. С чего начинается исследование семантики многозначного слова. Полисемия vs валентность

Часто ставится вопрос — что в исследовании семантики слова первично — полисемия слова, то есть его ингерентные свойства, внутренняя способность выступать в различных лексико-фразеологических вариантах, или его «валентность», то есть «периферийные» свойства, определяющие специфику его лексико-фразеологических связей?

Для того, чтобы конкретизировать этот вопрос, рассмотрим семантическую структуру глагола *to break*. Этот глагол встречается в следующих контекстах⁴: 1) *break a window, break a chair, break one's leg, break a thread, break smth in two, break smth in fragments, break smth to pieces, break smth against the rock*; 2) *a glass breaks easily, the plate broke to pieces, the thread broke, the waves break against the rock*; 3) *break the set, break a word into morphemes*; 4) *break the skin, break smb's head*; 5) *the skin on the knee broke, my shoes broke, a boil breaks, the buds are breaking*; 6) *break a bough, break the branch from (off) the tree*; 7) *break a clock, break a fountain-pen*; 8) *a clock breaks, the machine breaks*; 9) *break a lock, break a door open*; 10) *break a dog, break a horse, break smb's will, break a rebellion*; 11) *break into a house, break through the crowd, break through all obstacles, break through smb's reserve*; 12) *break from a prison, break from smb's grip, break free, a sigh broke from his lips*; 13) *break one's promise, break the rule, break the law*; 14) *break one's journey, break one's sleep, break the spell, silence was broken*; 15) *break with one's past, break with one's friends, break with one's habits, break with an old tradition*; 16) *break the fall, break the blow, break the force of the wind*; 17) *his health broke, the heat broke*; 18) *the bankers broke him*; 19) *break the news*; 20) *a new day breaks, the storm broke in the*

night, break into laughter, break into a laugh, break into sweat, break into a run, break into a dance; 21) the weather is breaking; 22) the crowd broke, the ranks broke, the clouds broke; 23) break new land, break soil.

Следует ли считать эти контексты возможными потому, что глагол *break* сам по себе имеет значение: 1) 'cause smth to come into two or more pieces, either on purpose or by accident'; 2) 'come into two or more parts or pieces'; 3) 'separate a whole unit into parts'; 4) 'cause smth to crack; to graze smth'; 5) 'crack, come open'; 6) 'separate a part from smth, disconnect smth from smth'; 7) 'cause not to function'; 8) 'stop to function'; 9) 'open with force'; 10) 'bring under control, curb, tame'; 11) 'make a way with effort'; 12) 'escape from restraint by force or in haste'; 13) 'fail to keep, observe or obey'; 14) 'cause to stop for a time, suspend, interrupt'; 15) 'discontinue (usually relations), quarrel, abandon'; 16) 'make weaker, make the force of smth less'; 17) 'become weaker'; 18) 'make poor, take away power'; 19) 'tell, reveal, make known (tactfully)'; 20) 'begin'; 21) 'change'; 22) 'come apart'; 23) 'dig up'?

Или, наоборот, он имеет эти значения именно потому, что сочетается с указанными выше словами?

Или например, следует ли считать, что слово *живой* выступает в следующих контекстах: 1) *живая природа, живые цветы, живая изгородь, живое существо, живая рыба, живой инвентарь, заставить (кого-нибудь) в живых*; 2) *живая действительность, живой пример (героизма), изобразить живых людей*; 3) *живой темперамент, живой ребенок, живой ум, живой отклик, живое участие*; 4) *живое изложение, живо описать (что-нибудь)*; 5) *живое дело, живое начинание*; 6) *живая обида, живое воспоминание, живо почувствовать (что-нибудь)*; 7) *жив одной надеждой* потому, что само по себе имеет значения: 1) 'такой, который живет, обладает жизнью'; 2) 'подлинный, самый настоящий'; 3) 'деятельный, полный жизненной энергии'; 4) 'легкий, занимательный, выразительный'; 5) 'отвечающий реальным потребностям, жизненный'; 6) 'остро переживаемый'; 7) 'такой, который существует чем-нибудь, черпает силу в чем-нибудь' — или, наоборот, оно имеет перечисленные значения именно потому, что в лексико-фразеологическом плане сочетается с указанными выше словами?

Такой отвлеченно-философский подход напоминает пресловутый вопрос относительно того, что было раньше —

курица или яйцо? Искусственно создается своеобразный заколдованный круг «полисемия — валентность, валентность — сочетаемость, сочетаемость — полисемия». Выйти из него можно по-видимому, если четко определить и разграничить названные выше понятия и термины и соотнести их с понятиями синтагматики и парадигматики, а затем принципиально определить характер связи между значением слова и словосочетанием, в котором это значение реализуется, или, шире, контекстом.

Определение полисемии было приведено выше (см. стр. 44). Лингвистическая валентность, также как и полисемия являющаяся фактом языка — это поддающееся количественному определению свойство слова реализовать в речи свои синтагматические связи в виде словосочетаний. При конкретном семасиологическом исследовании эти словосочетания рассматриваются как контексты изучаемого слова, определяющие его значение в данном речупотреблении. Иными словами, в контексте реализуются закрепленные в языке регулярные синтагматические связи слова, обуславливающие его семантическую структуру.

§ 3. В чем заключается роль контекста

Как видно из сказанного, первостепенная роль контекста для выяснения значения слова в речи заключается именно в том, что контекст не показывает, а предопределяет значение, которое в нем реализуется, он обуславливает тот факт, что в каждом случае выступает именно данное значение. Хотя на первый взгляд и может показаться, что это уточнение не является существенным, на самом деле оно методологически очень важно, так как если основываться на первой из приведенных формулировок (то есть, что контекст «показывает»), можно дойти до довольно распространенного заблуждения, что слово вообще не имеет собственного значения, значения вне контекста⁵. Если же принять вторую — то все становится на свои места: устанавливая существование многозначности слов, мы только констатируем то, что действительно есть в языке.

Из сказанного отнюдь не следует, что только контекст обуславливает реализацию данного значения, что слово вообще не имеет собственного значения, значения вне контекста. Для того, чтобы решить вопрос о том, обладает ли слово значением само по себе или же его значение це-

ликом и полностью определяется контекстом, надо переформулировать его в терминах парадигматики и синтагматики: что следует считать первичным в семасиологическом анализе — парадигматические или синтагматические отношения слова? Иначе говоря, что, в первую очередь, определяет значение слова — его соотношение с другими словами по линии ассоциативной связи (парадигматика) или по линии линейной связи (синтагматика)? Например, определяется ли значение слова *break* тем, что оно находится в парадигматических отношениях со словами *crush, smash, shatter, splinter, split, snap, fracture, rend, tear, spoil, disrupt, discontinue* и т.д. (противопоставление по отдельным элементам значения) или со словами *join, unite cement, solder, mend* и т.д. (противопоставление по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку — полярные точки лексико-семантической парадигмы); или же его значение определяется сочетаемостью с определенными существительными, наречиями и т.д. (как было показано в приведенных выше примерах)?

§ 4. Диалектическое единство парадигматики и синтагматики слова

Выше уже говорилось, что парадигматические связи, существующие в языке, и синтагматические связи, реализующиеся в речи, вместе наиболее полно раскрывают семантику слова. Они не могут рассматриваться изолированно друг от друга, поскольку, являясь членом определенной лексико-семантической парадигмы, слово может выступать лишь в определенных синтагматических связях. С другой стороны, обобщение сочетаемости слова, весь комплекс его синтагматических отношений обуславливает его принадлежность к данной парадигме. Поэтому, хотя непосредственному наблюдению исследователя открывается синтагматический ряд (речь), а не парадигматический ряд (язык), и он начинает с конкретных «данных» синтагматики, позволяющих ему перейти к абстрактным «фактам» парадигматики, по существу при определении значения слова одновременно учитываются обе стороны. Иначе говоря, семасиология должна исходить из взаимосвязи и взаимозависимости синтагматических и парадигматических особенностей слова, причем ведущим является

собственное значение слова (что особенно важно провозгласить теперь при тенденции к гипостазированию словосочетания).

§ 5. Лексико-семантическая парадигма

Между единицами языка существуют определенные связи и зависимости, в основе которых лежат признаки, отличающие одно слово от другого. Иначе говоря, каждое данное слово, отличаясь от других слов какими-либо признаками — семантическими, стилистическими и т.п. — связано с этими словами именно тем, что противопоставляется им в семантическом, стилистическом и т.п. плане. Таким образом словарь языка может рассматриваться как сложная система взаимосвязанных и взаимозависимых единиц, отношения между которыми вскрываются исследованием характеризующих их противопоставлений. Системное рассмотрение ассоциативно связанных единиц, находящихся в отношениях противопоставления, и есть парадигматика, как она определяется в лексикологии.

Системный характер словарного состава обнаруживается, в первую очередь, в распределении слов по некоторым семантически объединенным лексическим группам — лексико-семантическим парадигмам. Каждое слово языка входит в определенную лексико-семантическую парадигму, причем чаще всего, вследствие своей многозначности, не только в одну. Индивидуальная семантика слова раскрывается через его противопоставление другим членам парадигм, в которые оно входит, по определенным существенным признакам.

Например, можно рассматривать как семантически связанные слова *mansion, villa, cottage, palace, hut, cabin* и т.д., образующие лексико-семантическую парадигму, члены которой объединены общим значением 'dwelling', рассматриваемым как здание (the house which is a place of residence). В каждом конкретном слове это общее значение дополнено какими-либо специфическими семантическими признаками, отличающими его от других слов, противопоставляющими его другим членам парадигмы. Эти признаки, присущие слову парадигматически, часто раскрываются в реальном речепотреблении. Так, слово *mansion* обладает дополнительным признаком «размер», что проявляется, например, в *The mansion — no one ever referred to it as a house — lorded it over the landscape from*

its eminence above the town (E. Queen). Этот же признак, являющийся относительным, характеризует слова *cottage*, *hut*, *cabin*, *shanty* и т.п., причем данное противопоставление обусловлено распределением этого признака.

Слова *cabin*, *hut* и *shanty* противопоставлены другим из указанных слов по признаку «характер постройки» (*rough, crudely built dwelling*). Здесь интересно отметить, что *shanty* в качестве первого компонента участвует в образовании сложного слова *shanty-town* — район жалких хибарок, лачуг, в которых ютится беднота, «трущобы». Например, *For generations it was a no-man's land, an Alsatia worse than any shanty-town* (M. Allingham); *The shanty-town slums tucked away behind the millionaire façade along the waterfront* (G. H. Coxe); *Not unlike the shanty-towns of the Gold Rush days... It's a derelict area* (M. Allingham).

По степени признака «размер», выделяется еще и *shack* (*rough hut*); например, *An area of twitchy grass beyond which lay a huddle of darkened shacks which had once been fishermen's cottages* (M. Allingham); *There was a stretch of private houses that dwindled into a poor-class shopping centre and then into shacks* (G. H. Coxe).

Hut, кроме того, противопоставляется и по признаку «материал» (*wooden building*; например, *I wouldn't leave my little wooden hut for you*⁶.) Вместе со словами *villa* и *cottage* (которые взаимно исключают друг друга распределением относительных признаков «размер» и «роскошь-простота»⁷), *cabin* и *hut*, а также *château*, *bungalow* противопоставлены остальным словам и по признаку «местонахождение». Например, *They drove in silence for some time through an area of new open planned villas... and they intuitively shared the relief of reaching open countryside again* (M. Allingham); *A neat bungalow set in a square of freshly planted lawn* (B. Halliday); *An empty bungalow standing isolated in an expanse of uneven ground*; *His own habitation, originally a tarred wood stable, had been converted into a two-roomed bungalow* (M. Allingham); *They came to the gate leading to the bungalow, a white single-storeyed house* (G. H. Coxe); *It was literally a bungalow, a verandaed building of one big living-room* (H. Clevely); *He surveyed the nearer hamlet which was dominated by the church...near it stood a cluster of cottages* (M. Allingham); *The village green flanked on one side by cottages* (M. Allingham); *Cabin in the cotton* (название фильма.).

Эта же лексико-семантическая парадигма, по-видимому, включает слово *house*, в значении которого указанные выше признаки не релевантны. Подобной «беспризнаковостью» слово *house* и противопоставляется перечисленным выше словам, то есть противопоставление в данном случае обусловлено соотношением наличие-отсутствие признака. Например, *You know how suspicious these country people are — they won't let you in the house if they can help it; A motor cycle roared past the house* (M. Allingham — о деревенской улице); *He began to move purposefully through the house* (M. Allingham — о коттедже); Ср. со словом *place*: *Come to my place (room, flat house, etc); We have a place in the country; Where his place is situated* (A. Christie).

Вместе с тем, *house*, наряду с уже рассмотренными словами, может быть противопоставлено слову *palace* — official residence of a sovereign⁸. Например, *If to do were as easy as to know what were good to do, chapels had been churches and poor men's cottages prince's palaces* (Shakespeare, "The Merchant of Venice").

Соотношение наличие-отсутствие признака позволяет рассматривать остальные члены ряда как обнаруживающие специализацию по сравнению с «беспризнаковым» членом. Так, в своих «беспризнаковых» связях *house* выступает как общий, не специальный член парадигматического ряда, а *mansion* может рассматриваться как особый вид *house*: 'big luxurious house'; *cottage* — 'small country house'; *villa* — 'large luxurious country house'; *cabin, hut* — 'small humble country house' (например, *Love in a hut with water and a crust* — John Keats. Ср. с русск. с милым и в шалаше рай); *bungalow* — 'one-storeyed lightly built house'; *tenement* — 'house divided into flats' или *block of flats*, тоже многоквартирный дом, но отличающийся от *tenement* удобствами, качеством квартир и т.п. Например, *A new block of flats, situated just off St. John's Wood Road* (A. Christie); ср. *block* или *block of buildings* 'квартал'; например, *Montagu Mansions were a handsome block of buildings* (A. Christie). Внутри одной лексико-семантической парадигмы, как мы видим, слова группируются в соответствии с дополнительными к общему значению признаками, образуя ряды, противопоставленные по этим признакам другим словам или слову. В рассмотренной парадигме эти противопоставления обуславливаются либо распределением относительных признаков, либо соотношением наличие-отсутствие признака. Поскольку одно сло-

во может войти в несколько таких рядов, последние переkreщаются, и слово является точкой пересечения различных рядов противопоставлений.

Кроме того, парадигматические связи обычного (не терминологического) слова представляют собой весьма сложный комплекс отношений еще и потому, что одна парадигма может рассматриваться как член другой, более общей, парадигмы, которая, в свою очередь, может тоже явиться членом парадигмы следующей ступени. Например, лексико-семантическая парадигма, которую мы, исходя из общего значения, назвали «dwelling» в целом может рассматриваться как член более широкой парадигмы «building». Здесь обозначения здания (строения, постройки) противопоставляются, прежде всего, по признаку «назначение», и рассматриваемая нами парадигма образует лишь один ее ряд: *building designed for human habitation, place of residence*. Ср. нерасчлененное *farm building* (*Out here is the usual complement of farm buildings: chicken house, carriage house, smokehouse, hen house, springhouse, outhouse* — J. West; сюда же можно добавить *hay-loft; barn* — ‘covered building for storing grain etc.’; *shed* — ‘small one-storey building for storage, animals, etc.’⁹ — причем здесь есть и внутренняя специализация, например, *wood-shed*, — и т.д.), а также более определенные *barrack(s)* — ‘permanent building(s) in which soldiers are lodged’; *factory* — ‘building in which goods are manufactured’; *(work)shop* — ‘building in which manufacturing, repair etc. are carried out’; *shop* — ‘building in which goods are sold by retail’ (тоже *store*) и т.д.¹⁰.

§ 6. Парадигматические связи многозначного слова

Особенно сложными, естественно, оказываются парадигматические связи многозначного слова, поскольку каждое значение такого слова обладает своими специфическими признаками, связывающими его отношениями противопоставления со словами, являющимися членами разных парадигм. Именно это обстоятельство и отграничивает одно его значение от другого. Таким образом, в каждой из парадигм, в которую слово входит, раскрывается одно значение, в то же время как общее семантическое содержание слова в целом определяется всеми рядами противопоставлений.

Например, одно значение слова *tenement* определяется

тем, что оно входит в лексико-семантическую парадигму *rooms, flat, suite, apartment* и т.д. с общим значением конкретного «помещения для жилья», состоящего из нескольких комнат; причем противопоставления внутри этой парадигмы носят скорее стилистический характер. Ср. словарные определения: *tenement* 'set of rooms occupied by one family', *flat* 'suite of rooms on one floor as residence', *suite* 'set of rooms', *rooms* 'apartments or lodgings', *apartment* (амер. 'set of rooms' (например *It was of those small, three-room affairs dignified by the name of "efficiency apartments"* — В. Halliday). С другой стороны *tenement* входит в рассматривавшуюся выше парадигму "dwelling", где оно противопоставляется другим словам как 'a house divided into tenements'. Третий парадигматический ряд, в который входит *tenement* складывается из слов *tenure, holding, tenantry* и т.п.

Наглядным примером многоступенчатости и нелинейности парадигматических отношений может служить слово *man*. Прежде всего следует отметить, что оно входит своими значениями в лексико-семантические парадигмы разных ступеней. С одной стороны, оно противопоставлено слову *beast* (а также *fish, insect*; смотри родо-видовой ряд в § 3), чем определяется его нерасчлененное значение 'human being' (человек вообще¹¹ или человечество, человеческий род¹²). С другой, оно обнаруживает противопоставительные связи, то есть находится в парадигматических отношениях, со словами: *woman, boy, master, officer, wife* и т.д.

За противопоставлениями *man — woman, man — boy, man — master, man — officer* и т.д. стоят определенные лексико-семантические парадигмы, объединяющие слова с обозначением лица по различным естественным и «культурным» признакам.

Первые два противопоставления обнаруживаются в одной сложной лексико-семантической парадигме, членами которой являются слова, обозначающие лицо по полу и возрасту и образующие в ней пересекающиеся ряды. В эту парадигму входят слова *man, woman, boy, girl, child, adult, male, female, adolescent, baby* и т.п. По распределению относительного признака «возраст» *man, woman, adult* противопоставляются словам *boy, girl, adolescent, child, baby*, которые, в свою очередь, могут быть противопоставлены по рядам в зависимости от дальнейшего распределения этого признака. Для слов *male* и *female* признак «возраст» не релевантен. Они являются «беспризнаковыми» членами

в этом противопоставлении. Противопоставление по относительному признаку «пол» также образует три ряда: *man, boy, male, old man* и т.д.; *woman, girl, female* и т.д.; и «беспризнаковый» ряд *adult, adolescent, child, baby*¹³.

Таким образом, в слове *man* пересекаются два ряда противопоставлений. Входя в один ряд с *boy* и др., *man* по признаку «пол» противопоставляется ряду *woman, girl* и т.д., а по признаку «возраст», входя в один ряд с *woman* и др., — словам *boy, girl* и т.д. При этом точки пересечения образуются там, где при совпадении по одному признаку наблюдается противопоставление по другому признаку. Так, находясь в отношениях противопоставления со словом *woman* по семантическому признаку «пол», *man* совпадает с ним по признаку «возраст». И наоборот, находясь в отношениях противопоставления со словом *boy* по семантическому признаку «возраст», *man* совпадает с ним по признаку «пол».

Слово *man* парадигматически связано и с другими словами противопоставленных рядов. В этих связях обнаруживается иное пересечение семантических характеристик. Например, в словах *man* и *girl* не совпадают оба признака (также, как в *woman* и *boy*); противопоставление *man* и *child* основано только на признаке «возраст» и т.д.

Признак «пола» является главным и для частной лексико-семантической парадигмы *man — wife*¹⁴, в которой объединение слов основывается на общем понятии «семейные отношения» ('non-celibate, joined in marriage').

Далее, слово *man* обнаруживает парадигматические связи со словами *master* и *officer*. Эти последние, не находясь в непосредственных парадигматических отношениях друг с другом, входят в парадигмы, которые в целом могут рассматриваться как члены более общей парадигмы, объединяющей слова, противопоставленные по отношениям зависимости (dependence), например, *ruler* и *subject*, *lord* и *vassal*, *landlord* и *tenant*, *employer* и *employee* и т.д.

Лексико-семантическая парадигма *man — master*, в которой проявляются отношения зависимости между *employee* и *employer*, является более сложной, чем рассмотренные выше противопоставления *man — woman*, *man — boy*, и образуются целым рядом противопоставлений. Выражая понятие, которое можно назвать 'hired help', слово *man* выступает как общий «беспризнаковый» представитель, с одной стороны, ряда *butler, valet, footman* и т.д., расчлененно выражающего общее значение 'servant', а с другой —

ряда *worker, workman, labourer, hand* и т.д., расчлененно выражающего общее значение 'person engaged in manual labour'. Эти ряды специализированных, а следовательно известным образом противопоставленных между собой, слов, противопоставляются друг другу по признаку прикрепленности к определенного рода деятельности и слову *master* по отношению зависимости. Таким образом выделяются отдельные значения *man* — 'слуга' и *man* — 'работник', 'рабочий'.

Лексико-семантическая парадигма *man* — *officer*, входящая в общую парадигму «зависимости» и выделяющая *man* в значении 'военнослужащий рядового состава', основывается на противопоставлении, связанном с понятием «subordination», то есть, в данном случае, по рангу. Она обнаруживает те же характерные черты, что и лексико-семантическая парадигма *man* — *master*. Здесь оба слова являются общими «беспризнаковыми» представителями родов, включающих, соответственно, слова *private, regular, soldier, non-com, sailor, rating* и т.д., обладающее каждое своими семантическими характеристиками, и специализированные слова *lieutenant, colonel, general, admiral, commander* и т.д.¹⁵.

Как мы видим на примере с *man*, слова, объединяемые нами на основании тех или других семантических признаков в определенные группы, связаны в языке отношением противопоставления. Раскрытие этих отношений дает возможность определить и отграничить разные значения одного слова независимо от фактического употребления его в том или ином конкретном контексте.

§ 7. Лексико-стилистическая парадигма

Рассмотренные в параграфах 1 и 2 отношения между словами объединяют и противопоставляют их по различным семантическим признакам и, вследствие этого, образуют различные перекрещивающиеся и соподчиненные ряды. Однако эти связи существуют как бы в одной плоскости. Вместе с тем, парадигматические отношения отнюдь не представляют собой некоей одномерной системы, как можно было бы заключить из примеров, приведенных в указанных параграфах, а основываются на разных типах противопоставлений. Так, еще одной плоскостью, в которой обнаруживаются парадигматические связи, является стилистическое распределение слов.

К этому вопросу можно подходить с разных точек зре-

ния. Во-первых, в языке имеются слова, которым внутренне присуща экспрессивность, эмоциональность (ингерентные стилистические характеристики). Такими словами, например, являются *marvellous, glorious, capital, excellent, brilliant, splendid, superb, prodigious* и т.д., экспрессивно выражающие положительную оценку. Весь этот ряд в целом, противопоставлен стилистически нейтральному *good*. Ср. *a good man* и *He is a marvellous man*; *Michael was a good fellow* и *He is a capital fellow*; ... *good son to his father — good brother to his sisters — good father to his child* и *My ambition — old thing — is to be the perfect wife of one man, the perfect mistress of another, and the perfect mother of a third* (J. Galsworthy); *Mrs. Morland was a very good woman* и *The instinct ... of this excellent woman was keen* (W. S. Maugham); *a good writer, a good story-teller* и *the brilliant novelist*; “*Good eggs,*” he said. “*Good coffee,*” he said и *capital dinner, excellent lunch, They had a perfect clear soup* (J. Galsworthy); *furnished with the same good taste* и *capital taste he had*; *a good novel* и *this superb novel*; *he seemed in good health* и *she enjoyed excellent health herself*; *it was a very good bargain* и *It was pronounced to be a prodigious bargain* (S. W. Maugham); *Henry was making a good income* и *Your niece would inherit a very handsome income*; *Had a good time?* и *I had a lovely time there* (A. Christie).

Таким же образом слова *enormous, huge, hugeous, immense, gigantic, colossal, decuman, Cyclopean, Herculean, titanic, magnitudinous, elephantine, whopping, whacking, stupendous*, означающие большой размер, противопоставлены нейтральному *big*. Однако здесь, как мы видим, перечислены не только слова с ингерентной экспрессивностью значений (например, *enormous, huge, immense, gigantic, stupendous* и т.п.), но и такие, которые приобретают это качество в переносном значении или при переносном употреблении (адгерентные стилистические характеристики). Ср., например, *Herculean labours* в прямом смысле и ... *and he was inclined to flatter himself on his forethought without undertaking the herculean labour of hammering the idea into Hoppy's armour-plated skull* (L. Charteris) или *a Herculean figure of a man*¹⁶; *elephantine epoch (when large pachydermata abounded)* и *The love for a literature that is most suitable to mass dissemination can also be of an elephantine variety, which sometimes crushes what it loves* (I. Weil) или *his elephantine (huge, heavy) henchman*.

С другой стороны, эти слова различаются также и принадлежностью к различным стилям речи. Так, *hugeous, magnitudinous, decuman*, отличающиеся низкой частотностью употребления, относятся к книжному стилю; *whopping* и *whacking* являются разговорными и т.д. Ср. также нейтральное *hand* и разговорные *raw, mauley, fumble*, нейтральное *face* и книжное *physiognomy*, поэтическое *visage*, разговорные *mug, mazard, phiz*.

Стилистические парадигмы, следовательно, могут быть такими, в которых противопоставляются экспрессивные (обычно ряд экспрессивных синонимов) и стилистически нейтральные слова или значения слов; и такими, в которых противопоставляются слова нейтрального стиля речи и других речевых стилей. Таким образом, слово как парадигматическая единица характеризуется не только лексико-семантическими, но и стилистическими противопоставлениями, которые тоже входят в определение его значений.

Так например, значения слов лексико-семантической парадигмы *house — mansion — cottage* и т.д. определяются, наряду с другими характеристиками, и тем, что они являются стилистически нейтральными и находятся в отношениях противопоставления, с одной стороны, со словами *dome* (книж.), *cot* (поэт., например, *Mine be a cot beside the hill; — Samuel Rogers*), *crib* (воровск. жарг.) и т.п., с другой — с эмоционально окрашенными словами *hovel* (например, *Folks prefer in fact a hovel to your dreary marble halls. — Charles Stuart Calverley*), *hutch, hole* и т.п. (например, *At last we reached his house. What a hole!; Come around and see me at my dump on Jermyn Street — P. Cheney*). Ср. *room — chamber* (возвыш.) — *digs* (разг.) — *den* (эмоц., например, *The attic is his private den. You must knock — M. Allingham; Come in! You don't know my den, I think — J. Galsworthy*)¹⁷.

Слово *man*, являясь нейтральным, входит в состав разных стилистических парадигм, которые как бы накладываются на его лексико-семантические противопоставления. Например, в значении, выделяемом на основании парадигматической связи со словом *woman*, *man* стилистически противопоставляется *male* (спец. или ирон.) — *groom* (арх.) — *microcosm* (книжн.-философск.) — *fellow, chap, bloke, guy* (разг.) — *byddy, egg* (особенно *good egg, bad egg*), *buck, card, cock* (разг.-фамильярн.)¹⁸ — *twerp, type, jerk, heel* (разг.-эмоц.) — *basher* (авиа жарг.) и т.д.

В значении, определяемом противопоставлением слову *boy*, *man* «охватывает» довольно широкую область экстралингвистической реальности, относясь ко всем возрастным группам, покрываемым понятием 'male adult' или 'adult male'. Для более конкретных обозначений возраста английский язык прибегает к уточнениям: *grown man* (см., например, *He wasn't a grown man* — М. Allingham), *middle-aged man* (ср. *middle span*), *old man* (ср. русск. монолексему *старик*), *man in the prime of life* и т.п. Вследствие этого, наряду с *adult* (снец., например, юрид. совершеннолетний) и с *a grown-up* (разг.; ср. *A well-established British synonym of 'male adult' was 'a grown-up man', as when G. K. Chesterton wrote in his essay on "Fear", I know a grown-up man who is still frightened of the dark!* — В. Foster), которые являются «беспризнаковыми» в отношении пола (ср. *woman* — *adult, grown-up*) и поэтому как бы лишь частично противопоставленными слову *man*, стилистическая парадигматика *man* включает противопоставления с разг. *gaffer, greybeard, книжн. patriarch* и т.п.

В остальных рассмотренных нами значениях *man*, как уже указывалось, является «беспризнаковым» членом ряда и, таким образом, стилистические противопоставления относятся скорее к *servant* (например, *книжн. attendant, factotum, domestic, scullion, арх. servitor, разг. help, do-all, buttons, пренебр. lackey, flunky* и т.д. Например, "*You there,*" *he said sharply. "The buttling man"*. — Е. Queen); к *soldier, private* (например, *разг. trooper, swad, rank-and-file, арм. жарг. Tommy* — сокр. от *Tommy Atkins, dough-boy*¹⁹, *газетн. cannon fodder, food for powder*; ср. также *sailor, seaman* и мор. жарг. *tar* или *jack tar, salt, sea-dog, shellback, guffy* и т.д.); к *husband* (например, *разг. hubby*; ср. более широкую стилистическую парадигматику *wife*²⁰).

В значении 'human being', отличающемся сравнительно ограниченной сферой употребления и некоторой фразеологической связанностью, слово *man* стилистически противопоставлено *нейтр. person*²¹, *снец. или унич. individual, унич. или снисход. creature, разг. soul* (см. например, *I didn't see a soul I knew*), *фамильярн. body, снец. или разг. party, арх. wight*²².

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют роль стилистических парадигматических связей слова в определении его значений.

§ 8. Первый уровень лексической абстракции. Лексема

Переходя от наблюдений над живым языком к теоретическим обобщениям, необходимо прежде всего уточнить используемые нами понятия в терминах современного метаязыка лингвистики. Выше мы говорили о слове как единице языка и иллюстрировали определяющие его семантику парадигматические отношения примерами речевых произведений, в которых слово каждый раз выступало не только в одном данном лексическом значении, но и в одной из присущих ему грамматических форм. Таким образом мы показали то, о чем уже неоднократно упоминалось выше: функционирование языка предполагает наличие неразрывно взаимосвязанных, не мыслимых друг без друга, двух осей — оси парадигматической и оси синтагматической. Следовательно, слово как единица языка характеризуется не только парадигматическими отношениями, определяющими его семантику, но и тем, что оно, являясь частью речи, то есть членом определенного класса слов со строгим набором грамматических категорий, обладает определенной словоизменительной парадигмой. Так, слово *house* является существительным и как таковое определяется наличием у него категорий числа и падежа, выражающихся в парадигме *house, houses, house's, houses'*; слово *meet* — глагол, и определяющими для него являются такие грамматические категории, как категория времени, категория наклонения, категория залога и т.д.

Иными словами, в языке слово существует во всей совокупности своих грамматических и семантических признаков, представляя собой структурную единицу — «лексе́му». Лексе́ма — структурный элемент языка, слово-тип, существующий во всей полноте своих значений и форм — является основой всех его конкретных воспроизведений (реализаций, манифестаций) в речи. Каждая конкретная реализация слова в речевой цепи (то есть каждый раз как слово появляется в высказывании как данное слово, в данной его грамматической форме и с данным одним лексическим значением) представляет собой то, что обозначается термином «аллолекса».

Рассмотрению особенностей конкретных реализаций слов (то есть аллолексов) в речи (то есть на синтагматической оси) посвящена следующая глава. Здесь же мы продолжим рассмотрение слова в языке.

§ 9. Словообразовательная парадигматика

Парадигматические связи слова не ограничиваются теми, которые обсуждались выше. Место слова *house*, например, в лексике английского языка определяется не только его семантическим противопоставлением словам *villa*, *cottage* и т.д. и его стилистическим противопоставлением словам *hovel*, *hole* и т.д., но также и тем, что оно связано с группой «формально» близких слов, образованных от той же основы. Это — производные слова *to house*, *housing*, *houseful*, *houseless* (например, у Шекспира *houseless heads*, “King Lear”, IV, II) и сложные слова *lighthouse*, *almshouse*, *outhouse*, *manorhouse*, *household* (соответственно, *householder*), *housewife* (соответственно, *housewifely*, *housewifery*), *housekeeper* (соответственно, *housekeeping* и образованное по способу *back-formation* — *to house-keep*, например, *Are you going to house-keep, then, for the new châtelaine?* — N. Marsh; ...*My sister-in-law ... house-keeps for Papa* — N. Marsh), *housework*, *housemaid*, *house-boy*, *house-party*, *house-warming*, *house-guest*, *housecoat*, *house-top*, *house-breaker* (соответственно, *housebreaking*), *housemaster*, *house-physician* (и *house-surgeon*), *housebound* (ср. о лежащих в больнице: *ward-bound*), *houseproud*, *house-to-house*²³.

По существу, казалось бы, такого же рода образования или, во всяком случае, некоторые из них, могли бы быть созданы и с другими членами рассматриваемой парадигмы, поскольку, наряду с понятиями, обозначаемыми указанными производными и сложными словами, например, *houseful*, *house-agent*, *housemaid*, *housetop*, могут существовать и понятия ‘полная дача’, ‘комиссионер по продаже и сдаче в наем коттеджей, дач’, ‘служанка во дворце’, ‘крыша особняка’ и т.п. Однако беспризнаковость *house*, отражающая общий характер значения этого слова, выражается именно в том, что перечисленные выше производные и сложные слова охватывают соответствующие понятия, связанные с другими членами данной лексико-семантической парадигмы²⁴. Например, *You had a house-warming party last night?* (M. Allingham — о новосельи в только что купленном коттедже); *Although the mansion was rather big, she had only one housemaid and cook; If you want to rent this cottage apply to the house-agent;* или *We are going to the house-agents, Hastings. I have a great desire to have a flat in Montagu Mansions* (A. Christie).

Здесь, как и в других случаях, отдельные значения

многозначного слова обнаруживают особенности, специфические именно для данного значения. Так например, *man* в значении 'human being' участвует своей основой в образовании следующих слов: *to man*, *manward*, *manikin*, *mankind*, *manpower* (например, ... *laws of economics and the shortage of manpower put a limit on the time and staff which can be devoted to any one problem* — M. Allingham; или: ... *if you would like to take over these extra duties it will be a saving in manpower.* — G. H. Coxe), *man-hour*, *man-made* (ср. потенциальное образование *manscape* — A. Johnstone, то есть *landscape*, созданный руками человека), *man-handle* (*He was pretty nastily manhandled* — M. Allingham), *manhole* (например, *There was no way down to the hold that I could see, but of course it could have been a manhole under the passage carpet* — G. H. Coxe), *man-trap*, *manhunt*, *manslaughter* (соответственно *manslayer*), *man-eater* (соответственно, *man-eating*). Слова *manful* (соответственно, *manfully*, *manfulness*), *manly* (соответственно, *manliness*), *mannish*, *manservant*, *man-milliner*, а также *horseman* (ср. *horsecowoman*), *policeman* (ср. *policewoman*) и т.п. образованы от основы *man* в значении 'male'. Со значением 'adult male' связаны *manhood* и *man-sized*.

От этих слов, связь которых с одним определенным значением не вызывает сомнений, отличаются *manless* и *man-like*. Они, в зависимости от контекста употребления, могут рассматриваться как образованные от основы *man* либо в значении 'human being' либо в значении 'male'. То же относится к *man-child* (ср. *man-child* в «Книге джунглей» Р. Киплинга и *Three bachelor brothers would not have classified as good companions for a growing girl-child* — A. Upfield).

Итак, можно сказать, что, обладая не только смысловым содержанием, но и материальной формой, каждая лексическая единица находится в определенных отношениях с некоторой группой формально близких слов, семантическая связь которых определяется общностью основы. Такие группы слов обычно называют «словообразовательными рядами». Удобен ли такой термин? Соответствует ли он тому, что мы наблюдаем в языке? Думается, что нет. С одной стороны, необходимо более строго систематизировать лингвистическую терминологию и номенклатуру, то есть упорядочить описание также и в метаязыковом отношении, поэтому предпочтение отдается термину «словообразовательная парадигма». С другой стороны, целесообразность

термина «парадигма» по сравнению с термином «ряд» подтверждается и тем обстоятельством, что ряды неизбежно создают впечатление последовательного наращивания, тем самым как бы исключая одновременность существования соответствующих лексем в языке, нелинейность отношений между ними.

Следовательно, рассмотренные нами выше группы слов представляют собой словообразовательные парадигмы слов *house* и *map*.

Примечания

1. Критическое рассмотрение существующих определений «значения» должен составить предмет отдельного большого исследования. Еще в 1936 г. Л. Абрахам предпринял попытку собрать все определения «значения» (см.: L. A b r a h a m. What is the Theory of Meaning about?). С тех пор, естественно, его коллекция могла бы значительно пополниться, особенно в связи с развитием общей семиотической теории и теории знаковости языка, в частности. См. в связи с этим, например, Ф. де - Соссюр. «Курс Общей лингвистики» и оценку его теорий у Р. А. Б у - да г о в а (Из истории языкознания. Соссюр и соссюрианство) и А. И. С м и р н и ц к о г о (Объективность существования языка); Ch. W. M o r r i s. Foundation of the Theory of Signs; е г о ж е : Signs, Language and Behaviour; С. C a r n a p. Introduction to Semantics; е г о ж е : Значение и необходимость; А. Ш а ф ф. Введение в семантику; А. А. В е т р о в. Семиотика и ее основные проблемы; П. В. Ч е с н о к о в. Слово и соответствующая ему единица мышления; Л. О. Р е з н и к о в. Понятие и слово; О. С. А х м а н о в а и Р. С. Г и н з - б у р г. К вопросу о диалектике языка и мышления; И. С. Н а р с к и й. Проблема значения и диалектика; Д. П. Г о р с к и й. Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания; В. И. М а л ь ц е в. Значение и понятие; С. Л. Р у б и н - ш т е й н. К вопросу о языке, речи и мышлении; Сборник «Язык и мышление».

2. Лексицентрическая семасиология, как уже говорилось выше, занимается изучением значений слов, определяющимся, с одной стороны, соотносительностью слова с понятиями и предметами, стоящими за ними, а с другой — местом слова в лексической системе языка.

3. Под разновременностью понимается невозможность их реального объединения в акте речи.

4. Здесь естественно рассматриваются только свободные словосочетания с глаголом *break*.

5. См., например: Л. Е л ь м с л е в. Прологомены к теории языка; Н. W a l p o l e. *Semantics. The Nature of Words and Their Meaning*. Слово не признается единицей лингвистического анализа также Пальмером и Чейфом. См. Н. Е. P a l m e r. *The Scientific Study and Teaching of Languages*; W. L. C h a f e. *Meaning in Language*.

6. Наряду с *hut* по этому признаку можно было бы противопоставить другим членам парадигмы и слово *chalet*, отличающееся своим значением от *hut* признаком размера, но *chalet* претерпело изменения в своей семантической структуре и в современном английском языке означает, как правило, не деревянный деревенский домик, а виллу в швейцарском стиле.

7. Тот факт, что *cottage* представляет собой небольшой, довольно скромный домик сельского типа, подтверждается следующими примерами, где оказывается необходимым сделать специальное указание на необычный для коттеджа размер и вид: *About an hour later, we alighted from a Great Eastern train at the little station on Marsdon Leigh... The house in question was a kind of superior cottage...* (A. Christie); *We are going to what you call in England a country cottage; We pulled up at the door of a large villa; I fear you are disappointed in our cottage. Is it too large for you, too ostentatious?* (Ch. Isherwood).

8. Многие помещения, так сказать специального назначения, имеют отдельные наименования. Ср. *manse* — ecclesiastical residence, *lodge* — cottage at the gates of the grounds of a large house occupied by the gardener or other servant, *shooting-box* — sportsman's lodge for use in shooting-season (например, *The tragedy took place in a small shooting-box in the heart of the Derbyshire moors* (A. Christie) и т.п.

9. Обращает на себя внимание тот факт, что сфера охвата у слов *barn* и *shed* (ср. русск. *сарай* и *амбар*) не так определена, как у других указанных слов. Это видно из описания данных слов в двуязычных словарях. Например, в словаре Мюллера, наряду с другими переводами, и в той и в другой словарной статье дается *сарай*. Однако разница между ними подтверждается употреблением, например, ... *exploring every shed and barn* (M. Allingham).

10. Следует отметить, что здесь, как и во всех лингвистических явлениях, наблюдаются переходные случаи. Так, не совсем ясно, к какой из этих парадигм относится слово *castle*, поскольку с одной стороны его можно рассматривать как *dwelling-place* с определенными признаками размера и характера постройки, а с другой — как здание, постройку специального назначения.

11. В этом значении *man* употребляется только в таких речевых произведениях, в которых все остальные признаки оказываются нерелевантными. Например, *the rights of man* — 'права человека', *food not fit for man* — 'пища, не годная для людей', *board at £ 1 per man* — 'пансион (стоит) один фунт с человека', *men say that ...* — 'люди говорят, что ...', *to a man* — 'все до одного, все как один', *man overboard* — 'человек за бортом', *every man* — 'всякий, любой человек', *all men* — 'все люди' (ср. *It is a weakness of all men, though not necessarily of all women, to love their material possessions* — G. H. Coxe) и т.п.

12. В речевом употреблении это обобщенное значение отличается отсутствием артикля.

13. Сочетание «беспризнаковых» членов друг с другом или с другими членами парадигмы нередко используется для расчлененного выражения сложного понятия. При этом первый компонент, как правило, отображает ту сторону этого понятия, которая подчеркивается, например, *boy-child, male child, baby-girl, adult man*.

Интерес в этом смысле представляет также слово *house*, которое, являясь одним из самых общих непризнаковых членов парадигмы *dwelling*, выступает в сложных наименованиях *boarding house, summerhouse, eating-house, lighthouse* и т.п., утрачивая под влиянием первого компонента значение «жилое здание» и приобретая более широкое значение здания вообще, которое и закрепляется за ним в языке. Ср. русск. дом — Дом, в котором мы живем, Мой дом недалеко, На пригорке стоял небольшой дом и Дом пионеров, Дом культуры, Дом кино, Дом обуви и т.д.

14. Мы называли эту парадигму «частной», потому что в то время, как в других случаях значения слова, определяемые его парадигматическими связями, не требуют для своей реализации обязательного присутствия второго члена противопоставления, значение 'husband' в слове *man* регулярно реализуется в сочетании *man and wife*. Вне этого сочетания, если *man* в каком-либо речевом произведении и обозначает 'мужа', то это явление переносного употреб-

ления слова *man* в значении 'мужчина' в просторечном стиле; причем, как правило, в таком случае слову *man* предшествует притяжательное местоимение или определенный артикль. Подобный перенос наблюдается и при употреблении *my woman* вместо *my wife*. Ср. русск. просторечное *мой мужик*, *моя баба* или просто *мужик*, *баба* (*Мужик мне сегодня говорит...*)

15. Противопоставление по признаку subordination позволяет также выделить более частные значения *man*, а именно 'игрок (в спортивной команде)' — *man* ↔ *captain*. (Ср. противопоставление *man* ↔ *team*, *side*, где определяющим является лексически выраженная категория числа.) Затем 'пешка' в шахматах *man* ↔ *rook*, *castle*, *bishop*, *knight* и др.; здесь, при том что все шахматные фигуры собирательно обозначаются *chessmen* или *pieces*, нет монологического выражения для шахматных фигур — не пешек. Наконец 'вассал' (*man* ↔ *lord*, *seigneur*).

16. Переносное употребление закрепилось в языке, и таким образом прилагательное *Herculean* имеет значения 1) 'геркулесов', 'геркулесовский', 'относящийся к Геркулесу'; 2) 'исполинский' ('of immense size and strength'); 3) 'очень трудный или опасный' ('difficult to accomplish' < подвиги Геракла). Ср. русск. *Мимо гигантских рекламных щитов, на трех языках обещающих геркулесовское здоровье всем, кто...* (А. и Б. Стругацкие. Стажеры.) То же *Cyclopean* — 'относящийся к Циклопу' и *cyclopean* ('gigantic').

17. Выше мы упоминали о наличии стилистических противопоставлений в ряду слов, отражающих понятие place of dwelling. По сравнению с нейтральным *dwelling*, *dwelling-place*, *residence* остальные слова, имеющие и некоторые семантические особенности (например, *lodgings* — 'временное местожительство': *That house you're lodging in now* — М. Allingham), обладают ярко выраженными стилистическими характеристиками. Так, *abode* определяется как слово книжное (и несколько архаичное), *habitation* — как официальное или книжное, *habitation* — как редкое, *residency* — как специальное (резиденция представителя генерал-губернатора в какой-либо административной области Индии), *domicile* — как специальное (юридический термин), *quarters* — как специальное (военное), *seat* — как поэтическое и архаичное, *lodgings*, *diggins*, *digs* — как разговорные и т.д.

18. Здесь можно выделить слова разг. и разг.-фам.,

которые как правило, употребляются о третьем лице — например, *chap, card, bloke* (*In a minute there was a little crowd around. "Bloke taken sick," said the lorry driver — N. Shute* — и при обращении. При фамильярном обращении к мужчине наиболее распространенными являются *man* (например, *Speak up, man*), *pal* (например, *Look, pal, I'm going — H.R.F. Keating*), *mate* (например, *You know what I reckon, mate — M. Allingham*), *cock* (например, *See you later then, cock*). Естественно выбор здесь определяется характером ситуации, в которой реализуется акт речи. Например, в романе Питера Чини "Never a Dull Moment", где основными персонажами являются преступники и агенты ФБР, слова *man, boy* (соответственно, *woman, girl*) встречаются редко. В авторской речи вместо них используются *guy, cuss, mug, boyo, bozo, hombre, bum, palooka* и т.п. (соответственно, *dame, frail, jane, baby, babe, doll* и т.п.), а в прямой — *pal, guy, mug, punk* (соответственно, *baby, honey, honey-belle, doll* и т.п.).

19. Хотя *dough-boy* относится к армейскому жаргону США, все английские словари, начиная с времен первой мировой войны, отмечают приобретение им прав гражданства также и в Англии.

20. Разг. *better half, lady* (ср. — *My wife... — I've already seen your good lady, sir — A. Christie*), *фамильярн. old woman*, юмор. *grey mare*, разг.-груб. *squaw*, книжн. *Joan* от *Darby and Joan* = *man and wife*. Интересно отметить, что даже в юридической терминологии, отличающейся тщательной детализацией, нет специального слова-термина для «мужа» (ср. в общем языке *single man, bachelor — married man, husband*, хотя семейное положение женщины терминологизировано: *feme sole* 'незамужняя женщина', *feme covert* 'замужняя женщина').

21. Следует отметить, что это слово обладает, в зависимости от употребления, разными стилистическими коннотациями и стилистической прикрепленностью. Например, *юрид.* (ср. *русск. лицо*) или *унич.* (например, *Who is this person?; I came across an old pal in the Black Bull there. Not a nice class of person, really — M. Allingham*). Кроме того, поскольку *man* в этом значении является беспризнаковым в отношении пола, то и его стилистические аналоги могут относиться и к мужчине и к женщине. Например, *He/She is a very important person* (ср. *personage* = *person of rank and importance*); *There is a female party by the name of Weatherby askin' for Mr Mortimer Kelsey* (M. Allingham).

22. В современном английском языке употребляется в сочетаниях *luckless wight*, *hapless wight*.

23. Здесь приведены слова, отмеченные словарями; в живой речи встречаются и другие образования — иногда потенциальные (*ad hoc*, *for the ponce*), иногда широко употребляющиеся, хотя еще и не зарегистрированные словарями. Например, *house-broken* или *house-trained* (о домашних животных, приученных правильно вести себя в помещении, а также, иронически, о людях — со значением 'прирученный'): *She did hope the dogs would be house-broken* (M. J. Ward); *He is not only house-trained, he is toilet-trained* — об обезьяне (Sh. Mead); *After thirty years of marriage, I haven't been able to housetrain him yet* (M. Hastings). Сюда же относятся *house-hunting* (*The talk fell on the subject of house-hunting in London* — A. Christie; ср. *You know what flat-hunting is* — P. Cheney); *house-room* (*I was well aware that in the struggle for house-room the baser side of human nature frequently triumphed over the higher* — A. Christie); *housework-happy* и т.д.

24. Словообразовательные возможности других членов этой парадигмы значительно беднее. Они представлены следующими словами (указываются единицы, зарегистрированные Оксфордским словарем и словарем Garmonsway): *cottage* — *cottager* (шотл. *cottar*, *cotter*), *cottier*, *cottage loaf*, *cottage pie*, *cottage cheese*, *cottage hospital*, (*We deviated from the main road... and stopped at a small building which I had no difficulty in recognizing as a cottage hospital* — A. Christie), *cottage piano*; *bungalow* — *bungaloid*; *villa* — *villadom* (этимологически родственные *village* и образованные от него слова в современном английском языке не связываются с *villa* и поэтому здесь не указываются); *hut* — *to hut*, *hutment* (*They flew eastwards along... the coast toward what looked like a small city of aluminium hutments* — G. H. Coxe), *hutting*, *hut-circle*; *shanty* — *shanty-town*; *mansion* — *mansion-house*; *palace* — *palace car*.

ГЛАВА 3

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА РЕЧИ

§ 1. Слово в речи

В предыдущей главе рассматривались парадигматические особенности слова, представляющие совокупность его семантических, стилистических и словообразовательных отношений с другими словами в языке¹. Изучение и определение правил и возможностей сочетания слова с другими словами в речи может в самом общем виде называться синтагматикой, хотя синтагматические свойства слова также являются его языковой характеристикой.

Речевое произведение является результатом двух процессов, которые следует рассматривать в их единстве — выбора адекватной лексической единицы из соответствующей лексико-семантической, лексико-стилистической, словообразовательной парадигмы и соединения ее с другими лексическими единицами. Таким образом в речевом произведении конкретно проявляются и синтагматические и парадигматические характеристики и особенности слова. Например, в таких высказываниях как *He acquired a good knowledge of English* и *He got a good ticket for this performance* обнаруживаются парадигматические связи слов *acquire* и *get*. В таких высказываниях как *Food not fit for man*, *For men only*, *You are a man now* реализуются отдельные значения слова *man*, определяемые противопоставительными связями с *beast*, *woman*, *boy*. Сравнение таких речевых произведений как *I know this man* и *I know this guy* (или *bloke*) определяет место *man* в стилистической парадигме². В примере *But I think a parlourman — if that's what he is — makes everything perfectly respectable* — (M. Allingham) подтверждается место *man* (мужчина) в словообразовательной парадигме (возможность образовывать слова, обозначающие профессию, занятие: *postman*, *police-man*, *clergyman*, *sportsman*, *businessman* и т. п.)³. Или: в

His visage was awful слово *awful* реализует значение 'inspiring awe', в то время как в *The film was awful* слово *awful* выступает как эмоциональное оценочное прилагательное, стилистически противопоставленное нейтральному оценочному прилагательному *bad*. В *I met her in the street; John, meet Mr. Smith; He doesn't meet our requirements* выступают различные значения глагола *meet*.

Следовательно, функционируя в речи в сочетании с другими словами, слово каждый раз раскрывает один из своих парадигматических признаков. Иначе говоря, в своих синтагматических связях слово реализуется и как парадигматическая единица.

С другой стороны, хотя конкретные синтагматические связи предопределяются парадигматическими связями, употребление лексических единиц в речи обусловлено не только факторами выбора, но и возможностями лексического и синтаксического соединения одного слова с другими⁴.

Синтагматические особенности слова проявляются во всех возможных видах связи его с другими словами, рассматриваемых как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания. Например, то обстоятельство, что слово *butcher* может входить в такое сочинительное сочетание как *the butcher, the baker, the candlestickmaker*, что слово *holy* может входить в такое сочинительное сочетание как *holy, divine, good, amiable or sweet* (Milton) или что слово *judge* может соединяться со следующим словом при помощи предлога (*to judge by smth., to judge from smth.*) и без него (*to judge smth., to judge smb.*) обнаруживает определенные синтагматические характеристики указанных слов.

Синтагматические особенности слов проявляются также в различных соединениях полнозначных и служебных слов, в частности, в предложных конструкциях (ср., например, *on the ground, in the ground; on the air, in the air; in the fashion, after a fashion; interest on a loan, interest in a loan* и т. п.); или при реализации предикативной связи⁵ (например, *the changeshows, the change-jingles; the dish broke, the dish smelt; the train has arrived, the time has arrived; the rain poured, the hostess poured* и т. п.), комплективной связи (например, *to break the cup, to break the law; to meet a friend, to meet a bill; to give a party, to make up a party; to raise the issue, to avoid the issue* т. п.) и атрибутивной связи (например, *small house, small nature; sweet fruit, sweet girl; criminal charge, burdensome charge; adverse fortune, considerable fortune* и т. п.).

Одним из наиболее важных видов лексико-синтаксического соединения слов в речи является словосочетание⁶. Именно с него и удобно начать обсуждение проблем, возникающих в связи с исследованием синтагматики слова. Словосочетание отличается от других типов соединений слов тем, что оно, складываясь не менее чем из двух соединенных в соответствии с синтаксическими правилами данного языка (модель словосочетания) знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них), одно из которых является главным, опорным, представляет собой грамматическое единство, обладающее определенной семантической цельностью.

Из сказанного вытекает, что из названных выше типов синтаксической связи только наиболее тесные из них — атрибутивная и комплективная — дают то, что действительно можно считать словосочетаниями⁷.

Поскольку словосочетание обладает некоторыми свойствами слова, а именно — функционирует как единица номинации и входит в состав предложения как нечто целое, как один из его членов, и поскольку, вместе с тем, несмотря на определенную самостоятельность, оно не цельнооформленно, а является синтаксическим объединением слов — при выделении словосочетаний, как правило, определяется, с одной стороны, их отличие от слов⁸, а с другой — от предложений⁹. Таким образом, словосочетание является как бы промежуточным звеном, переходной единицей между основными единицами языка — словами и основными единицами речи — предложениями: слово — словосочетание — предложение.

Однако такая цепочка дает лишь самое общее представление о взаимоотношении указанных трех единиц. Для функционального выделения словосочетания как сложного (состоящего из отдельных слов) компонента предложения наиболее плодотворной представляется иерархия В. В. Виноградова: слово → фразеологическая единица (эквивалент слова) → свободный эквивалент фразеологической единицы → словосочетание.

При такой постановке вопроса второй план исследования словосочетаний лежит в сфере разграничения собственно словосочетаний, или свободных словосочетаний, и фразеологических единиц, или словосочетаний не свободных, а та-

ких, в которых семантическая цельность довлеет над структурной раздельностью.

Хотя в нашу задачу не входит рассмотрение фразеологических единиц как таковых¹⁰, в целях большей ясности дальнейшего изложения необходимо напомнить, что фразеологические единицы неоднородны по степени спаянности составляющих их элементов, а следовательно по тем взаимоотношениям, которые существуют между значениями фразеологических единиц и значениями составляющих их компонентов. По предложенной В. В. Виноградовым классификации¹¹ среди фразеологических единиц различаются 1) **фразеологические сращения**, наиболее монолитные, вследствие их семантической и синтаксической немотивированности; например, *to cry wolf* 'поднимать ложную тревогу', *to cut off with a shilling* 'лишить наследства', *baker's dozen* 'чертова дюжина', *by all that's blue* 'черт возьми'. Или в русском языке: *неровен час*, *чуть свет*, и *никаких звезд*, *попасть впросак*¹²; 2) **фразеологические единства**, характеризующиеся меньшей по сравнению со сращениями спаянностью, поскольку хотя их компоненты обладают с одной стороны семантической неделимостью, а с другой — изолированностью, они, во-первых, обнаруживают некоторую мотивированность (в значениях отдельных слов), а, во-вторых, их синтаксическое построение совпадает с построением свободных словосочетаний; например, *to fish in troubled waters* 'ловить рыбу в мутной воде', *to kick one's heels* 'нетерпеливо дожидаться', *in full blast* 'в полном разгаре'. Или в русском языке: *закинуть удочку*, *намылить голову*, *во всю Ивановскую*. 3) **фразеологические сочетания**, наименее семантически изолированные, которые строятся по продуктивным синтаксическим моделям и отличаются от свободных сочетаний лишь тем, что один из элементов, а именно опорное слово, употребляется во фразеологически-связанном значении, реализующемся лишь при сочетании с определенным словом или набором слов; например, *to bear a grudge (malice, spite)* 'иметь зуб против кого-либо', *clench one's teeth (fists)* 'стиснуть зубы', 'сжать кулаки', *to shrug one's shoulders* 'пожимать плечами'. Или в русском языке: *скалить зубы (пасть)*, *кромешный ад (-ая тьма)*, *насунуть брови*¹³.

Оставляя в стороне вопрос о степени образности и стилистической не-нейтральности того или иного типа фразеологических единиц, из сказанного можно сделать вывод, что когда ставится вопрос о разграничении свободных слово-

сочетаний и фразеологических единиц, речь идет, прежде всего, о фразеологических сочетаниях и в некоторых случаях о фразеологических единствах, то есть о таких фразеологических единицах, которые построены по тем же синтаксическим моделям, что и свободные словосочетания, притом, что их синтаксические связи являются семантически несвободными. Таким образом отграничение свободных словосочетаний от фразеологических единиц основывается, обычно, на семантическом критерии идиоматичности — неидиоматичности.

В свободном словосочетании элементы не связаны фразеологически; свободное словосочетание создается в речи в соответствии с определенным типом сочетания слов. Следовательно, под свободным словосочетанием, если его рассматривать эвристически, понимается такое синтаксическое сочетание полнозначных слов, которое создается в речи и в котором выбор следующего компонента диктуется, в первую очередь, экстралингвистическими факторами, вследствие чего отсутствует возможность конкретно его предсказать. Так например, в речевой цепи *I saw a small...* мы не можем предсказать следующее слово, являющееся вторым компонентом словосочетания «прилагательное (*small*) + существительное». Это может быть *farm, town, place, lake, pond, house, room, library, window, door, box, table, cup, melon, figure, creature* и т. д. и т. п. Сочетания *a small farm, a small house, a small box* и т. п. можно назвать свободными.

Следовательно, свободными мы называем такие словосочетания, в которых выбор второго члена ограничивается тем, что в реальной действительности может определяться при помощи первого члена (в данном случае «маленький» или «небольшой»). Иными словами, связи, возникающие между компонентами таких словосочетаний обусловлены отношениями и связями внеязыковой действительности (*general experiential compatibility*¹⁴), или так называемой **понятийной сочетаемостью**. С этой точки зрения сочетания *small house, small box* и т. п. менее свободны, чем сочетания, подобные *small giant, hot frost, humid dryness, happy mourning*, где отсутствует естественная связь предметов мысли и можно говорить о максимальной, неограниченной свободе сочетания.

С другой стороны, поскольку речь идет о сочетании языковых единиц, а не понятий, то следует учитывать **семантическую** (лексико-фразеологическую) **сочетаемость**, то есть

способность или неспособность слов соединяться по лексическому значению. Свобода сочетаемости в этом смысле ограничивается собственной семантикой слов, участвующих в словосочетании: значение одного члена словосочетания и значение другого члена словосочетания допускают или не допускают их соединение. Этим объясняется то, почему в английском языке, например, слово *firm*, а не слово *hard* сочетается со словами *principles*, *beliefs*, *faith*; или почему слово *heavy* сочетается и со словами *load*, *suitcase* и т. п., и со словами *food*, *bread* и т. п., и со словами *blow*, *shock* и т. п., и со словом *heart*, и со словом *style*, и со словами *rain*, *snow*, и со словами *gun*, *artillery*, *industry* и т. д.; или почему слово *strong* сочетается со словом *wind*, но не сочетается со словами *rain* и *snow*.

Кроме того, при рассмотрении сочетаемости языковых единиц нельзя не учитывать возможность проявления таких свойств слов, которые входят в их лексическую характеристику наряду с понятийным содержанием; например, экспрессивно-стилистические оттенки, возможность метафорических и метонимических переносов и т. п.¹⁵

Фразеологические единицы, рассматриваемые под этим углом зрения, в противоположность свободному сочетанию, представляют собой такие отрезки речевой цепи, такие словосочетания, в отношении которых вообще нельзя ставить вопрос об экстралингвистически обусловленном выборе следующего компонента. Возможность выбора отсутствует, поскольку фразеологическая единица, общее значение которой не выводится из суммы значений ее компонентов, вводится в речь в готовом виде. Так например, в сочетаниях *to take the floor*, *to fall in love*, *to take the bull by the horns*, *to beat about the bush*, *red tape*, *blue blood*, реализующих значения, соответственно, 'выступать, брать слово', 'влюбляться', 'брать быка за рога', 'ходить вокруг да около, церемониться', 'волокита, бюрократизм', 'аристократическое происхождение, голубая кровь', следующий компонент всегда конкретно предсказывается — предсказуемость здесь равна ста процентам — а сама фразеологическая единица обнаруживается при учете всего контекста речевого произведения¹⁶.

Это последнее замечание существенно потому, что теоретически рассуждая, возможно представить такую ситуацию в которой *to take the bull by the horns* не является фразеологической единицей и каждый последующий член сочетания свободно выбирается¹⁷. Однако при учете контекста

ситуации свобода выбора выступает только в предшествующих фразеологической единице или следующих за ней словах. См. *I... decided ... to take the bull by the horns*; или *I ... knew ... that ... he ... was up to no good* и т. п.

Указанные типы словосочетаний могут рассматриваться также и под другим углом зрения. Выше уже говорилось, что собственно словосочетание, в противоположность фразеологической единице, не вводится в речь как уже готовое сложное образование, как фиксированная единица языка, что оно не обладает свойством воспроизводимости, а создается каждый раз заново. В то же время сам способ образования словосочетаний в речи по синтаксическим моделям данного языка является продуктивным в смысле неограниченной реализации данной возможности.

Фразеологические же сочетания являются в этом смысле непродуктивными, так как они не создаются в речи, они как бы заготовлены заранее и вносятся в произведения речи в готовом виде¹⁸.

Таким образом, свободные словосочетания и фразеологические единицы могут быть противопоставлены на основе понятий продуктивности — непродуктивности.

Такой подход, как и эвристические приемы, основанные на принципе предсказуемости¹⁹, дают возможность при классификации различного рода словосочетаний оперировать понятием «больше или меньше», понятием *gradience*²⁰ как степень какого-либо качества. Действительно, продуктивные свободные словосочетания и непродуктивные фразеологические единицы представляют собой полярные явления: собственно синтаксические, с одной стороны, и такие, где синтаксические связи оказываются подчиненными фразеологическим отношениям между соединяемыми словами, с другой. Между ними обнаруживается большое количество переходных «полупродуктивных» словосочетаний, то есть словосочетаний с различной степенью устойчивости, таких, «свобода» или, наоборот, «фразеологичность» которых не выступает с достаточной степенью четкости и определенности.

Итак, словосочетания можно классифицировать следующим образом: 1) свободные, то есть продуктивные, создающиеся говорящим в процессе речи при помощи обусловленного синтаксическими нормами данного языка соединения необходимых ему для выражения его мысли слов; 2) фразеологические, то есть непродуктивные, заранее готовые и вносимые говорящим в речь на равных правах со словом;

3) переходные, лежащие между двумя первыми классами словосочетаний, то есть полупродуктивные, отличающиеся от фразеологических отсутствием цельности номинации, но, с другой стороны, вследствие регулярного употребления, многократного воспроизведения ставшие устойчивыми «формулами», не создаваемыми в речи, а вносящимися в нее.

При такой постановке вопроса переходными оказываются не только многие так называемые фразеологические единства и фразеологические сочетания, но также и сочетания, которые по классификации В. В. Виноградова не являются фразеологическими, поскольку они семантически совершенно отчетливо членимы, и составляющие их слова реализуют свои свободные значения.

К сказанному следует добавить, что в случае продуктивных словосочетаний мы имеем дело с процессом сочетания слов в речи, в то время как к словосочетаниям второго и третьего типа «сам термин *сочетание* применим не в его процессуальном, а в результативном значении»²¹.

Наиболее благоприятным материалом для иллюстрации изложенных выше положений является атрибутивное сочетание, которое в самом чистом его виде представляет собой соединение одного прилагательного с одним существительным в неизменном синтаксическом порядке.

Непродуктивными фразеологическими атрибутивными словосочетаниями являются, с одной стороны, те, которые можно назвать собственно идиомами; например, *lame duck* 'неудачник', *narrow bed* 'могила', *blug stocking* 'ученая девица' ('синий чулок'), *hard nut* 'трудная задача' ('крепкий орешек'), *red tape* 'волокита', 'бюрократизм', *last straw* 'предел терпения' ('последняя капля'), *cold shoulder* 'неприветливое обращение', 'холодный прием', *red herring* 'ложный след', *new broom* 'новое начальство' ('новая метла') *old bird* 'бывалый человек' ('стреляный воробей')²²; с другой стороны, те, которые представляют собой составные полилексемные термины как специальные, связанные с определенными сферами употребления, так и общеупотребительные; например, *short exchange* 'расплата посредством выдачи векселя на непродолжительный срок' (ком.), *full house* 'полный сбор' (театр.), *circumstantial evidence* 'косвенные улики' (юр.), *material evidence* 'вещественные доказательства' (юр.), *cold war* 'холодная война' (публик.), *strong verb* 'сильный глагол' (лингв.), *absolute zero* 'абсолютный ноль' (физ.), *major scale* 'мажор' (муз.), *bathing suit* 'купальный костюм', *chewing gum* 'жевательная резинка'.

В противоположность приведенным непродуктивным атрибутивным словосочетаниям, *short street* 'коротенькая улочка', *narrow road* 'узкая дорога', *new dress* 'новое платье', *red kerchief* 'красная косынка', *cold weather* 'холодная погода', *last piece* 'последний кусок', *old pen* 'старая ручка', *thick book* 'толстая книга', *large garden* 'большой сад', *busy man* 'занятый человек' и т. п. создаются в речи говорящим, являются продуктивными, свободными²³.

Такие же атрибутивные словосочетания как *brilliant example* 'блестящий пример', *delicate situation* 'щекотливое положение', *seamy side (of life)* 'неприглядная сторона, изнанка (жизни)', *rough sketch* 'черновой набросок, эскиз', *nice distinction* 'тонкое отличие', *unrequited love* 'любовь без взаимности', *aquiline nose* 'орлиный нос', в отличие от фразеологических единиц, не обладают цельностью номинации — их значения складываются из значений составляющих компонентов. С другой стороны, в отличие от свободных сочетаний, они не создаются говорящим каждый раз заново, а вносятся в речь в виде готовых образований. Таким образом, в них проявляются признаки и свободных и фразеологических словосочетаний, и они являются в этом смысле переходными — полупродуктивными, или полуфразеологическими.

Словосочетания этого типа также не являются однородными, а располагаются как бы цепочкой, обнаруживая большую или меньшую степень близости к фразеологическим или к свободным словосочетаниям. Так например, среди рассматриваемых словосочетаний можно выделить формулы приветствия и прощания — такие как *good morning* 'доброе утро', *good day* 'добрый день', *good night* 'спокойной ночи' и т. п. и такие как *happy New Year* 'с новым годом', *merry Christmas* 'веселого рождества', *good luck* 'желаю удачи', *best wishes* 'наилучшие пожелания' и т. п.; формулы обращения, например, *dear sir* 'уважаемый сэр' ('милостивый государь'), *old boy* 'старина', *old girl* 'старуха' и т. п.; сочетания, в которых проявляется узкая, а иногда и единичная сочетаемость одного из компонентов, например, *wistful eyes (look, expression)*, *clenched fists (teeth)*, *aquiline nose* и т. п.

Наибольший интерес среди переходных представляют приведенные выше словосочетания типа *brilliant example*, которые, не будучи формулами в указанном смысле и компоненты которых необязательно характеризуются специально узкой сочетаемостью, тем не менее настолько регу-

лярно воспроизводятся в речи, что их можно назвать т р а д и ц и о н н ы м и²⁴.

Слова, входящие в традиционные словосочетания, как правило, многозначны и обладают многообразной сочетаемостью. Сравним, например, следующие словосочетания, обычно приводимые в словарной статье *small* в качестве иллюстраций; *small house* 'маленький дом(ик)', *small box* 'маленький ящик', *small boy* 'маленький мальчик', *small sum (of money)* 'небольшая сумма денег', *small farmer* 'мелкий фермер', *small change* 'мелочь, разменная монета', *(to have, to speak in) a small voice* 'робкий голос(ок)', *small nature (man)* 'мелкая душонка', *small eater* 'человек, который мало ест', *(to do smth., to be smth., to live) in a small way* 'скромно', *small talk* 'пустая светская болтовня', *small hours* 'предраусветные часы', *small fry* 'мелюзга, мелкая сошка'.

Из приведенных словосочетаний такую степень семантического единства, семантической цельности, что их можно назвать фразеологическими единицами, обнаруживают полилексемные термины *small change* и *small farmer* (ср. *small shopkeeper* и т. п.) и обладающее значительной степенью идиоматичности (то есть отличающееся особым стилистическим характером) *small fry*.

Small house, small box, small boy являются несомненно свободными словосочетаниями.

Остальные же словосочетания представляют собой различные виды переходных случаев. Например, *small hours* и *small talk* очень близки к фразеологическим единицам, потому что здесь обнаруживается не только воспроизводимость, связанная с традиционностью употребления, но и характерная для идиоматических фразеологических единиц образность. Словосочетания *small voice, small nature, small eater, small sum (of money)* представляет собой как бы следующую степень среди переходных случаев. Здесь многозначное *small* выступает в одном из своих значений в виде определенного лексико-семантического (лексико-фразеологического) варианта, обладающего большей или меньшей широтой сочетаемости или «валентностью». Это значение, ²⁵казалось бы, не приобретает каких-либо новых качеств, выводящих его за пределы основной семантической структуры, и не образует с определяемым словом семантического единства. С этой точки зрения указанные словосочетания можно было бы рассматривать как свободные, продуктивные.

Однако как мы видим, степень этой свободы иная чем в *small house* и *small box*. Между степенью свободы и тем, какое значение (какой лексико-семантический вариант данной лексики) реализуется в данном сочетании, существует определенная зависимость: чем специфичнее значение, тем уже, тем более ограничена его сочетаемость, то есть свобода выбора следующего члена, или продуктивность в нашем смысле слова. Таким образом узкая сочетаемость обеспечивает регулярную воспроизводимость.

Рассмотрим еще один пример: прилагательное *delicate* вследствие своей многозначности встречается в следующих словосочетаниях: *delicate health* 'слабое здоровье', (*She is in very delicate health* 'у нее очень хрупкое, слабое здоровье'; *A man of delicate health* 'болезненный человек', см. также *She is too delicate to work* 'она слишком слаба здоровьем, чтобы работать'), *delicate child* 'хрупкий, болезненный ребенок', *delicate plant* 'нежное растение', *delicate china* 'хрупкий фарфор', *delicate skin* 'нежная кожа', *delicate food* 'тонкая, изысканная, легкая пища', *delicate touch* 'легкое прикосновение', *delicate upbringing* 'тонкое, утонченное воспитание', *delicate language* 'изысканная речь', *delicate instrument* 'чувствительный прибор', *delicate workmanship* 'искусная, изящная, тонкая работа', *delicate operation* 'сложная операция', *delicate flavour* 'тонкий запах, вкус' (*This wine has a delicate flavour* 'у этого вина тонкий букет'), *delicate sense of smell* 'тонкое обоняние, тонкий нюх', *delicate shade of green* (*pink* и т. д.) 'бледно (нежно) зеленый (розовый) оттенок'; *delicate subject* 'щекотливая тема' и т. д.

При изучении семантической структуры слова *delicate* создается впечатление, что кроме значения 'хрупкий', все остальные являются так сказать фразеологически связанными. В этих значениях слово *delicate* обладает весьма узкой сочетаемостью. В связи с этим возникает вопрос, не выделяются ли в отдельные значения употребления слов в определенных, ставших традиционными, сочетаниях и действительно ли дело здесь в так сказать исходной узкой сочетаемости, обуславливающей регулярную воспроизводимость. В рассмотренном примере особенно показательно в этом смысле традиционное словосочетание *delicate subject*. Вряд ли в семантической структуре слова *delicate* (как и в семантической структуре слова *small* см. *small hours*, *small talk*) имеется специальное значение, выступаю-

щее лишь в данном словосочетании. Скорее регулярная воспроизводимость, традиционность привели к тому, что *delicate* в этом смысле вошло в семантическую структуру слова. Именно поэтому традиционные словосочетания стоят как бы особняком, то есть выделяются из семантической структуры слова подобно фразеологическим единицам²⁵.

Выше уже говорилось, что традиционные словосочетания отличаются от фразеологических единиц отсутствием семантической цельности, идиоматичности. Укажем еще одну, характерную для традиционных словосочетаний, черту — возможность замены (субституции)²⁶ одного из компонентов (чаще второго), что, собственно говоря, и лишает их семантической неделимости.

Можно сказать, что во фразеологической единице слово функционирует не в своем обычном значении — оно приобретает содержание, обусловленное всем смыслом данного семантического целого, и поэтому не может замещаться каким-либо другим словом, с которым оно связано общностью номинации, когда выступает в свободном сочетании. Замены или перемещения в составе фразеологических единиц приводят к тому, что фразеологическая единица либо разрушается²⁷, либо то значение, которым данное слово обладает, будучи членом фразеологической единицы, и которое можно назвать потенциальным, «актуализируется», и происходит деформация фразеологической единицы²⁸.

В традиционных словосочетаниях слова функционируют в своих обычных значениях, поэтому такие сочетания как *a nice distinction*, *a delicate subject*, *a wistful look* и т. п. существуют наряду с сочетаниями *a subtle distinction* (и *a nice difference*), *a delicate topic*, *a delicate question*, *a delicate situation*, *a wistful eye* и т. п.; причем замещение здесь не приводит к изменению характера словосочетания или значения незамещенного его члена. В приведенных выше примерах мы сталкиваемся с двумя случаями: в *delicate subject*, *delicate topic* не изменились не только характер словосочетания (традиционное словосочетание) и значение незамещенного компонента 'щекотливый'), но также и смысл, вернее, предметно-логическое содержание всего словосочетания ('щекотливая тема'). В случае же с *delicate subject*, *delicate situation* при сохранении значения *delicate* смысл словосочетаний разный.

Таким образом, здесь намечается возможность дальнейшего, более детального разграничения типов традиционных словосочетаний.

§ 3. Субституция и синонимия

Поскольку непременным и основным условием субституции является сохранение значения у незамещенного компонента, то о субституции можно говорить в двух аспектах — как о таком замещении одного слова другим, при котором раскрывается способность незамещенного компонента сочетаться в данном значении с разными словами, принадлежащими к определенной лексической парадигме или парадигмам (например, *delicate, girl, boy, woman, etc.; health, constitution, etc.; plant, flower, etc.* или *delicate, subject, question, situation etc.*), и как о таком замещении, при котором сохраняется предметно-логическое содержание всего словосочетания (не меняется его номинация, его референтная отнесенность, например, *delicate subject — delicate topic*). И в том и в другом случае семантическая структура незамещаемого слова (точнее, его значение как элемента данного словосочетания) обнаруживается, с одной стороны, в результате объективного изучения контекстов его речевого употребления и определения его синтагматических связей, а с другой, в результате определения парадигматических связей исследуемого слова через парадигматические связи сочетающегося с ним слова.

Однако такое расширенное понимание термина субституция, в результате которого речь, по-видимому, должна идти о всех словах, сочетающихся с данным в том или другом его значении, по существу, подменяет собой синтагматику и представляется научно нецелесообразным. Поэтому в дальнейшем изложении термин субституция применяется для обозначения лишь второго из аспектов, то есть такого замещения как *delicate* $\left\{ \begin{array}{l} \text{subject} \\ \text{topic,} \end{array} \right.$ когда, как указывалось выше, сохраняется значение всего словосочетания в целом.

Поскольку субституция в этом смысле многими учеными считается одним из основных критериев при выделении синонимов²⁹, вопрос о субституции членов словосочетания, возникающий на синтагматическом уровне, теснейшим образом связан с проблемой парадигматических зависимостей слов и должен решаться на основе строгого и точного научного определения понятия синонимии и отграничения его от понятия лексический ряд.

Системное изучение лексики языка позволяет на основе обращения к экстралингвистической реальности, на основе

референтной общности, предметно-логических связей объединить близкие по своим вещественным значениям слова в лексические наборы, складывающиеся из лексических рядов. Могут ли все слова, составляющие один лексический ряд, считаться синонимами?

Согласно наиболее распространенному пониманию синонимии, синонимическими отношениями связаны близкие или совпадающие по значению слова, выражающие одно и то же понятие, но отличающиеся один от другого оттенками значений, стилистической (экспрессивной) окраской, принадлежностью к определенному стилистическому слою языка. Синонимы часто определяются также как слова, обозначающие одну и ту же вещь, но выделяющие различные ее аспекты, или как тождественные по общему значению слова, различающиеся его стенками и т. д.³⁰

В свете обсуждаемых в данном параграфе проблем, синонимы, обнаруживающие один из характернейших для лексического набора видов связи, определяются как те члены, одного ряда внутри лексического набора (таким образом постулируется их принадлежность к одному лексико-грамматическому классу слов и единство исходного понятия), которые подчиняются общим закономерностям лексической сочетаемости в данном языке и которые, если перейти от языка к речи, вследствие семантической близости могут быть правильно употреблены лишь при точном знании различающих их семантических оттенков и стилистических свойств (здесь решается вопрос об общности номинации и, следовательно, о возможности взаимозаменяемости)³¹. В этом — лингвистическом — определении учитываются как парадигматические, так и синтагматические свойства слов и указывается не только на принадлежность их к одному лексическому ряду, но и на общие закономерности их лексической сочетаемости.

Разница между этими определениями имеет принципиальное методологическое значение. Коль скоро мы признаем, что синонимия это лингвистическое явление³², то и определение синонимов должно базироваться на лингвистических категориях, отражающих существование языка в речи и через речь. Первое же из указанных определений, вследствие, прежде всего, неопределенности понятий «близость», «оттенок» значений слов, «аспект вещи» не может считаться собственно лингвистическим.

Во-первых, о близких по значению словах можно говорить лишь в тех случаях, когда речь идет о моносемантиче-

ских единицах; поскольку же основная, наиболее употребительная часть лексического состава языка состоит из полисемантических единиц, то близкими оказываются отдельные значения слов. В лексический ряд входят слова не во всем своем семантическом единстве, а лишь в том значении, которое оказывается семантически связанным с другими единицами, составляющими данный ряд и выступающими в нем в определенном значении. Так, например, слово *broad*, наряду со словами *wide*, *large*, *spacious*, *roomy*, входит (внутри лексического набора «размер») в лексический ряд, который, по основному исходному понятию, можно обозначить как «качество просторности». Вместе с тем, *broad* входит также в лексический ряд «широта», включающий слова *extensive*, *general*, *sweeping*, *expansive*, *wholesale*, *wide-spread*, *all-embracing*, *encyclopedic*, *catholic* и т.д.

Английские синонимические словари, которые также исходят из того, что синонимы это приближение к «основному» значению другого слова, причем такое, при котором сохраняется определенный оттенок его собственного «основного» значения, называют синонимами такие слова, как *delay*, *linger*, *loiter*, *tarry*, *stay*, *dawdle*, *dally*, *dilly-dally*, *lag*, *dwell*, *stop*, *procrastinate* и т. д., или: *funny*, *odd*, *fantastic*, *grotesque*, *humorous*, *facetious*, *comic*, *laughable*, *droll*, *ludicrous*, *amusing*, *farcical* и т. д., или *keen*, *bright*, *clever*, *shrewd*, *sharp*, *wily*, *cunning*, *sly*, *smart*, *intelligent*, *astute* и т. д.; или: *anxiety*, *distress*, *trouble*, *care*, *concern*, *concernment*, *uneasiness*, *suspense*, *solicitude*, *worry*, *apprehension*, *fear*, *misgiving*, *presentiment*, *foreboding* и т. д.³³ Такой расширенный принцип отбора заставляет рассматривать эти словари скорее как тематические, чем как синонимические. Действительно, например, последний из приведенных рядов является, по существу, лексическим рядом, который можно было бы назвать «беспокойство».

Во-вторых, «близкими по значению», выражающими одно общее понятие, являются однокоренные слова, как например, *a walk* и *to walk*, *book* и *bookish*, *sad* и *sadness*, *heavy* и *heavily* и т. п., входящие в разные лексико-грамматические классы, которые, именно вследствие этого, не могут рассматриваться как синонимы, если исходить из принятого нами определения (см. стр. 80.).

В-третьих, одну и ту же вещь, выделяя разные ее аспекты, можно обозначать разными словами, которые никак нельзя себе представить в качестве синонимов. В различных ситуациях об одном и том же референте, например,

кошке, можно сказать: *She keeps a cat. This is my pet. Why do you insist on keeping animals in the house? Oh, look at that sweet fluffy thing!* Можно ли, на основании этого, считать слова *cat, pet, animal* и словосочетание *fluffy thing* синонимами? Притом, что в конкретных ситуациях эти слова называют один и тот же предмет, нельзя ставить вопрос не только о синонимичности, но даже и об относительной близости их значений. Приведем еще несколько примеров: *Listen to the bit at the beginning about the history of the island... he says "it came into the possession of" the Romans, then "fell to the share of" the Venetians, then "was occupied by" the French, then "was under Turkish, then Russian sway" ... it "came under the protection of" the British* (L. Durrell); *"Everybody at the plant is being processed." "Processed?" "Checked. Questioned".* (Ph. Wylie); *"I have told the Inspector," said Miss Trapp. "He replies that you told him I went white and gave a startled exclamation." Louvaine had actually reported that La Trapp had gone mud-grey and let out a great squawk* (C. Brand). Как и в случае с кошкой, в приведенных примерах наблюдается только близость номинации, то есть в определенной речевой ситуации один и тот же референт называется разными словами³⁴.

В-четвертых, в живом речепотреблении «близкие по значению слова» могут не только выполнять свойственные синонимам функцию замещения, функцию уточнения или экспрессивно-стилистическую функцию, как, например, в следующих случаях: *"Fool," he said out loud. For he was that. His was the error. His the mistake. His was the blunder, boner, blooper, his the gaffe* (H. Longbaugh); *Effingham was of course, as he had hundreds of times since told himself, stripped, prepared, keyed up, attuned, conditioned. No space-man about to step into his rocket was more meticulously fitted to go into orbit than Effingham at that moment was ready to fall in love with Hannah* (I. Murdoch); *Nuts that think they know you, and nuts that think they love you, and nuts that think you done something to them — You'd be surprised what bugs and mental cases there are walking around loose* (C. Woolrich); *Another hour of that woman and I shall be daffy. Loco. Nuts* (J. Tey); *These papers are private and personal* (J. Creasey); *I want the dope, the low-down, the works, or whatever you used to call it in Chicago* (E. Ambler); *How do you define PERFECTION? Alpha-plus? 24-carat? Gilt-edged? Four star? A 1? Triple A? First class?* (*The Sunday Times*, July 20, 1958). Они могут также

оказаться антонимически противопоставленными друг другу. Например, *You couldn't call that eating, it was gobbling; It was not just fear, it was stark terror; Slowly the sharpness of the pain eased, and left only a dull ache behind* (N. Shute); *a dull steady ache but no pain worth mentioning* (A. MacLean); *I lifted my brows. Arson was a felony for which prison and not jail was the normal site of atonement* (R. Traver).

Бряд ли есть смысл продолжать подобные рассуждения. Совершенно очевидно, что «традиционное» определение синонимов, которое предполагает наличие некоей отдельной специфической подсистемы в системе лексики, лингвистически необоснованно. Такой подсистемы не существует. Синонимы обнаруживаются в пределах одного лексического ряда, поскольку о близости значений можно говорить лишь на основе принадлежности слов к одному такому ряду. Следовательно, понятие синонимии приобретает смысл, когда возникает вопрос о методах сопоставительного изучения наиболее близких друг другу членов одного лексического ряда³⁵. Однако определение близости значений только на эмическом уровне, когда слово рассматривается парадигматически — как структурная единица языка — не является, как мы видели, достаточным. Слово реально функционирует в речи, и в реальном речевом общении — синтагматически — оно выступает каждый раз в одном из своих семантических вариантов, в одной из своих аллоформ. Следовательно, синонимия должна определяться с учетом одновременно и эмического и алло-эмического уровней, то есть парадигматически и синтагматически³⁶. Рассуждения о синонимии в абстрактно-семасиологическом плане без изучения реальной парадигматики и синтагматики слов лишены какой-либо лингвистической ценности и останутся бесплодными.

Обратимся для иллюстрации к указанному выше ряду «беспокойство». Слово *anxiety* регулярно воспроизводится во фразе *there is no ground for anxiety*. Например, *There is no rational ground for anxiety; I have every ground for anxiety; What grounds for anxiety are there?* и т. п. То обстоятельство, что законы сочетаемости в английском языке допускают это сочетание (наряду с сочетаниями типа *there is no ground for complaint; there is no ground for suspicion; there is no ground for supposing that ...; there is no ground for refusing; to have (to find) legal (justifiable, sound, moral) grounds to do smth (for smth); to have no grounds to appeal; personal grounds to act; to act on moral*

grounds; to do this on the ground of trumped-up charges; to excuse her on the ground of illness и т. д.), как будто бы позволяет заключить, что слово *ground* имеет среди своих значений не только 'земля', (*to dig the ground, to till the ground, to sprawl on the ground, to drop to the ground* и т. д.), 'почва' (*soft, hard, fertile, rich, dry ground, the ground was very rocky* и т. п.), 'территория' (*British ground, enemy ground, home ground* и т. п.) 'площадка' (*pleasure ground, landing ground, football ground* и т. п.), но также и 'причина, основание'³⁷.

Если исходить из того, что перечисленные в ряде «беспокойство» слова являются синонимами, а субституцию принять за метод определения синонимии, то они должны были бы подставляться в приведенную фразу, не мешая реализации словом *ground* данного значения и не нарушая смысла всего высказывания. Однако это не так. Английский язык не допускает таких, например, сочетаний как *there is no ground for care*, или *there is no ground for trouble* или *there is no ground for worry*, или *there is no ground for foreboding*³⁸.

На том основании, что не все из указанных слов могут употребляться в одном контексте, причем в контексте типизированном, можно сделать вывод, что эти слова не являются синонимами, что они не только объединены общими семантическими признаками, но и противопоставлены по другим семантическим признакам, которые лишают их возможности быть взаимозаменяемыми. Это относится, однако, только к данному словосочетанию и не означает, что они вообще не могут взаимно замещаться. Поскольку члены одного лексического ряда отличаются друг от друга отдельными элементами значения, то в определенных ситуациях живого речепотребления элементы, по которым они семантически противопоставляются, перестают быть существенными, например, *anxiety* и *care* оказываются взаимозаменяемыми. (См. иллюстрации к соответствующим значениям этих слов в словаре Хорнби: *All these anxieties made him look pale and tired; Care had made him look ten years older; Ср. He was showing signs of worry*). С другой стороны, при реализации соответствующего значения в таких речевых произведениях как *He was rich and free from cares of every kind* или *He was poor and troubled by the cares of a large family* субституция *anxiety* ↔ *care* опять не представляется возможной. Здесь субститутотом к *care* является, по-видимому, *worry*: *Life is full of cares. Life is full of worries*.

На том же основании, то есть исходя из возможностей

субституции, следовало бы сделать вывод, что *anxiety, fear, apprehension* являются синонимами (*There is no ground for anxiety. There is no ground for fear. There is no ground for apprehension*). Они являются взаимозаменяемыми также и в высказываниях типа *He was filled with anxiety (fear, apprehension), We waited with anxiety (fear, apprehension) for the doctor to come, Grave fears are (apprehension, anxiety) felt for the safety of the missing airman* и т. п.. Однако возможны такие случаи, где эти слова не только не взаимозаменяемы, но и выступают как противопоставленные друг другу; например, *Gradually his anxiety turned into fear* или *He felt that there was ample ground not only for anxiety but also for grave apprehension*.

Приведенные примеры показывают, что парадигматически обусловленные отношения слов по-разному проявляются в речи. В разных случаях употребления на передний план выступают те семантические признаки слов, которые оказываются наиболее существенными именно для данного его употребления.

Из изложенного выше можно сделать два вывода: с одной стороны, возможность замещения одного слова другим, являющаяся одним из аспектов изучения синтагматических связей слова, определяется не только степенью совпадения их парадигматических характеристик, но также и правилами сочетаемости для данного языка. С другой — о синонимии можно говорить в тех конкретных случаях, когда имеется высокая степень совпадения парадигматических характеристик двух или более слов, хотя в семантических и стилистических оттенках их значений существуют весьма тонкие различия, которые лежат в основе законов лексической сочетаемости в данном языке и обуславливают возможность или невозможность субституции в определенном контексте, в определенном словосочетании.

Примером, иллюстрирующим эти выводы, могут служить слова *broad* и *wide*, образующие большое количество атрибутивных словосочетаний, как свободных, так и традиционных. *Broad* и *wide* входят в лексический ряд, который можно назвать «большой размер в ширину» (лексический набор «размер») и который включает также *large, extensive, roomy, vast* и др. Однако именно *broad* и *wide* являются в этом ряду настолько близкими по значению словами, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков³⁹.

Речь идет не о тех традиционных словосочетаниях, в которых выступает либо одно, либо другое из этих слов (например, *wide range*, *wide influence*, *wide distribution*, (*at*) *wide intervals*, но *broad daylight*, *broad hint*, *broad outline*, *broad accent*) или в которых одно предпочитается другому, хотя оба возможны (например *wide gap*, *wide gulf*, хотя возможны и *broad gap*, *broad gulf*; *broad expanse*, *broad acres*, хотя возможны и *wide expanse*, *wide acres*) — в этих случаях сочетаемость наиболее устойчива — а о тех словосочетаниях, в которых эти прилагательные, казалось бы, употребляются безразлично.

Так например, оба прилагательных встречаются в сочетании: 1) с существительными ряда «дорога»: *broad road* (*a broad road ran between* — K. Mansfield) и *wide road* (*You went into the woods on the wide clay and shale road* — E. Hemingway); *broad street* (*He walked along the broad streets* — Sh. Mead) и *wide street* (*The wide streets of the old post at Fort Myer*. — F. Knebel, C. W. Bailey); *broad pavement* (*The broad pavement in front shone pale also* — Ch. Brontë) и *wide pavement* (*Claire jumped down to the wide pavement and twirled round* — Ph. Callow) и т. п.;

2) с существительными, обозначающими предметы, длина которых значительно больше ширины (*belt*, *ribbon* и т. п.): *broad belt* (*He stuck his thumbs in his broad belt* — J. Lindsay) и *wide belt* (*a long wide belt*; *wide red cummerbund*) и т. п.;

3) с существительными ряда «части человеческого тела»: *broad shoulders* (*Her broad shoulders in a very nice and becoming dress* — D. H. Lawrence) и *wide shoulders* (*He was extremely large, both stout and tall with very wide shoulders* — I. Murdoch; *When he first thought about him it was always the eyes. The big frame, the quick movements, the wide shoulders* — E. Hemingway; *His height and wide shoulders gave an impression of strength* — R. Lardner, Jr.); *broad chest* (*Rolfe, a stubbled fellow with a broad hairy chest* — J. Lindsay) и *wide chest* (*Over against the piano a man of bulk and stature was wearing two waistcoats on his wide chest* — J. Galsworthy); *broad hips* (*She had a fine bust and broad hips*, — C. Cookson) и *wide hips* (*She stood back with her hands on her wide hips* — J. Lindsay)

4) с существительными ряда «части человеческого лица»: *broad forehead* (*Trying to arrange her hair so it would hide her broad forehead* — H. A. Lindsay) и *wide forehead* (*He had a wide forehead* — A. la Guma) и т. п.;

5) с единицами измерения: *ten feet broad, ten feet wide* и т. д.⁴⁰.

Как же следует понимать приведенный выше материал? Действительно ли говорящему (и воспринимающему речь) безразлично, какое из прилагательных использовано в каждом конкретном случае? На этот вопрос безусловно положительный ответ можно дать только в отношении последнего из примеров. Что же касается всех остальных, то здесь на парадигматическую близость рассматриваемых прилагательных накладывается различие семантических оттенков.

Прилагательное *broad*, означая, как и прилагательное *wide*, большой размер в поперечнике, отличается от него тем, что имеет семантический оттенок «просторность» в отличие от «расстояние между границами» — семантического оттенка, специфического для прилагательного *wide*⁴¹. Поэтому словосочетание *broad river* (*A broad river curled away under the moon* — M. Stewart; ср. *The river grows wider as it nears the sea* — Hornby), например, подразумевает большое водное пространство, а *wide river* (*On my left was a wide river* — Hornby. Oxford Progressive English for Adult Learners, book 3) — ширину реки, расстояние между берегами⁴². Ср. *broad stretch* (*They came to a broad, shallow stretch of water with a sandy bottom* — H. A. Lindsay) и *wide stretch* (*From the wall they could see the wide stretch of the oval harbour* — E. Ambler; *Hyde Park Corner ... with its old spreading trees, its wide stretches of carefully mown grass* — London in Fiction; а также *She nodded towards a wide strip of hill-crest where all the native trees had been pulled down* — H. A. Lindsay); или *broad steps* (*He trotted up the broad steps to the river entrance* — F. Knebel, C. W. Bailey) и *wide steps* (*He came out on the wide sandstone steps* (J. G. Cozzens); или *broad staircase/stairs* (*He ran out into the hall and up the broad staircase* — A. Christie; *The superintendant led the way up the broad stairs* — там же) и *wide stairs* (*He mounted a short flight of wide stairs* — R. Smith).

Поэтому с существительными *lane, walk* и т. п., означающими более узкую 'полосу земли, предназначенную для передвижения', чем *road, highway, avenue, street* сочетается *wide*, а не *broad*: *The house opposite stood on one side of a wide cobbled lane which gave on to Queen Anne Street* (I. Murdoch); *In the wide walk between the pines, gazing rather frightened, she could distinguish nothing* (D. H. Lawrence); *To reach the Transept gardens, however, meant crossing the wide gravel*

walk (I. Murdoch); ср. с *The broad dual highway stretched ahead* (Ph. Callow); *Through the park stretched a beautiful broad avenue laid out by Henry VII* (S. Leacock); *a broad boulevard along the waterfront* (U. Sinclair).

Поэтому существительные *back, shoulders, chest, forehead, face* чаще сочетаются с *broad*, а словосочетания *wide shoulders, wide forehead* и т. п. специально обращают внимание на присущий *wide* семантический оттенок общего значения ширины. С другой стороны, существительные *mouth, nostrils* чаще сочетаются с *wide* (ср. также *sleeves, trousers* и т. д.).

В том же случае, когда пользующийся языком не имеет в виду подчеркнуть тот или другой оттенок, он либо употребляет наиболее привычное для данного сочетания прилагательное (*broad shoulders, broad brow, broad blade, wide opening, wide door* и т. п.), либо — это касается, главным образом, существительных типа *road* — любое из них⁴³.

Различие в семантических оттенках этих прилагательных проявляется и в традиционных словосочетаниях, когда, казалось бы, мы имеем просто субституцию (в данном случае — первого члена). Например, *broad distinction (broad difference* — возможная субституция второго члена) — это такая разница, которая устанавливается без особого труда, а *wide distinction (wide difference)* подразумевает большую разницу, указывает на значительную несхожесть чего-нибудь. Или: *broad generalization* — такое обобщение, которое не учитывает незначительные (или немногочисленные) исключения; *wide generalization* — обобщение, охватывающее многочисленные частные явления. Ср. *a man of broad views* (Hornby) и *take wide views* (COD).

Исследование сочетаемости прилагательных *broad* и *wide* еще раз подтверждает, что синонимы — это слова, обладающие высокой степенью парадигматической близости и общими закономерностями лексической сочетаемости. Следовательно, для правильного употребления этих слов в речи требуется очень четкое знание различных их оттенков.

§ 4. Синтаксическая сочетаемость

Исследуя примеры, иллюстрирующие реализацию различных значений слов, обсуждая необходимость установления характера связи между словами в словосочетании, рассматривая проблему синонимичности и синонимов, мы до сих пор, по существу ставили вопрос лишь о л е к с и -

ч е с к о й (точнее, лексико-фразеологической) сочетаемости слов⁴⁴, о проявлениях их лексической валентности, о синтагматических (линейных) связях, обусловленных их индивидуальной семантикой. Такая лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость называется коллокацией. Однако синтагматическое функционирование слова не исчерпывается коллокацией. Это лишь одна его сторона.

При анализе синтагматических связей нельзя не учитывать того, что каждое слово, кроме конкретного значения, более или менее непосредственно отражающего явления реальной действительности, характеризуется самыми общими семантическими особенностями, некоторым общим категориальным значением, сопровождающим его конкретное лексическое значение. Иначе говоря, каждое слово принадлежит к определенному лексико-грамматическому, или грамматико-семантическому классу, что и определяет возможности его синтаксического функционирования. Поэтому контекст, обнаруживающий сочетаемость слова, подчиняется не только семантическим системным отношениям, но также и синтаксическим нормам, существующим в языке. С и н т а к с и ч е с к и (точнее, морфосинтаксически⁴⁵) обусловленная сочетаемость слов, реализующая их различные значения, называется коллигацией. Таким образом, можно сказать, что словосочетание обладает своего рода двуплановостью, при которой коллокация, определяемая индивидуальным значением слова, проявляется в рамках свойственной данному языку коллигации. Коллигация представляет собой нечто общее — абстракцию, отвлечение от конкретных слов, а коллокация — нечто частное, наполняющее ту или другую формулу конкретным содержанием. Между этими двумя аспектами синтагматики слова существует диалектическое единство⁴⁶.

С точки зрения морфосинтаксической сочетаемости слово в речи является членом определенной структуры, построенной по синтаксическим правилам данного языка. Для каждого класса слов характерны свои типы такой сочетаемости; например, существительное сочетается с прилагательным, выступающим в качестве его определения (прилагательное+существительное), с глаголом, объектом действия которого оно является (глагол+существительное) и т. д.

Типы морфосинтаксической сочетаемости удобно показать в виде дистрибутивных моделей, элементы которых представляют собой классы слов⁴⁷. Таким образом термин «модель» употребляется здесь для обозначения закономер-

ного расположения элементов сочетания, определяемого свойствами данной языковой структуры и регулярно воспроизводимого в речи.

Проиллюстрируем это на примере английского глагола. При изучении глагольной коллигации можно наметить следующие, ориентированные на данный глагол основные модели с правосторонними связями, в рамках которых реализуются значения отдельных глаголов⁴⁸:

1) $V+N^{49}$, например, *read a book, make a speech, get a doctor, serve dinner, describe a person, meet a friend, bribe the guard, love the child* и т. д. В живой речи эта основная или, по терминологии структурной лингвистики, ядерная модель может как бы обрастать дополнительными членами, варьироваться за счет включения элементов, которые, входя в состав сочетания, не меняют значения самого глагола⁵⁰; например, *read an English book, make a long speech* и т. п., где вместо N появляется основная модель сочетаемости существительного $A+N$, и наша модель приобретает вид $V[+A]+N^{51}$, или: *get him a doctor*, то есть $V[+N^1]+N$; *get a doctor for him, bribe the man to silence*, то есть $V+N[+prep+N^1]$; *serve dinner hot*, то есть $V+N[+A]$; *serve dinner quickly, meet a friend in the street, see her by chance, love her husband passionately, describe the man as a doctor* и т. п., где основная модель разворачивается за счет наречий и наречных оборотов, выступающих в качестве обстоятельства места, времени, образа действия⁵², то есть имеет своим вариантом $V+N[+D]$; *bribe the man into helping her*, то есть $V+N[+prep+V\ ing]$; *help John carry the trunk, ask her brother to come immediately*, то есть $V+N[+V^{+}+N^1/D]$ и т. п.⁵³.

2) $V+prep+N^{54}$, например, *meet with difficulties, answer for one's actions, hold by one's decision, bend to necessity, depend on the weather, rely on his help, laugh at the sight, look at the girl, argue about the matter* и т. п. Здесь также живая речь позволяет наметить типичные развернутые варианты, как, например, *meet with a hearty welcome* (включается A), *stand fast by one's decision* (включается D) и т. п..

Поскольку определение моделей сочетаемости глагола является результатом исследования живого речепотребления, необходимо выделить модель 3) $V+O/[+D]$, например, *the moon rose, the lesson began, the cup broke, the city fell* и т. п., являющейся по существу не моделью словосочетания, а моделью предложения. Однако для того, чтобы

учесть все возможности функционирования глагола в речи, эта модель тоже должна быть рассмотрена. Своеобразие этой модели заключается в том, что в ней отсутствует второй член (**D** является факультативным: *the lesson began* и *the lesson began at three o'clock*, *the cup broke* и *the cup broke in half*. В реализации данного значения **D** необязательно, оно не играет роли). Иными словами анализируемый глагол не имеет обязательного следующего элемента и выступает в этом смысле как бы в абсолютной позиции. Он связан с предыдущим членом высказывания и мог бы рассматриваться как элемент именной синтаксической модели **N+V**, однако отсутствие второго элемента сочетания несет определенную функциональную и семантическую нагрузку, является «значащим». Ср. *He reads* и *He reads only novels*, *She sees* и *She sees him every day*, *The pin dropped* и *She dropped the pin*, *I fell* и *The crowd fell upon him* и т. п.⁵⁵

Выше мы перечислили типы морфосинтаксической глагольной сочетаемости, обладающие наибольшей частотностью в том смысле, что они типичны для большинства глаголов. Имеется, однако, целый ряд моделей, характерных лишь для определенных групп или отдельных глаголов.

Это — 4) **V+D**, например, *get home*, *get across the river*, *serve on a committee* и т. п.;

5) **V+N+D**, например, *take smb home*, *show smb in*, *see smb upstairs*, *help smb out* и т. п.;

6) **V+A**, например, *grow big*, *turn pale*, *get dirty*, *become weary*, *look tired* и т. п.;

7) **V+N+A**, например, *get dinner ready*, *make her beautiful* и т. п.;

8) **V+N+N¹**, например: *elect him Chairman*, *make Mr. Smith President*, *make Molly their queen*, *name their son Henry* и т. п.;

9) **V+N+V⁼**, например, *make her work*, *help him finish*, *expect the pupils to behave*, *tell her to open the window*, *get the boys to clean the place* и т. п.;

10) **V+N+Ving**, например, *set them thinking*, *leave her guessing*, *smell the meat burning*, *keep them waiting*, *find him working* и т. п.;

11) **V+N+Ven**, например, *get the piano tuned*, *get the work done*, *have one's hair cut*, *make his wife respected* и т. п.;

12) **V+Ven** (другого глагола), например, *become flustered*, *get confused* и т. п.;

13) **link+Ven** (рассматриваемого глагола), например, *feel hurt*, *be arrested*, *get damaged* и т. п. с вариантами *be*

(feel) concerned about the matter, become interested in his work и т. п. (т. е. включение **prep+N**), be interested in doing the job, feel concerned about her going there и т. д. (т. е. включение **prep+Ving[+N/D]**) и т. д.

14) **link+N+Ven** (рассматриваемого глагола), например, *get the goods damaged, get the thief arrested* и т. п.,

15) **V+V** (другого глагола), например, *come to love, want to go, learn to respect* и т. п. с вариантами *wonder how to do it, know what to do, understand where to go* и т. п. (т. е.

V+how, when, where и т. п.+**V**); *(I won't) care for my sister to go there* (то есть **V+prep+N+V**);

16) **V+Ving** (другого глагола), например, *avoid thinking, like swimming, escape meeting him, stop talking, start running* и т. п.;

17) **V+prep+Ving**, например, *get to talking, think of doing it, rely on his coming* и т. п.;

18) **V+N+prep+N¹**, например, *provide them with food, divide animals into species, charge him with murder, charge the goods to me, break a word into syllables* и т. п.;

19) **V+N+prep+Ving+N¹**, например, *accuse her of violating the law, blame the boy for breaking the window, charge him with neglecting his duty* и т. п.;

20) **V+it+A / N**, например, *find it difficult, consider it important, hold it one's duty* и т. п.;

21) **it+V+V**, например, *it goes to show, it serves to prove* и т. п.;

22) **it+be+Ven**, например, *it is believed, it was reported, it is rumoured* и т. п.;

В развернутом виде в последние две модели включается **S** (*it goes to show that ..., it is believed that...*).

Глаголы группы *seem, appear* тоже регулярно встречаются в модели с **S**:

23) **it+V+S**, например, *it appears that..., it seems that ...; it looks as if ...* и т. п. Можно также выделить и отдельную общую модель;

24) **V+S**, например, *believe that ..., know where the man is, wonder if the fruit is eatable, say that he is busy* и т. п.

Для отдельных глаголов характерны такие модели сочетаемости как

25) **V+as+N**, например, *serve as a table, work as a teacher* и т. п.;

26) **V+oneself+D/A/prep N**, например, *cry oneself*

hoarse, cry oneself to sleep, cry oneself blue in the face и т.п.;

Для глагола *feel* типична модель

27) **V+like+Ving** широко употребляемая в разговорном стиле речи, например, *feel like walking, feel like swimming, feel like talking, feel like having a walk, feel like going there* и т.д., вариантом которой является эллиптическая модель **V+like+N**, например, *feel like [taking] a walk, feel like [having] a cup of tea* и т.п.

Представленный список моделей является попыткой проследить, каким образом глагол вообще может сочетаться с другими словами на синтагматическом уровне. Что касается конкретных глаголов, то, как уже говорилось, для определенных групп или отдельных глаголов существуют свои наборы моделей; причем соотношение между коллокацией и коллигацией здесь таково, что одно значение данного глагола может быть реализовано в разных моделях и вместе с тем, разные его значения могут реализоваться в одной модели.

Так, например, глагол *declare*, согласно Оксфордскому словарю, имеет четыре значения⁵⁶. Он факультативно сочетается с большим количеством наречий (*openly, publicly, officially, repeatedly, unanimously, positively, emphatically, solemnly* и т.п.) и регулярно выступает в следующих моделях сочетаемости:

V+N, например, *declare war, declare peace, declare a strike, declare the result, declare the score, declare dividends* (первое значение⁵⁷); *declare tobacco, declare wines, declare precious stones, declare money* (третье значение); *declare trumps, declare spades* (четвертое значение);

V+N+N¹, например, *declare him an invalid, declare him a deserter, declare him a lunatic, declare her a witch, declare Richard king, declare oneself a doctor* и т.п. (второе значение);

V+N+A, например, *declare the conditions ideal, declare her work satisfactory, declare the room suitable, declare smb/oneself guilty, declare smb/oneself innocent, declare the meeting open* и т.п. (второе значение);

V+N+Ven, например, *declare the work completed, declare the conference closed, declare oneself satisfied, declare oneself displeased (with the results), declare oneself defeated* (второе значение);

V+oneself, V+oneself+prep N, например, *(he didn't want to) declare himself (until he knew all the particulars), (an illness will) declare itself, declare oneself against war,*

declare oneself against his nomination, declare oneself in favour of his proposal и т.п. (второе значение);

V+S, например, (*The prisoner*) *declared that he was innocent* и т.п. (второе значение).

Таким образом первое, третье и четвертое значения реализуются при сочетании по модели V+N, в то время как второе значение реализуется в шести различных моделях сочетаемости⁵⁸.

Рассмотрим еще один пример: глагол *drop* в модели V+O/[+D] реализует не только значение 'fall' 'падать, упасть, свалиться, выпасть, опасть' (например, *a pencil dropped [from the table], he dropped [to the ground], he dropped [as if he had been shot], the letter dropped [out of my pocket], blossoms are dropping [to the ground, on the grass]*; ср. несвободное сочетание *his jaw dropped*), но также и значение 'become less or smaller, weaker' 'понижаться, уменьшаться, ослабевать' (например, *prices dropped, the temperature is dropping, the wind has dropped, her voice drops [when she speaks of him]*; и значение 'end, cease' 'прекращаться' (например, *our correspondence dropped*).

В модели V+N реализуются значения 'let fall' 'ронять, уронить' (например, *he dropped the cup*), 'бросать' (например, *he dropped the letter [into the wastepaper basket]* и *he dropped the letter [into a pillar-box]*; см. также в разной степени несвободные словосочетания *to drop a curtsy* 'сделать реверанс', *to drop anchor* 'бросать якорь', *to drop a hint* 'намекнуть', *to drop a stitch* 'спустить петлю' и т.д.); и значение 'give up' 'бросать, отказываться' (например, *to drop a hobby, to drop one's studies, to drop the idea of doing smth* и т.д.); и значение 'stop' 'прекращать' (например, *to drop an argument, let's drop the subject, drop it/that!* и т.д.); и значение 'leave out, omit' 'пропускать, опускать' (например, *to drop a letter* 'пропустить букву', *to drop a syllable* 'пропустить слог' и т.п.); и значение 'send' 'написать, черкнуть' (например, *to drop a line, to drop [smb] a card*) и т.д.

С другой стороны, значение 'бросать, отказываться', например, обычно реализуется также и в модели V+ Ving (например, *to drop smoking*); значение 'падать' — в модели V+D (например, *to drop on one's knees*), в которой, в зависимости от D или от предшествующего N, *drop* может переводиться как 'опускаться' (*Hills dropped sharply down into the water, The sides of a crater drop almost perpendicularly*), как 'садиться' (*The sun dropped behind the hill-top*),

как 'спускаться, идти вниз' (*The boat dropped down the river*) и т.д.⁵⁹ Причем дело здесь, конечно, не в переводе, а в оттенках значения слова.

Таким же образом глагол *turn* в модели **V+prep+N** обнаруживает разные значения (см., например, *The whole argument turned on that fact*, *The bull turned on the matador*, *The visitor turned on his heels*), в то время как одно его значение — 'вращать(ся), вертеть(ся), поворачивать(ся)' — реализуется в моделях **V+N** (*turn the wheels*, *turn one's head*, *turn the tap*), **V+O/[+D]** (*Shall we turn?* *The wheels are turning [slowly]*), **V+D** (*turn to the right*, *turn round*), **V+N+D** (*turn one's steps home*), **V+N+prep+N** (*turn one's thoughts to smth*) и т.п. И здесь, как мы видим, не существует одно-однозначного соответствия между значениями и моделями сочетаемости.

Из сказанного следует, что модель синтаксической сочетаемости («синтаксический контекст», по определению Н. Н. Амосовой) сама по себе не может, за редкими исключениями⁶⁰, служить основанием для определения конкретного значения слова, хотя она, при противопоставлении одной модели другой, указывает как бы сферу значения. При определении конкретного значения важно учитывать диалектику синтаксического и лексического⁶¹.

§ 5. Слово в контексте

Исследование слова как синтагматической единицы связано не только с понятием «сочетаемость» и «словосочетание», которым были посвящены предыдущие параграфы, но также и с более широким понятием «контекст».

То обстоятельство, что до последнего времени многие работы по лексикологии при иллюстрации излагаемых положений ограничивались сравнительно небольшим количеством специально подобранных примеров, приводило к тому, что язык, несмотря на признание основной дихотомии — язык-речь, оказывался как бы оторванным от речи. Лексицентрическая семасиология, постулирующая правомерность изучения слов и их эквивалентов, как некоторых инвариантных языковых сущностей, поддающихся изучению и описанию независимо от того или другого конкретного их воплощения в тех или иных речевых произведениях (парадигматика), исходит из того, что язык существует в речи. Поэтому синтагматическое исследование предполагает не изучение отдельных примеров, а тщательный анализ

реальных речевых произведений, учитывающий целый ряд факторов, аспектов, параметров без проникновения в сущность которых изучение синтагматических особенностей слова не дает научно достоверных результатов. Именно с этой точки зрения проблема контекста приобретает перво-степенное значение.

Термины «словосочетание» и «контекст» часто употребляются как равнозначные. В какой-то мере это закономерно, поскольку словосочетание — наиболее узкий, ограниченный, так сказать «ближайший», контекст данного слова. С другой стороны, в широком понимании контекст это не только непосредственное вербальное окружение данной языковой единицы, но также и условия, особенности ее употребления в речи, связанные с различными историческими, культурными, социальными, ситуативными и другими факторами. И хотя языкознание, по определению, ограничивается рассмотрением языковых фактов, последние не могут быть поняты достаточно глубоко и полно без учета экстралингвистических моментов, без учета всех аспектов контекста в указанном смысле.

Мы не имеем возможности подробно останавливаться здесь на всех видах контекстов⁶²; перед нами стоит частная задача определения зависимости семантики слова от его словесного окружения. Однако приводимый нами иллюстративный материал дается с учетом всех его контекстных импликаций⁶³.

Предположим нам предстоит определить, какое из своих значений реализует слово *nice* в том или ином речевом произведении⁶⁴ (причем мы исходим из того, что система его значений нам известна).

В некоторых случаях словосочетание, в котором *nice* выступает в качестве одного из компонентов, оказывается достаточным для наших целей. Определение значения *nice* в словосочетаниях *a nice question*, *a nice point*, *a nice observer* и т.п., то есть в традиционных сочетаниях, реализующих данное специфическое его значение, естественно, не вызывает затруднений. Однако при исследовании свободных связей *nice* словосочетание не может служить достаточным контекстом. Например, словосочетание *a nice man* может, как мы понимаем, означать и 'приятный человек', и 'человек с изысканными манерами', и 'тактичный человек', и 'привередливый человек' и 'щепетильный человек'.

Контекст законченного предложения также не всегда

оказывается достаточным, например, в случае *He is a nice man* необходимо знание более широкого контекста.

Таким же образом узкий лексический контекст не поможет нам определить значение *nice* в сочетании *a (damned) nice thing*; вернее, исходя из значений *nice* в современном английском языке, мы вправе решить, что здесь реализуется значение положительной оценки, как например, в *She is such a nice thing*; *Nice thing he was there when it happened*; *It's a damned nice thing you came in time*.

Однако в *It has been a damned serious business — Blücher and I have lost 30,000 men. It has been a damned nice thing — the nearest run thing you ever saw in your life* (Duke of Wellington. On being asked whether he calculated upon any desertion in Buonaparte's Army. Creevey Papers) *nice* имеет значение 'трудный, доставшийся с трудом'⁶⁵. Следовательно, для определения значения *nice* здесь требуется знание не только непосредственного лексического окружения, а более широкого контекста, раскрывающего ситуацию, в которой реализуется данное сочетание, с одной стороны, и того, что называется тематическим контекстом — контекстом всего произведения⁶⁶, с другой.

Кроме того, исследуя контексты слова *nice*, мы не должны забывать о том, что семантическая система этого слова в ходе развития языка претерпела значительные изменения и одним из первых шагов, поэтому, должно явиться установление, так сказать, временной прикрепленности данного произведения речи. Так например, *she was nice* не означает 'она была милой, славной' и т.п. в строчках из стихотворения Роберта Грина — *The swain did woo, she was nice, / Following fashion nayed him twice*, — поскольку это стихотворение написано в XVI веке, когда основным значением *nice* было 'refined'. В *Can sick men play so nicely with their names?* (Shakespeare) слово *nicely* означает 'хитро, искусно'⁶⁷. Значение *nice* в *Too nice for a statesman* у Оливера Голдсмита (1728—1774), по-видимому, соответствует 'scrupulous, strict, particular in matters of conduct'⁶⁸. Ср. *A nice unparticular man* у Томаса Харди, где уточнение *unparticular* указывает на то, что реализующемуся в предыдущем примере значению противопоставляется значение положительной оценки, которое является наиболее употребительным значением *nice* в свободном словосочетании в современном английском языке. Например, *Nice while it lasted, and now it is over* (R. Kipling); '*Nice,*' said the small 'stute Fish. '*Nice but nubby!*' (R. Kipling); *The English*

people on the whole are surely the nicest people in the world. (D. H. Lawrence); *If all the good people were clever, / And all clever people were good, / The world would be nicer than ever / We thought that it possibly could* (Elizabeth Wordsworth); *O! it's nice to get up in the mornin' / But it's nicer to lie in bed* (Sir Harry Lauder); *But it's nicer, much nicer in Nice* (Sandy Wilson) и т.п.⁶⁹.

Поскольку каждый данный акт речи всегда осуществляется в конкретной ситуации, при определении значения слова в речи, его оттенков в каждом отдельном случае не следует забывать также и о целевой направленности высказывания, его содержания-намерении (purport)⁷⁰. В таких контекстах как *You've got us into a nice mess!* (Hornby); *A nice wife you are!* (M. Laurence); *You've promised me a walk in the woods, if the weather was nice! — Nice weather indeed* (M. Erskine) *nice* употребляется иронически (с определенной специфической просодией) и, как даже указывает словарь Хорнби, приобретает значение 'bad, difficult; unsatisfactory'.

Итак, мы установили, что контекст — термин более широкого охвата, чем просто словосочетание. Обратимся теперь к непосредственному словесному (вербальному) контексту, к лексическому контексту в собственном смысле слова. Мы уже видели, что особенно существенным понятие контекста оказывается тогда, когда исследуются связи слова в его свободных сочетаниях — поскольку в случаях фразеологических или традиционных словосочетаний, мы имеем дело с постоянным словесным контекстом; ведь именно постоянный узкий лексический контекст и характеризует эти словосочетания. Например, слова *point*, *distinction* и т.п. в сочетании с определяющим их прилагательным *nice* регулярно обуславливают одно, совершенно определенное его значение. То же относится к такому сочетанию, как *the social ladder*. *Ladder* — конкретное слово, значение которого нам известно без всякого контекста, но в сочетании с *social* оно неизменно означает 'a succession of social hierarchies'. Приведем еще примеры: *to knit* и *to knit one's brows*, *to grind* и *to grind one's teeth*, *to meet* и *to meet smb's requirements*, *to dash off* и *to dash off a letter*, *to sit* и *to sit in judgement*, *study* и *brown study*, *salt* и *old salt*, *letter* и *letter of the law* и т.п.⁷¹

Свободные же связи слова потому и называются свободными, что они не подразумевают постоянного узкого лексического окружения. При реализации свободных связей

непосредственный контекст слова является переменным, и поэтому в некоторых случаях возникают трудности в определении значения исследуемого слова. Действительно, что значит слово *ground* в сочетаниях *velvety ground*, *soft ground*, *green ground*, *black ground* и т.п.? И имеем ли мы здесь одно значение этого слова или разные значения? Определения *velvety*, *soft*, *green*, *black*, представляя собой переменный непосредственный контекст для слова *ground*, не идентифицирует его значения, и на поставленные вопросы нельзя ответить, если неизвестен более широкий контекст. Только благодаря развернутому контексту мы можем определить значение *ground* в следующих примерах: *She lay on her back on the soft ground and looked up at the sun filtering through the leaves of the old lime* и *A design of pink roses on the soft ground of light blue*.

§ 6. Значение слова и дистрибуция

В семасиологических работах последних лет все чаще наблюдаются попытки перенести тщательно разработанную Пражской школой методику фонологического исследования в область лексики. В частности, в главе 1 мы исходили из того, получившего наиболее убедительную трактовку в области фонологии, методологического положения, согласно которому системное отношение языковых элементов основано на оппозициях⁷².

Казалось бы, что трудности, возникающие при семасиологическом исследовании на синтагматическом уровне, могут быть, хотя бы частично, разрешены, если и здесь применить методы, заимствованные из фонологии, то есть рассматривать проблему несвободных и свободных связей слова, проблему постоянного и переменного контекста как проблемы дистрибуции, связанные, в первую очередь, с систематическим поиском взаимоотнопроставленных «смыслов» одного и того же слова, обнаруживаемых через его окружение (контекст).

В фонологии существует два четко разграниченных понятия: дополнительная дистрибуция (*complementary distribution*) и контрастирующая дистрибуция (*contrastive distribution*).

Дополнительная дистрибуция это взаимное отношение двух или более вариантов одной и той же единицы языка, которое определяется тем, что каждый из них воспроизводится в такой совокупности контекстов, в которой не вос-

производятся остальные варианты. Дополнительная дистрибуция может быть наглядно продемонстрирована следующим примером: [s], [z] и [ɪz], являясь вариантами морфемы S множественного числа, находятся в отношении дополнительной дистрибуции, поскольку в положении после глухого согласного возможно только [s], после звонкого — только [z], а после шипящих — только [ɪz]. То же наблюдается в распределении [t] и [d] морфемы ed прошедшего времени глаголов. Таким образом здесь наблюдается «физическое» (этическое) различие функционально тождественных элементов.

Дополнительной дистрибуции противопоставляется контрастирующая дистрибуция — взаимное отношение разных единиц языка, которые могут воспроизводиться в одинаковых контекстах, сохраняя свое различие, тем самым свидетельствуя о противопоставленности данных элементов в системе языка; примером может служить противопоставление [s] и [z] в *grease*, noun [gri:s] и *grease*, verb [gri:z] или [d] и [t] в *cod* и *cot*. Здесь при тождестве окружения наблюдается противопоставление, свидетельствующее о семантическом различии слов.

Каким же образом может быть перенесен дистрибутивный метод на лексический, точнее, семасиологический уровень? Можем ли мы строго разграничить противопоставленные и дополнительные «смыслы» и, следовательно, объективно инвентаризовать и классифицировать значения?

Совершенно очевидно, что на семасиологическом уровне о дистрибуции приходится говорить в ином плане, чем на уровне фонологическом, и прежде чем ответить на поставленные вопросы, следует указать на то обстоятельство, что различия в характере дистрибутивного анализа в фонологии и семасиологии обусловлены двумя основными моментами: 1) когда анализу подвергаются единицы фонологического уровня, исследователь имеет дело с ограниченным числом фонем. Количественная разница между «дифференциальным» и «семантическим» уровнями так велика, что она неизбежно приводит к качественным различиям; 2) фонологические факты являются фактами наблюдаемыми, а значения физически не представлены в высказываниях — ни в звуковых, ни в тех, которые передаются в графической форме, они являются фактами ненаблюдаемыми. Поэтому, естественно, принципы дистрибутивной методики, разработанные в фонологии, не могут быть механически перенесены на семасиологический уровень.

Исходя из того, что по определению дистрибуция — это совокупность всех окружений, в которых данная языковая единица встречается, в противопоставлении всем тем окружениям, в которых она не встречается⁷³, можно сказать, что всякое употребление слова в речи (в контексте) является реализацией, проявлением его дистрибуции. Когда речь идет об употреблении разных слов в одинаковых окружениях, то есть в одинаковых синтаксических моделях с одним и тем же лексическим наполнением, мы имеем дело с контрастирующей дистрибуцией. Здесь противопоставляются два инварианта. Когда же противопоставляются значения многозначного слова, реализуемые в разных окружениях, мы имеем дело с дополнительной дистрибуцией. Здесь противопоставляются варианты одного инварианта.

О дистрибуции в семасиологии можно ставить вопрос в связи с отдельным конкретным словом (например, дистрибуция глагола *meet*) и на уровне классов слов (например, дистрибуция глагола).

В последнем случае речь может идти, с одной стороны, о реализации одного и того же значения в различных моделях сочетаемости и, наоборот, о существовании таких моделей сочетаемости, которые регулярно разграничивают значения слова. Так например, исследование 200 основных (наиболее употребительных) глаголов современного английского языка позволило установить, что если дистрибуция глагола *V* включает модели *V+V⁼* и *V+Ving*, или *V++prep+Ving* и *V+prep+N*, или *V+prep+N* и *V+O*, или *V+N*, *V+N+prep+N¹*, *V+N+V⁼* и *V+N+prep+Ving* и некоторые другие, то в них этот глагол регулярно выступает в одном и том же значении (ср. *begin to do smth*, *like to do smth* и *begin doing smth*, *like doing smth*; *object to doing smth* и *object to smth*; *run to smb* и *run*; *help smb*, *help smb in smth*, *help smb to do smth*, *help smb in doing smth*. В моделях же *V+N* и *V+A*, или *V+O* и *V+N*, или *link++Ven* и некоторых других регулярно реализуются разные значения глагола (ср. *grow smth* и *grow pale*; *grow* и *grow smth*; *hurt*, *hurt smb* и *be hurt*).

В случае же дистрибуции конкретного слова речь может идти во-первых, о так сказать индивидуальных наборах моделей сочетаемости, для разных слов, отличающих эти слова друг от друга. Например, считающиеся, как правило, синонимами *treat*, *cure* и *heal* не имеют одинаковой дистрибуции, то есть они обнаруживают различие в характере

сочетаемости уже на уровне классов слов. Так, *cure*, реализуя свои значения сочетается с другими словами по следующим основным моделям: $V+N$ (*to cure fish; to cure an illness*), $V+O/[D]$ (*fish cures, hay cures in the sun*), $link++Ven$ (*to be well cured; to be completely cured*), $V+N+prep++N^1$ (*to cure smb of a disease*), $V+N+prep+Ving+N^1$ (*to cure smb of biting nails*). *Treat* имеет основные модели сочетаемости $V+N$ (*to treat a disease; to treat a subject*), $V++prep+N$ (*to treat of smth; to treat with smb*), $V+N+D$ (*to treat smb badly, to treat smth thoroughly*), $V+N+prep++N^1$ (*to treat smb for smth; to treat smb to smth; to treat smth with smth*). *Heal* же сочетается с другими словами по моделям $V+N$ (*перен. to heal a quarrel*), $V+O/[D]$ (*the wound has healed, the wound healed slowly*).

В соответствии с использованной выше нумерацией моделей (см. стр. 90. и далее), наборы дистрибуций этих слов могут быть представлены следующим образом: *cure* — 1, 3, 13, 18, 19; *treat* — 1, 2, 5, 18; *heal* — 1, 3, что, естественно, свидетельствует о различиях в значении этих слов.

Разное соотношение моделей сочетаемости наблюдается в словах *offer* и *suggest*, *require* и *demand* и т.д. и т.п.

Сравнение наборов моделей сочетаемости позволяет также подтвердить омонимию. Например, *draw* 'тянуть, тащить' (1) реализует свои значения в одном наборе моделей, а *draw* 'чертить, рисовать' (2) — в другом. Ср.

(1)	(2)
1. $V+N$	1. $V+N$
2. $V+prep+N$	2. $V+prep+N$
3. $V+O/[D]$	3. $V+O/[D]$
4. $V+D$	18. $V+N+prep+N^1$
5. $V+N+D$	
7. $V+N+A$	
8. $V+N+N^1$	
18. $V+N+prep+N^1$	
19. $V+N+prep+Ving$	

И наконец, при анализе дистрибуции конкретного слова мы сталкиваемся также с дополнительной дистрибуцией внутри него, то есть с дистрибуцией, позволяющей устанавливать различные значения одного слова через его окружение. Как же проявляется эта дополнительная дистрибуция в синтагматических связях слова?

При общей модели сочетаемости, в которой реализуется наиболее абстрактное значение слова, критерием, конкре-

тизирующим различные реализации этого значения, может, по-видимому, служить релевантное различие в лексико-грамматических подклассах и лексических рядах, с которыми сочетается исследуемое слово. Так например, внутри наиболее частотной модели глагольной сочетаемости V+N можно различать N одушевленное и N неодушевленное. В случае глагола *appoint*, скажем, сочетание с неодушевленным *time, day, date, place* является, наряду с различием в характере лексического ряда, семасиологически релевантным и позволяет выделить значение (*fix, determine*), отличное от того (*nominate, choose*), которое выступает при сочетании с одушевленными *president, chairman, manager, representative*. Ср. *appoint the time (for the meeting)* и *appoint the chairman (for/of the meeting)* или: *the time was appointed* и *the chairman was appointed*.

Как правило, семантически наиболее релевантным является различие в характере лексических рядов внутри каждого из подклассов. Так, примером дополнительной дистрибуции могут служить *meet the train (the bus)* и *meet the requirements (demands)*. Слова *train* и *requirements* (или *bus, ship, plane, car* и *demands, wish, desire* и т.п.) создают такие условия, которые позволяют нам считать, что мы имеем дело с разными значениями лексемы *meet*. Иными словами, *train* и *requirements* в качестве контекстов *meet* выполняют необходимую семиологическую функцию, и семантические алло-варианты *meet* оказываются четко распределенными. Различие непосредственного контекста *appoint* в *appoint smb keeper* и *appoint smb an agent*, или *meet* в *meet the train* и *meet the bus*, или *ground* в *we had to cover a lot of ground* и *we had to cover quite a bit of ground*, или *broad* в *broad street* и *broad shoulders* и т.д. не является семиологически релевантным. Здесь мы имеем просто определенный набор окружений, в которых проявляется одно и то же значение.

В отношении дополнительной дистрибуции находятся также значения *turn* в *turn a shaft* и *turn a somersault*, значения *serve* в *serve papers* и *serve dinner*, значения *ground* в *till the ground* и *paint the ground* или *grounds for complaint* и *grounds for an orchard*, значения *declare* в *declare war* и *declare tobacco* и т.д. (Ср. русск. *гасить свет, гасить почтовую марку, гасить известь; гладить белье и гладить кошку* и т.п.).

Следует отметить, что если разные значения одного слова рассматривать как отдельные сущности (*entities*), то

в связи с приведенными примерами можно ставить вопрос о контрастирующей дистрибуции. Однако, мы исходим из того, что значения одного слова являются алло-вариантами инварианта, поэтому нам изложенное выше позволяет сделать следующий вывод: на семасиологическом уровне решающее значение при анализе структуры конкретного слова имеет дополнительная дистрибуция, связанная с различными значениями слов (семантическими вариантами инварианта-лексемы). Контрастирующая же дистрибуция, которая должна однозначно определить значение данной лексической единицы вне зависимости от окружения, здесь не имеет существенного значения.

Однако в какой мере дистрибутивный анализ вообще помогает семасиологу в его работе? Например, можем ли мы научно, с полной достоверностью утверждать, что в *turn a shaft* и *turn a somersault* (или в *serve papers* и *serve dinner* и т.д.) реализуются разные значения лексемы *turn*, *serve* и т.д.? Не руководствуемся ли мы, по существу, нашей лингвистической интуицией, нашим знанием языка, то есть фактором экстралингвистическим? Конечно, да! Дело в том, что при определении значений мы исходим не только из взаимосвязей и взаимозависимостей языковых единиц (из их лингвистического значения), но также из их соотношенности с внеязыковой действительностью (из их экстралингвистического значения)⁷⁴. Именно поэтому, несмотря на тщательную разработку в структурных методах исследования аппарата анализа, разработку конкретных приемов определения тождества-различия⁷⁵, дистрибутивный анализ предусматривает обращение к информантам, и многое до сих пор доказывается на основе «аксиомы реакции информанта».

Недостатки метода дистрибутивного анализа проявляются особенно ярко, когда мы сталкиваемся с явлением нейтрализации, то есть когда на синтагматическом уровне в определенных контекстных условиях снимается (нейтрализуется) парадигматически закрепленное противопоставление значений одного слова. Например, если считать, что в таких контекстах как *He turned the corner*, *Try to turn the knob [of the door]*, *You can turn the bonds into cash* и т.п., глагол *turn* каждый раз однозначен и отражает значение, которым он обладает на парадигматическом уровне в языке (то есть если можно здесь было бы при известных условиях говорить о контрастирующей дистрибуции), то в *He turned the figurines* глагол *turn* может означать и

‘вертеть (в руках)’ и ‘обтачивать (на токарном станке)’. Здесь семиологически релевантное противопоставление не осуществляется, и мы имеем как бы случай позиционно обусловленной нейтрализации противопоставления между значениями одного слова⁷⁶.

Выше мы уже иллюстрировали это явление, когда говорили о недостаточности в ряде случаев узкого контекста для определения значения слова. Такая нейтрализация, контекстуально обусловленная раздвоенность, разрешаемая более широким контекстом, наблюдается достаточно часто. Приведем еще несколько примеров: *I'd like you to meet my father* (встретить отца или познакомиться с отцом?), *She was swept off her feet* (сбита с ног или увлечена?), *I don't approve of her cooking* (не нравится, как она готовит или не одобряю того обстоятельства, что ей приходится готовить?) и т.д. (Ср. русск. *гасить огонь* — ликвидировать пожар, заливать костер или выключать электричество; *травить зайцев* — убивать, применяя яд или охотясь, преследовать с помощью собак и т.п.)⁷⁷

* *

*

Из всего сказанного выше вытекает, что семасиологическое исследование естественно начинается на синтагматическом уровне, так как именно синтагматический ряд представляет собой то, что непосредственно открывается наблюдению. Однако хотя значение синтагматического уровня трудно переоценить, тем не менее исследование синтагматики представляет собой лишь первый шаг, основу для перехода на уровень парадигматический. Иными словами, исследование отдельных конкретных «данных» (data), наблюдаемых на синтагматическом уровне, дает материал для научных обобщений, позволяет ставить вопрос об абстрактных ненаблюдаемых «фактах» (facts) парадигматического уровня, знание которых, в свою очередь, помогает глубже проникнуть в конкретные языковые явления. В этом и проявляются соотношения и связи отдельного, единичного, с одной стороны, и общего, с другой. Таким образом проблемы речи и языка в свете соотношения синтагматики и парадигматики получают достаточно определенное методологическое обоснование.

Относится ли сказанное к любому значению слова, к любому типу соединения слов? Не иначе ли обстоит дело с переносными значениями и употреблениями, со значениями фразеологических единиц и т.п.?

Соотношение прямого и переносного, то есть номинативного и метафорического, до сих пор еще полностью не раскрыто и недостаточно теоретически обосновано⁷⁸. Прежде всего остановимся на самом понятии «метафорический», так как слово «метафора» употребляется хотя и часто, но без необходимой научной строгости. Этимология этого слова (*meta*+*fero*) пока представляет как будто единственную возможность раскрыть его значение — «перенесение». Это понятие перенесения и используется для обозначения самых различных процессов, в частности для возникновения (вследствие условий употребления) переносного значения слова. Например, в слове *iceberg*, наряду с прямым значением 'mass of ice moving in the sea', имеется значение 'unemotional person' (*His iceberg of a wife*); или слово *lunary* — прямое значение 'star; the sun or moon; any light-giving body in the sky' и переносное значение 'person who, because of his learning, is like a shining light' (*The luminaries of our time*); или *nest*, которое имеет, наряду с другими значениями, переносное значение 'shelter; hiding-place; secluded retreat' (*a nest of crime, a machine-gun nest*). Для таких случаев, то есть когда речь идет о переносных значениях слова, все сказанное выше остается справедливым, и данное переносное значение определяется с учетом синтагматических связей слова.

О перенесении можно говорить также и в случаях, подобных *The door at the end of the corridor sighed open and sighed shut again* (G. H. Coxe), *The city unwrinkled from sleep* (L. Durrell), или когда имеются сочетания типа *a rudderless home, a thoughtful cigarette* и т.п.⁷⁹, то есть в случаях переносного употребления слов⁸⁰. Здесь, при соблюдении морфо-синтаксической сочетаемости, нарушаются законы лексической сочетаемости и, таким образом, соотношение парадигматики и синтагматики предстает иначе, чем в рассмотренных выше случаях.

И, наконец, совсем иначе следует подходить к тем значениям, которые слова приобретают, становясь компонентами фразеологических образований. Например, в фразеологических образованиях *not to have a leg to stand on* (не быть обоснованным), *stand on one's own legs* (быть самостоятельным), *be on one's last legs* (близиться к концу, находиться при последнем издыхании), *find one's legs* (окрепнуть, стать на ноги), *keep one's legs* (не упасть, устоять на ногах), *shake a leg* (отплясывать), *show a leg* (встать с постели), *take to one's legs* (удрать, дать тягу), *pull smb's leg* (дурать

чить кого-либо) и т.д. значения слова *leg* можно тоже считать в какой-то мере переносными. Однако их нельзя рассматривать в том же плане, что указанные выше *iceberg* и пр., поскольку вне этих фразеологических образований данные значения *leg* реально не существуют и могут рассматриваться только как потенциальные.

В данном контексте перенесение должно пониматься следующим образом: наряду с теми вариантами значения, которые слово обычно имеет в речи и которые «правильно», «прямо», «непосредственно» воспроизводятся, встречаются такие воспроизведения инвариантной лексемы, которые не подводятся, или с трудом подводятся под ту или иную из ее «закономерных», «прямых» реализаций. Так например, при прямом функционировании слова в синтагматическом ряду мы естественно встречаем такие сочетания как *meet the train*, *meet smb in the street*, *meet surreptitiously* и т.п. (инвариант *meet*); или *break a cup*, *break one's leg*, *break into a house* и т.п. (инвариант *break*); или *a blue dress*, *a blue flower*, *a blue sky* и т.п. (инвариант *blue*); или *a good job*, *good money*, *a good film* и т.п. (инвариант *good*); или *white skin*, *a white hat*, *a white feather* и т.п. (инвариант *white*).

В случаях же типа *meet the case* (*I might put you off with talk about your being too young and not knowing your own minds, and all that, but you wouldn't listen, besides it doesn't meet the case* — дело не в этом — J. Galsworthy); *break the ice* (*now that the ice between them had been broken* — теперь, когда знакомству было положено начало, теперь, когда лед между ними был сломан — Th. Dreiser); *once in a blue moon* (... *would drive up once in a blue moon and ask after their surviving uncle* — нет, нет да заезжали — J. Galsworthy); *a good hand at smth* (*I am not a very good hand at such things* — я не мастер); *a white man* (*the whitest man I ever knew* — честнейший, порядочнейший человек; ср. *That was really white of you!* — Вы поступили как истинно благородный человек) уже нельзя сказать, что в синтагматическом ряду выступает вариант *meet*, *break*, *blue* и пр., значения которых обусловлены синтагматическими связями с *case*, *ice*, *moon* и пр. Хотя употребление слов *meet*, *break*, *blue* и пр. здесь является в некотором смысле переносным, перенесение носит совсем иной характер, чем в указанных выше случаях. Здесь нельзя говорить о значении слова вне всего сочетания слов. Подобные сочетания откладываются в системе языка (в парадигматическом плане) в виде инвариантных сложных комплексов, составленных из

раздельно-оформленных единиц (в данном случае *meet the case, break the ice, once in a blue moon, a good hand at smth.* и пр.).

Таким образом о метафорическом значении можно говорить и тогда, когда слово имеет переносное значение, раскрывающееся через его синтагматические связи, и тогда, когда слово имеет переносное значение, обнаруживаемое только внутри определенного комплекса слов. Соотношение синтагматики и парадигматики приобретает здесь совсем другой характер, потому что парадигматически рассматриваются, выступают в качестве инварианта уже не единицы, сопредельные (в плане выражения) с данной синтагматической реализацией, а целые большие последовательности раздельно оформленных единиц.

По-видимому, тот уровень семасиологического исследования, на котором рассматриваются сочетания слов, обозначаемые целым рядом синонимических терминов, таких как идиоматика, фразеология, семантическая изоляция и др., следует выделить особо, обозначив его термином «метафорика», для того, чтобы показать, что семасиологическое исследование на этом уровне принципиально не может вестись теми же методами, которыми оно ведется на «прямом» (не переносном) синтагматическом и парадигматическом уровнях.

Таким образом, первая задача семасиологического исследования заключается в том (иначе нельзя справиться с материалом), чтобы провести вполне отчетливую границу между теми воспроизведениями данного элемента, которые могут быть возведены к инварианту, и теми, которые такому возведению явно не поддаются, то есть между отдельным словом и словом как компонентом фразеологического образования. Поскольку явления языка принципиально не поддаются строгой классификации, разложению по полочкам (*pigeonholing*), совершенно естественным и понятным является наличие и здесь большого количества переходных случаев. Эти случаи при лингвистическом описании должны даваться «цепочкой», потому что всегда имеется возможность на одном полюсе показать данную категорию в чистом виде, а на другом полюсе — противоположную категорию в столь же четком чистом виде, а далее между ними разместить по степени убывания черт первой категории и приобретения черт второй категории весь остальной материал.

1. В «Методах синхронного анализа лексики» М. Д. Степанова определяет парадигматический план слова значительно шире, вводя сюда «смысловую структуру слова (парадигматическое значение), т.е. совокупность его синтаксических значений, включая их «общие» и «частные» аспекты; его место в соответствующих семантических полях (тематических рядах); его возможные семантические связи в синтаксических (по терминологии Порцига) полях; типы стилистических контекстов, в которых оно может употребляться; устойчивые эмоциональные оттенки, могущие возникнуть при его употреблении; всю совокупность его грамматических форм; его дистрибуцию, то есть синтаксические функции и потенциальную (обязательную, факультативную) сочетаемость; его возможные фонетические варианты» (стр. 76—77). Представляется, что часть из включенных автором пунктов относится к сфере синтагматики и поэтому должна рассматриваться именно в данной главе.

2. В связи с этим небезынтересно обратить внимание на использование *man* в фамильярном обращении — *Come along, man!*; *Speak up, man!* Ср. *You know what I reckon, mate?*; *You dropped a clanger last night, cock*; *Well, hang on, cock, and I'll see what I can do for you*; *You watch me, pal* (все примеры взяты из М. Allingham) и т.п.

3. Приведенный пример обнаруживает еще одну особенность: *parlourman* — потенциальное слово, образованное по аналогии с *parlourmaid*. Здесь наблюдается стилистический обертон ироничности. Ср. нейтральные *manservant* или *footman*.

4. См. практическое применение положения о единстве парадигматического и синтагматического в слове в статье Т. А. Апресян и Ю. Д. Апресян. Об изучении смысловых связей слов.

5. Здесь и ниже используется классификация типов синтаксической связи, предложенная А. И. Смирницким. См.: Синтаксис английского языка.

6. Учение о словосочетании, возникшее в русском языкознании (см. работы Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского и др. — см. об этом: В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке), получило дальнейшее развитие, в особенности в связи с учением о частях речи и членах предложения в исследованиях совет-

ских лингвистов. См. об этом, например: Н. Д. А р у т ю н о в а. О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке; О. С. А х м а н о в а. Словосочетание; В. В. В и н о г р а д о в. Основные вопросы синтаксиса предложения; Н. Н. П р о к о п о в и ч. Словосочетания в современном русском языке; А. И. С м и р н и ц к и й. Синтаксис английского языка; Н. И. Ф и л и ч е в а. О словосочетаниях в современном немецком языке; См. также: Ц. С. Г о р е л и к. Некоторые вопросы теории словосочетаний.

7. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что при атрибутивной связи словосочетания образуются безусловно и всегда (см.: О. С. А х м а н о в а, Г. Б. М и к а э л я н. Современные синтаксические теории, стр. 146), в то время как комплетивная связь дает словосочетания лишь в своих более тесных формах.

8. См., в связи с этим, например: О. С. А х м а н о в а. О разграничении слова и словосочетания; е е ж е. К вопросу об отличии сложных слов и фразеологических единиц; А. И. С м и р н и ц к и й, О. С. А х м а н о в а. Образования типа *stone wall*, *speech sound* в английском языке.

Необходимо отметить, что отличие словосочетаний от слов — имеются в виду, естественно, сложные слова — не исключает существования весьма многоплановых и противоречивых отношений между ними, выражающихся в определенной структурно-семантической соотносительности, определенном взаимодействии. См. в связи с этим работу С. С. Х и д е к е л ь. «Сложные слова и свободные словосочетания в английском языке», содержащую интересные теоретические соображения, а также большой фактический и библиографический материал.

9. По этому вопросу, кроме указанных в примечаниях 6 и 7 работ, см. также А. И. С м и р н и ц к и й. Лексикология английского языка; В. Н. Я р ц е в а. Предложение и словосочетание. Обращает на себя внимание тот факт, что в зарубежной лингвистической литературе вопрос о разграничении словосочетания и предложения не всеми учеными решается с одинаковой четкостью. Так например, если А. Гардинер (A. G a r d i n e r. The Theory of Speech and Language), Й. Эрбен (J. E r b e n. Prinzipielles zur Syntaxforschung...), Й. Рис (J. R i e s, Zur Wortgruppenlehre), С. де Бур (C. d e B o e r. Syntaxe du français moderne) отмечают качественное различие между словосочетания-

ми и предложениями, то де Гроот (A. W. de Groot. Structurele Syntaxis) не видит принципиальной разницы между ними.

10. Следует отметить, что именно этот тип словосочетаний является наиболее изученным. См. работы В. Л. Архангельского, А. В. Кунина (особенно Английская фразеология), Н. М. Шанского, а также: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии, стр. 166 и далее; ее же более раннюю работу: К вопросу о словосочетании в современном английском языке; В. В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетания; Р. С. Гинзбург, С. С. Хидекель. О работе над свободным словосочетанием; Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии; С. И. Ожегов. О структуре фразеологии. Большой библиографический материал по данному вопросу собран Л. И. Ройзензон-М. А. Пеклером (см.: Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии).

11. См.: В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. К английскому языку классификация В. В. Виноградова была наиболее последовательно и плодотворно применена А. А. Куниным (См.: Некоторые вопросы английской фразеологии.)

12. Приходится отметить, что несмотря на тщательную разработку теоретических вопросов фразеологии, четкое выделение фразеологических единиц и распределение их по типам оказывается на практике делом весьма сложным и не всегда достаточно убедительным. Доказательства того, что приведенные здесь и в других двух типах фразеологических единиц примеры относятся именно к данному типу, следует искать в работах, указанных в примечании 10.

13. Н. М. Шанский (см.: Фразеология современного русского языка) предлагает еще один тип фразеологической единицы — фразеологическое выражение, семантически членимую единицу, по характеру связей между компонентами не отличающуюся от свободного сочетания ничем, кроме того, что она не производится, а воспроизводится в речи. См. указ. соч., стр. 84.

14. Wallace L. Chafe. Meaning in Language, стр. 28.

15. В связи с этим можно, например, говорить о перераспределении парадигматических связей слова. Так например, в высказывании *Да у тебя не дом, а дворец!* слова *дом* и *дворец* противопоставляются по признакам «размер»

и «роскошь-простота», а не по признаку «положение живущего». См. также *Он не ел, а жрал; She never speaks, she utters* и т.п. Такое перераспределение связано именно с речеупотреблением.

Еще одним важным моментом здесь является то, что употребление (контекст) влияет на образование парадигматических противопоставлений. Так, например, значения *man*, связанные с противопоставлением словам *master, officer, wife* из контекстуальных (в связи с типичностью и частой употребительностью контекста) превратились в языковые.

16. По существу, этот же критерий используется Н. Н. А м о с о в о й (см.: Основы английской фразеологии; Английская контекстология), когда она предлагает разграничивать свободные словосочетания и фразеологические единицы на основе установления характера и типа контекста (переменный контекст — свободное словосочетание, постоянный контекст — фразеологическая единица).

17. На этом основывается игра слов, связанная с деформацией идиом, также как и каламбуры основаны на столкновении различных значений одного слова или омонимов.

18. В связи с такой постановкой вопроса о продуктивности — непродуктивности см.: N. Ч о м с к у. *Topics in the Theory of Generative Grammar*, особ. стр. 11.

19. Не лишены интереса и другие эвристические приемы, такие как, например, возможность или невозможность приписать данный переводный эквивалент для данного слова в том или ином сочетании. Сопоставительное изучение разных языков, имеющее большое значение для лингвистической науки, безусловно является надежной основой не только для развития общего языкознания, но и для развития некоторых отдельных его направлений, в частности для машинного перевода, в котором используется указанный прием.

20. См. об этом: D. L. B o l l i n g e r. *Generality, Gradience And The All Or None*. Болинджер совершенно справедливо отмечает, что существовавший в лингвистике в течение долгого времени подход, требовавший определенного положительного или отрицательного ответа («да» или «нет», «все» или «ничего»), не мог обеспечить успешного анализа такой сложной системы, как язык.

21. Д. Н. Ш м е л е в. Очерки по семасиологии русского языка, стр. 212.

22. Как видно из приведенных примеров, эти словосоче-

тания основаны на переносе значения, на метафоре, ясно осознающейся говорящим.

23. Необходимо еще раз напомнить, что на «свободу» говорящего при образовании каждого конкретного словосочетания влияет целый ряд факторов, накладывающих определенные ограничения. Как показано в работе о словосочетаниях С. Г. Тер-Минасовой «Синтез продуктивных и полупродуктивных словосочетаний и вопрос о “логике языка”», кроме уже указанных факторов необходимо учитывать также и социо-лингвистическую обусловленность высказывания (стр. 10). В связи с этим последним фактором возникает вопрос о том, можно ли вообще говорить об абсолютно свободных словосочетаниях, поскольку сочетания слов всегда определяются специфическими условиями места, времени и целей коммуникации, а также особенностями культуры, традиции, обычаев данного коллектива. По существу, термин «свободное словосочетание» является в значительной мере условным.

24. Данный термин заимствован у А. И. Смирниченко. (См.: Лексикология английского языка, стр. 223 и далее.)

25. Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что большинство традиционных словосочетаний обнаруживает переносный характер. Ср., например, *brilliant jewels* ‘сверкающие бриллианты’, *brilliant sunshine* ‘яркое, ослепительное солнце’ и *brilliant example* ‘яркий, выразительный пример’, *brilliant scientist* ‘яркий, выдающийся ученый’; или *acid test* в химии и *acid test* ‘серьезное испытание’.

26. Заимствованный из дескриптивной лингвистики термин «субституция» (ср. «коммутация» в глоссематике) предусматривает взаимную замену слов в определенных контекстах как метод определения тождества — различия. В данном разделе, говоря о субституции, мы имеем в виду не дистрибутивный анализ, то есть определение всех тех «окружений», в которых данная форма может встречаться, в отличие от тех «окружений», в которых она встречаться не может, а существование вариантов словосочетаний.

27. Так например, слово *tongs* ассоциируется по своему предметному значению со словами *nippers* и *pincers*, однако во фразеологическом единстве, *hammer and tongs*, выражающем значение ‘изо всей мочи’ (*The old man wasn't at all pleased to see him. They were at it in no time, hammer and tongs* — A. Christie) нельзя заменить *tongs* на *nippers* или *pincers*.

Hammer and nippers или *hammer and pincers* уже не будут обладать семантической неделимостью, и значение здесь будет складываться из суммы значений данных слов. С другой стороны, здесь существует и обратная связь, и *tongs* требует присутствия *hammer*, а не, например, *mallet*. См. также фразеологическую единицу *red tape*; любая замена здесь приведет к разрушению семантической цельности и к образованию свободного словосочетания. Ср. в русском языке *сапоги всмятку* (нельзя сказать «туфли всмятку» или «сапоги вкрутую»).

28. Художественная литература изобилует случаями деформации фразеологических единиц. Приведем несколько примеров: *To be born with a silver spoon in one's mouth* (родиться в сорочке, родиться под счастливой звездой) — *You're all born with silver spoons in your mouths, and then you swagger about with everlasting virtue because you haven't got other people's spoons in your pockets. But I was born in a Pimlico lodginghouse and I had to make my spoon...* (G. K. Chesterton); *There was a hovering impression that Alroy had been born with, at least, a silver spoon in his handsome mouth but if so the spoon had not been very durable* (M. G. Eberhart). *Put one's foot in it* (попасть впросак, сесть в лужу, в калошу) — *We've both pulled a most frightful gaff in your house. Both feet, right up to the neck* (J. Wyndham). *Can the leopard change his spots* (пословица ≡ горбатого могила исправит) — *Taking a look at science-fiction again after a wartime interval, one seemed to see indications that it was trying to change its spots* (J. Wyndham). *Build castles in the air* (строить воздушные замки) — *to start people building law courts in the air* (J. Wyndham). *Handsome is as handsome does* (пословица ≡ о человеке судят не по словам, а по делам) — *He may not be exactly a foreigner, but he is not such a fool as he looks. Foreign is as foreign does, I say* (G. K. Chesterson).

Интересный анализ различных видов и способов деформации идиом приводится в статье С. Г. Тер-Минасовой «Деформация фразеологических единиц как лингвостилистическое средство».

29. Подобный функциональный подход существует во многих разновидностях. Сюда относится и расплывчатый критерий субституции любых речевых средств, выражающих «одну и ту же простую идею» (Ш. Б а л л и. Французская стилистика, стр. 169), и общее указание на взаимозаменяемость слов-синонимов (Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. Ч. 2, стр. 39; В. К. Фаворин.

Синонимы в русском языке. См., например, стр. 20: «Синонимами в строгом смысле слова следует считать только слова, легко заменяемые в том или ином контексте») и четко формулируемый критерий взаимозаменяемости в определенных контекстах (S t. U l l m a n n. The Principles of Semantics; Б. В. Г о р н у н г. О природе синонимии в языке и теоретических предпосылках составления синонимических словарей. См. стр. 98: «синонимами являются слова взаимозаменяемые в определенных, находящихся в строгом соответствии друг с другом контекстах, но не любых контекстах»; В. В. Л е в и ц к и й. Синонимы в языке и речи. См. ИЯШ, 1969, № 1, стр. 17: «синонимами следует считать слова, имеющие в своей смысловой структуре хотя бы одно значение с единым или очень близким предметно-логическим содержанием и способные заменять друг друга в некоторых контекстах без существенного изменения смысла текста».) Критику функционально-лингвистического критерия см. в работах: А. П. Е в г е н ь е в а. Основные вопросы лексической синонимии; М. Ф. П а л е в с к а я. Синонимы в русском языке; А. Б. Ш а п и р о. Некоторые вопросы теории синонимов.

Однако следует отметить, что до сих пор в лингвистике не выработаны общепризнанные, или общепринятые критерии определения синонимичности; причем существует мнение, что они и не могут быть выработаны, так как здесь главную роль играет субъективное восприятие исследователя. См. по этому поводу: J. F. T h o m s o n. Some Remarks on Synonymy.

30. Не имея возможности привести весь обширный библиографический материал по данному вопросу, указываем лишь те работы, которые представляют наибольший интерес в связи с рассматриваемыми проблемами. О различном толковании синонимии, о разграничении разных видов синонимов, об исследовании их речевого употребления и способах их отграничения и обнаруживая см., кроме работ, перечисленных в примечании 29, Ю. Д. А п р е с я н. Проблема синонима; е г о ж е: Синонимия и синонимы; О. С. А х м а н о в а. Очерки по общей и русской лексикологии. Ч. 4; С. Г. Б е р е ж а н. Теория семантических полей и синонимия; Р. А. Б у д а г о в. Введение в науку о языке; Е. М. Г а л к и н а - Ф е д о р у к. Современный русский язык. Лексика; е е ж е. Синонимы в русском языке; И. Р. Г а л ь п е р и н. Очерки по стилистике английского языка; А. Н. Г в о з д е в. Очерки по стилистике

русского языка; В. А. Г р е ч к о. О лексической синонимии в русском языке; А. Д. Г р и г о р ь е в а. Заметки о лексической синонимии; В. Н. К л ю е в а. Синонимы в русском языке; И. А. М е л ь ч у к. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними; N. G o o d m a n. On Likeness of Meaning; е г о ж е: On some Differences about Meaning; R. R. L o d w i g and E. F. B a r e t t. The Dictionary and Language; S. S k o r u p k a. Wyrazy bliskoznaczne i ich wartość stylistyczna. См. также: А. И. У е м о в. Проблема синонимов и современная логика; R. C a r n a p. Meaning and Synonymy in Natural Languages; В. M a t e s. Synonymity; M. E. O l d s. Synonymity: Extensional Isomorphism; A. R. W h i t e. Synonymous Expressions.

Интересный теоретический и фактический материал содержится в сборниках «Очерки по синонимике современного русского литературного языка», где имеется также детально разработанная литература вопроса (см.: С. Ф. Г е к к е р. Библиография по синонимике русского языка) и «Лексическая синонимия». См. также: Т. А. Д е г т я р е в а. К проблеме синонимии.

С лексикографической точки зрения интерес представляют Б. В. Г о р н у н г. (см. примечание 29); А. П. Е в г е н ь е в а. Проект словаря синонимов; Т. В. З а й ц е в а. Лексикографическая разработка структурно и семантически близких слов; Л. А. Ч е ш к о. Предисловие к словарю синонимов русского языка; J. F i l i p e s. Synonyma v jednojazyčném slovníku; S. S k o r u p k a. Z zagadnień leksykografii, I. Synonimika.

31. См. Словарь лингвистических терминов О. С. А х м а н о в о й .

32. Следует отметить, что ряд лингвистов считает, что в языке вообще не существует синонимии. См., например: Г. О. В и н о к у р. Проблема культуры речи, стр. 85. Критикуя предметно-понятийный признак, лежащий в основе «традиционного» истолкования синонимов, В. А. Звегинцев приходит к выводу о том, что синонимии в традиционном смысле в языке вообще нет (см. Замечания о лексической синонимии, стр. 137—138: «Синонимии, как она традиционно истолковывается, в языке вообще нет. Это одна из фикций, рудиментарно существующая в науке о языке»).

33. Примеры заимствованы из словарей R i c h a r d S o u l e . A Dictionary of English Synonyms и A l l e n ' s

Synonyms and Antonyms. Подбор их объясняется в предисловии:

"If a synonym were an exact equivalent of another word, interchangeable with it, no need for its existence would arise, and the language might be as comparatively poor in vocabulary as a primitive tongue. But a synonym is merely an approximation of the essential meaning of another word, and always implies its own variant of the first sense". (T. H. Vail Motter. How shall I say it? — Preface to "Allen's Synonyms and Antonyms", p. VII) Как и другие указанные нами распространенные определения синонимов, данное определение не является строго научным, лингвистическим. Вследствие отсутствия четко разработанного объективного метода обнаружения синонимов, представленные в многочисленных синонимических словарях группы (synonym clusters) составляют, как говорит А. Д. Шеффилд, редактор словаря R. Soule. "A Dictionary of English Synonyms" в своем предисловии, по тому принципу, что каждый включенный в них синоним, по ощущению составителя, представляет собой слово с тем же основным значением (core-sense), обогащенным сопутствующими экспрессивными, стилистическими и пр. коннотациями. Не это ли является причиной того, что не все слова являются «взаимно синонимичными», что, например, выделенные по принципу «синонимичности» к разным значениям *frame* такие слова как *skeleton*, *form*, *condition* сами не имеют в своих синонимических группах слова *frame*, то есть *condition*, является синонимом к *frame*, но не наоборот?

34. О недопустимости подмены исследования синонимов наблюдениями над близкими по значению или номинативно совпадающими в определенных ситуациях разнообразными языковыми средствами см. у В. Н. Ключевой. Опыт составления учебного толкового словаря синонимов русского языка. См. также Е. Nida. Towards a Science of Translating, стр. 73.

35. Синонимия может быть использована также как один из методов исследования при сравнительном сопоставлении эквивалентных лексических наборов разных языков. См., например: K. Reuning. Joy and Freude.

36. Ср. высказывание Балли о том, что «основным принципом изучения слов является исследование их в контексте, который их окружает. Отсюда следует, что группа синонимов не может быть установлена при изучении изолированных слов» Ch. Bally. Traité de Sty-

listique française, v. I, p. 148). Чрезвычайно интересное практическое применение этот принцип получает в работе Вольфганга Кюльвайна, рассматривающего лексический набор «вражда» в древнеанглийской поэзии. См. W. K ü h l - w e i n. Die Verwendung der Feindseligkeitsbezeichnungen in der altenglischen Dichtersprache. См. также рецензию на эту работу О. С. А х м а н о в о й.

37. Ср. с русским словом *основание* (*причина, достаточный повод*): *У меня нет оснований не доверять ему; У вас нет оснований (причин) беспокоиться (для беспокойства); законное основание; на этом основании...; на каком основании...? На основании этого...; Я заявил ему об этом с полным основанием; без всякого основания и т. д.*

38. При решении вопроса о субституции необходимо учитывать особенности сочетаемости, свойственные данному языку. Например, в русском языке то обстоятельство, что слово *сердечный*, помимо значения прилагательного от *сердце* в первом значении (см.: С. И. О ж е г о в. Словарь русского языка), как в *сердечное заболевание, сердечный приступ* и т.п., имеет еще значение «задушевный», «искренний» и т.д., по-видимому обнаруживается на основании того факта, что оно способно сочетаться со словами, обозначающими людей, как в *сердечный человек, сердечная женщина, сердечные люди*. В словаре З. К. А л е к с а н д р о в о й синонимами к слову *люди* называются *народ, публика, люд*. Они входят в лексический ряд, включающий слова *общество, коллектив, нация* и т.д. Но значит ли это, что по законам сочетаемости в русском языке будет правильно сказать *сердечный народ, сердечное общество, сердечный коллектив* и т.д.? Или, например, исходя из того факта, что сочетание *сердечная женщина* является аутентичным (см.: Словарь русского языка. Т. 4 М., 1961), можно ли сказать *сердечная тетя, сердечная старушка (старуха), сердечная дама, сердечная гражданка* и т.п.?

39. Стилистических различий между *broad* и *wide* не существует, что вносит дополнительные затруднения при исследовании их семантических различий.

40. Обращает на себя внимание тот факт, что существуют сложно-производные прилагательные с одинаковой второй основой при *broad* или *wide* в качестве первой основы; например, *broad-breasted, wide-breasted; broad-shouldered, wide-shouldered; broad-hipped, wide-hipped; broad-*

faced, wide-faced; broad-lipped, wide-lipped; broad-brimmed, wide-brimmed и т.д.

41. На эти оттенки в значениях прилагательных *broad* и *wide* указывает Фаулер (см.: Н. W. Fowler. A Dictionary of Modern English Usage, стр. 57): “*wide* refers to the distance that separates the limits and *broad* to the amplitude of what connects them”. Интересно отметить, что эти семантические оттенки обуславливают и различие в характере наречий, определяющих данные прилагательные. Так например, при том, что оба могут сочетаться с стилистически нейтральными *adequately, suitably, sufficiently, amply, exceptionally, unnecessarily* и т.п., только *broad*, как правило, связывается с эмоциональными *splendidly, magnificently, grandly, majestically, epically* и т.п. (см.: J. I. Rodale. The Word Finder).

42. Фаулер (см. примечание 41) определяет это различие следующим образом: “a wide river takes long to cross, a broad river shows a fine expanse of water” (стр. 58).

43. “When it does not matter which of these is in our minds, either word does equally well; if the hedges are far apart, we have a wide road; if there is an ample surface, we have a broad road; it is all one.” Н. W. Fowler, стр. 57. (см. примечание 41)

44. В опубликованной в ВЯ статье «Синонимия и синонимы» Ю. Д. Апресян различает лексическую сочетаемость и семантическую сочетаемость, определяя их 1) как способность слова синтаксически связываться с ограниченным количеством слов, заданных списком, и 2) как способность слова синтаксически связываться с любым словом, обладающим определенным семантическим признаком (например, одушевленность). В нашем рассуждении это различие не имеет значения, поскольку здесь речь идет вообще о сочетаемости одного слова (одной лексической единицы) с другим (с другой лексической единицей).

45. Данное уточнение указывает на то, что при определении связи, возникающей между языковыми единицами в речи, необходимо исходить из взаимодействия различных языковых единиц: морфологических, лексических и синтаксических. В частности, синтаксические отношения могут выражаться при помощи таких специфически морфологических приемов как согласование, управление, приемыкание. Одним из средств образования словосочетаний выступают также формы слов (ср. *close look* — *closely look*)

и т.п. См. об этом: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, стр. 74 и далее, а также О. С. Ахманова и др. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации, особ. ч. 1.

46. В частности, в атрибутивных словосочетаниях диалектическое единство коллигации и коллокации проявляется, например, в порядке расположения компонентов вообще и в порядке расположения атрибутов в тех случаях, когда — при наиболее характерном для английского языка препозитивном употреблении прилагательных — имеется два или более атрибута. Здесь последовательное соединение компонентов происходит не произвольно, а в зависимости от того, к каким лексическим разрядам относятся данные атрибуты-прилагательные. При постпозитивном употреблении прилагательных диалектическое единство коллигации и коллокации проявляется и тогда, когда речь идет о традиционных французских и латинских кальках (например, *knight errant*, *heir apparent*, *court martial* и т.п.); и тогда, когда имеются сочетания с прилагательными на *-able/-ible* (например, *the only book available, in any way possible, the best thing imaginable* и т.п.) или с прилагательными *proper* (*linguistics proper*), *extraordinary* (*envoy extraordinary*), *pure*, *simple* (*the truth pure and simple*) и т.п.; и тогда, когда определяемое выражается неопределенными или отрицательными местоимениями (*Something soft, nothing interesting* и т.п.) и т.д. Эти вопросы подробно рассматриваются А. А. Завариным (см.: Постпозитивный атрибут в современном английском языке и некоторые общие вопросы синтаксического анализа), А. Р. Катанской (см.: О порядке нескольких препозитивных прилагательных-определений в современном английском языке. См. также: Р. С. Шутникова. К вопросу о сочетаемости прилагательных в современном английском языке. Теоретическое обоснование диалектического единства коллигации и коллокации дается в указанной в предыдущем примечании книге.

47. Этот способ используется не только в структурной лингвистике, но, иногда, и в лексикографии. См. в связи с этим предисловие к *The Advanced Learner's Dictionary*, раздел *Verb Patterns* и далее, где приводится и разбирается (с иными, чем наши, целями, и следовательно, в ином плане) 25 развернутых моделей, последовательно отмечаемых затем в словаре при соответствующем глаголе.

48. Основой для приводимых моделей послужила си-

стема, разработанная автором совместно с Р. С. Гинзбург, С. С. Хидекель, А. А. Санкиным для подготавливаемого к печати издательством «Советская энциклопедия» словаря основных словосочетаний современного английского языка.

49. Для удобства изложения мы будем пользоваться принятыми обозначениями для классов слов и их форм. Символ **V** обозначает исследуемый глагол, **N** — существительное (или местоимение), **A** — прилагательное, **D** — наречие или наречный оборот, **prep** — предлог, **Ven** — причастие II, **Ving** — причастие I и герундий, **V[∞]** — инфинитив, **det** — детерминативное слово, **link** — глагол-связку или глагол, выступающий в грамматическом значении связки, **S** — предложение; в [] (квадратных скобках) указывается факультативная позиция элемента модели; **O** — обозначает отсутствие элемента модели.

50. Отметим здесь, что мы исключили из рассмотрения варианты моделей в страдательном залоге.

51. В какой-то мере вариантом этой модели можно считать и такие сочетания как *get some sleep, have some rest, do some work* (то есть **V+det+N**). Хотя **det** является здесь не факультативным, а обязательным членом модели, он относится к существительному, образуя с ним как бы одно целое.

52. Такие словосочетания как *in the street, across the river, at three o'clock, in the morning, with joy, as a doctor* и т.п., являющиеся формально предложными синтагмами, рассматриваются нами как **D**, а не как **prep+N**, поскольку их наличие не оказывает никакого влияния на значение глагола в данной модели.

53. Формально к этой модели относятся специфические для английского языка сочетания с *it* типа *to go it, to come it, to rough it, to lord it*. См., например, *Lord, how he used to go it as a young man* (L. Durrell); *They would lord it over the schoolmates who had been safe at home* (F. Baldwin); *I don't in the least mind pigging it at the Ritz* (W. S. Maugham); *He flung the directory aside, barefooted it back to the hall* (C. Woolrich); *He long-legged it to the airline office* (B. Halliday). Однако по-видимому, здесь мы имеем дело не с сочетанием глагола с местоимением, а с особым видом усложненной конверсии, где *it*, десемантизируясь становится элементом (морфемой) сложного глагола.

54. Данная модель обнаруживает большое разнообразие лексико-фразеологических связей, накладывающих

определенные ограничения на возможности морфосинтаксической сочетаемости и представляет собой яркий пример взаимодействия коллигации и коллокации. Подробно об этом см.: Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации, ч. 4, гл. 2.

55. В связи с этой моделью необходимо отметить, что в современном английском языке, по существу, отсутствует категория переходности — непереходности как лексико-синтаксическая категория, поскольку здесь переходность — непереходность часто проявляется в пределах одного и того же глагола и является скорее особенностью лексического значения, чем грамматическим свойством. Ср., например, *He talks too much* и *He talked me into doing this*; *We lunch at one* и *I'm deathly sick of lunching intelligent women* (E. Queen). Ср. также *They'll dine her and wine her and dress her up to kill* (R. Lehman); *He is sleeping* и *He's going to sleep me, so I shan't be back till tomorrow* (C. Macinnes); *Where are they going to stay? Where are we going to sleep all them people?* (J. Lawrence, R. C. Lee); *It was time for him to retire* и *I was the old and faithful employee he was about to retire* (G. Bagby); *I have burnt your letter* и *Stanton murmured: "She burns well, the old house"* (B. Davidson). См. об этом также: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка, стр. 224—225.

56. Словарь "The Concise Oxford Dictionary" указывает следующие значения: 1. 'make known, proclaim publicly, formally, or explicitly' (ср. "The Advanced Learner's Dictionary": 1. 'make known by words, signs etc.' и 2. 'say clearly, strongly, solemnly'; и "The Penguin English Dictionary": 'proclaim, announce formally'); 2. 'pronounce (person etc.) to be smth'; в этом же значении указывается, что в сочетании с *oneself declare* означает 'avow intentions, reveal character', а в сочетании с *for* или *against* — 'side with' или 'against' (ср. последнее в "The Advanced Learner's Dictionary": 3. 'say that one is in favour or not in favour of'; причем этот словарь, как и "The Penguin English dictionary", выделяет это употребление в отдельное значение); 3. (Customs) 'name (dutiabable goods) as in one's possession' (ср. "The Advanced Learner's Dictionary": 4. 'make a complete statement of goods brought into a country, esp. of goods on which taxes must be paid'; и "The Penguin English Dictionary": 'state before Customs officers to be in one's possession'); 4. (Bridge) "name the

trump suit, or call 'no trumps'"; (other card games) 'announce that one holds (certain combinations of cards)'.

57. Значения указываются по Оксфордскому словарю. См. предыдущее примечание.

58. Как можно заметить, при описании моделей сочетаемости глагола *declare* не проводилось деление на свободные, продуктивные словосочетания (которые производятся в речи) и переходные, традиционные сочетания или непродуктивные фразеологические единицы (которые с разной степенью легкости воспроизводятся в речи), поскольку характер сочетаемости не связан с определенной моделью или моделями. Действительно, хотя типичность модели $V+N$ для переходных глаголов дает нам основания предположить, что именно в ней реализуются свободные сочетания, мы видим, что в некоторых случаях связь *declare* со следующим за ним существительным является традиционной. Например, *declare war* 'объявлять войну' или *declare one's love* 'объясниться в любви'. См. также $V+N+A$: свободное *declare her work satisfactory* и традиционное *declare the meeting open* 'объявлять собрание открытым'. Фразеологическая единица *declare one's hand* 'раскрыть свои карты, раскрыть свои планы, обнаружить свои истинные намерения' (смотри четвертое значение, из которого она выделилась в результате переносного употребления) и [*Well,*] *I declare!* ['Однако] скажу (доложу) я вам!' также распределяются по разным моделям сочетаемости (соответственно $V+N$ и $V+O$).

59. В данном примере рассматриваются не все значения и не все модели сочетаемости.

60. Мы имеем в виду «конструктивно-обусловленные значения» (см.: В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова), как например, модель $V+N+V^+ [+N^1]$ для глагола *make* 'заставлять' (*It made me run, I'll make you finish your work, He made her sing to them, They will never make me open my mouth, I shall make you eat your words, He made her swallow the medicine, You must make him listen* и т.п.).

61. См. в связи с этим: О. С. Ахманова, А. А. Драздаускас и др. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации.

62. Наиболее интересно и, как нам представляется, полно проблемы контекста поставлены в работе Eugenio Coseriu. *Determinacion y Entorno*.

63. Необходимо обратить внимание на один тип контекста, который, обычно, принимается как нечто само собой разумеющееся. Естественно, любое произведение речи рассматривается в его идиоматическом контексте, то есть не абстрактно, а как произведение речи на данном конкретном языке, как состоящее из материальных единиц того языка, в котором оно реализуется. Поэтому, когда говорится, скажем, о законах или правилах сочетаемости, то всегда имеются в виду законы сочетаемости данного языка. Казалось бы, об этом и не следует специально говорить, однако в настоящее время, когда в ряде теоретических работ, посвященных проблемам семантики, авторы обращаются к неким концептуальным «глубинным структурам», которые затем облачаются в словесную форму (см. раздел 2), указание на идиоматический контекст становится обязательным.

64. Интересные материалы об этом прилагательном содержатся также в работе Арне Рудскогера, посвященной проблеме полисемии слова. См.: Arne Rudskogger. Fair, Foul, Nice, Proper. A Contribution to the Study of Polysemy.

65. Ср. *narrow* : *narrow victory* — ‘победа, доставшаяся с трудом’, *to have a narrow escape* — ‘с трудом избежать опасности, быть на волосок от чего-либо’, а также *close*, *near* в этом значении.

66. Учет тематического контекста имеет первостепенное значение при определении семантики слов в произведениях художественной литературы, особенно поэзии, где его коннотации часто обусловлены художественным видением автора, всем строем, всей направленностью произведения. Например, в предложении *A nice man is a man of nasty ideas* (J. Swift.) значение *nice* — ‘over-refined, finicky, too exacting’ не раскрывается. Для его определения необходимо знание тематического контекста. Это же значение реализуется в сложно-производном *nicely-calculated*: *Give all thou canst; high Heaven rejects the lore / Of nicely-calculated less or more* (William Wordsworth). Тематический контекст вскрывает тончайшие оттенки значения. В стихотворении Уильяма Джилльберта “My Dream” — *The other night, from cares exempt, / I slept — and what d’you think I dreamt? / I dreamt that somehow I had come / To dwell in Topsy-Turveydom! — / Where vice is virtue — virtue, vice: / Where nice is nasty — nasty, nice: / Where right is wrong and wrong is right — / Where white*

is black and black is white. — *nice* означает, по-видимому, не 'generally commendable', а скорее нечто более высокое, сопоставимое с *good* 'добро' (ср. *virtue, right*) и противопоставляемое *nasty* не в значении 'dirty, filthy, foul', а в значении *evil* 'зло' (ср. *vice, wrong*). См. также, например, *ambitious* — 'full of ambition, strongly desirous of smth, doing smth', как в *Jim's an ambitious boy; he wants to be as famous as Edison* (Hornby); *An ambitious attempt* (COD); *His plans are very ambitious* (Hornby) и **Marcus Brutus**: ... *As Caesar loved me, I weep for him; as he was fortunate, I rejoice at it; as he was valiant, I honour him: but, as he was ambitious, I slew him; Marcus Antonius*: ... *But Brutus says he was ambitious; / And Brutus is an honourable man; Fourth Citizen*: ... *He would not take the crown; / therefore 'tis certain he was not ambitious* (Shakespeare). В примерах из Шекспира, как следует из тематического контекста, *ambitious* приобретает пейоративную коннотацию, не отмеченную в словарях.

67. См. Ричард II Шекспира в переводе М. Донского: Не слишком ли искусно для большого / Смеешься ты над именем своим?

68. То же значение наблюдается в выражении *Some people are more nice than wise* (Mutual Forbearance, by William Cowper — 1731—1800), которое иногда встречается и в настоящее время и означает «действующий во вред себе из ложного стыда, щепетильности».

69. В популяризаторской работе Холла (см.: A. Hall. *Linguistics and Your Language*) на вопрос *Doesn't nice really mean 'silly', so that we shouldn't use it to mean nice?* дается следующий ответ: *Nice means exactly what we mean by it at the present time. Some hundreds of years ago it meant 'silly', but what it meant earlier is no guide to what it should mean now. The only guide to what a word should mean is what it actually does mean in the mouths of the people who use it.* (стр. 3—4).

70. В связи с этим см.: Э. М. Медникова. Целевая направленность речи и семантика языка.

71. Некоторые из перечисленных слов употребляются в «несвободном» значении и без указанного постоянного контекста (своего рода эллипсис), но тогда их значение распознается только в том случае, если учитывается более широкий контекст. Например, если из *But at least I could consider myself luckier than the other few thousand still fighting their way towards the bottom rung of the ladder; while*

they were sitting in the agent's stuffy offices here was I ... (L. Durrell) вычленил узкий словесный контекст — *the bottom rung of the ladder* — он не сможет раскрыть того обстоятельства, что это — *social ladder*, в то время как в контексте всего предложения, или в контексте сверхфразового единства, или в тематическом контексте это становится очевидным.

72. Вообще, следует заметить, что поскольку в настоящее время методика лингвистического исследования лучше всего разработана именно применительно к фонологии и поскольку попытки экстраполировать эту методику в область морфологии уже дали обнадеживающие результаты, применение тех же принципов в лексикологии представляется правомерным.

73. См.: О. С. А х м а н о в а. Словарь лингвистических терминов. стр. 137.

74. См. об этом: Р. С. Г и н з б у р г. О двух уровнях семантического анализа.

75. В связи с этим необходимо еще раз отметить, что до сих пор еще не разработана теория и методика разграничения значений и употреблений, и часто бывает весьма трудно определить, наблюдаем ли мы в данном конкретном случае действительно отдельное значение слова или переносное употребление какого-либо его значения. Например, одно ли значение *dash* реализуется в *dash the cup [to the ground]*, *dash the enemy [to the ground]* и *dash smb's hopes* — или разные? Как в этом смысле следует понимать *break* в *break the cup* и *break the ice*; или *meet* в *our hands met* и *our eyes met*; или *carry off one's feet* в *the big wave carried me off my feet (I was carried off my feet by the big wave)* и *the music carried me off my feet (I was carried off my feet by the music)*; или *carry away* в *The refuse was carried away [by the wave]* и *She was carried away [by her infatuation]*; или *season* в *the fruit in season* и *a word in season*; или *grind out* в *to grind out a tune [on an organ]* и *to grind out some verses* и т.п.? (Ср. русск. *гасить свет* (свечу) и *гасить творческие порывы*).

76. По вопросу нейтрализации за пределами фонологии см.: Д. Н. Ш м е л е в. Проблемы семантического анализа лексики, стр. 292 и далее.

77. Можно возразить, что нейтрализация снимается не только более широким контекстом, но и в каждом отдельном случае, в каждой отдельной фразе методом трансформации (см. об этом Раздел II, особ. гл. 4), который

хотя и требует весьма громоздкого исследовательского аппарата (см. например: Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола), дает возможность определить тождество-различие ядерных структур, лежащих в основе подобных предложений. Однако поскольку речь идет не об отдельных фразах, вырванных из общего контекста или придуманных исследователем в качестве образцовых, а о нормальном речевом произведении — связанном тексте, то необходимость в обращении к формальным методам просто не встает.

С другой стороны, важно отметить, что формальные методы исследования исходят из недостаточно последовательно разработанных теоретических принципов и методологических предпосылок. При постулировании отказа от обращения к экстралингвистическим факторам (см.: N. Chomsky. Syntactic Structures) не учитывается тот факт, что коль скоро мы ищем пути для снятия нейтрализации, то, значит, мы интуитивно знаем о возможности соотнесения подобных фраз с разными экстралингвистическими ситуациями.

78. Одной из последних работ в этой области является книга А. И. Федорова. Семантические основы образных средств языка.

79. Большой иллюстративный материал, связанный с переносными употреблениями слов в атрибутивных сочетаниях содержится в работе С. Г. Тер-Минасовой. Синтез продуктивных и полупродуктивных словосочетаний и вопрос о «логике языка».

80. См. еще примеры переносных употреблений и переносных значений в главе 4, § 8.

ГЛАВА 4
ПРИЛОЖЕНИЕ МЕТОДИК
ЛЕКСИЦЕНТРИЧЕСКОЙ СЕМАСИОЛОГИИ
И ЛЕКСИКОГРАФИИ

§ 1. Связь между лексикографией и семасиологией

Как известно, на лексичесентрической семасиологии строится, по существу, вся лексикография — последовательное описание словарного состава. Вопрос об объекте семасиологического исследования вполне естественно возник, в первую очередь, именно в связи с лексикографической практикой, основу которой составляют определение и распределение значений слов как этических единиц¹. Независимо от того, идет ли речь о двуязычных словарях (перевод) или об одноязычных (толкование), предметом исследования являются слова, их фактическое употребление, то, как они реально понимаются лицами, пользующимися данным языком, а не существо обозначаемых словами предметов или выражаемых ими понятий (это — задача энциклопедических словарей). Таким образом, для лексикографа словарный состав языка — это совокупность дискретных единиц (слов и их эквивалентов), каждая из которых соотносится с определенными индивидуальными референтами², то есть слово — и это особенно ярко видно из работ советских ученых³ — является основной единицей языка, существующей, как и сам язык, только в речи и через речь; оно может иметь несколько значений, причем значения слов являются лингвистическими языковыми значениями. Поэтому, когда перед лексикологом, следующим лексичесентрическому направлению, стоит задача выяснить значение какого-либо слова, например, в современном английском языке, он, естественно, прежде всего обращается к многочисленным английским толковым словарям, в которых имеются не только суждения специалистов-лексикографов, но и некоторое количество канонизированных словосочетаний (иллюстраций). Он исходит из того, что лексикограф-составитель словаря уже проделал

всю подготовительную работу; исследуя разнообразные речевые произведения⁴, лексикограф составил картотеку; основываясь на своих принципах организации материала, он определил количество значений данного слова, то есть отграничил разные значения слова друг от друга и от относящихся к ним оттенков и употреблений, установил их иерархию в семантической структуре слова и соответственно отразил ее в подаче словарной статьи.

Может возникнуть вопрос — зачем же лексикологу заниматься выяснением значения какого-либо слова, если лексикограф уже проделал эту работу? Ответ на этот вопрос в данном случае заключается в определении задач семасиологии — науки о значениях и лексикографии — практического (технического) ее приложения.

Лексиколог, изучая и сопоставляя подачу материала различными словарями, извлекая примеры употребления анализируемого слова также из разнообразных аутентичных текстов (фиксирующих речевые произведения различных «жанров»), обращаясь в случае необходимости к информантам, может составить себе достаточно полное и вполне достоверное представление о семантической структуре данного слова. На основании изучения семантических структур различных слов, опираясь на сравнительную лексикологию и ономасиологию, на психологию и социологию он может решать теоретические проблемы соотношения «обозначающего», и «обозначаемого», проблемы, связанные с обнаружением системности в лексике, проблемы семантического тождества слова (полисемия vs. омонимия), проблемы иерархии значений и т.д.

Как и во всех явлениях объективной реальности, между семасиологией и лексикографией существует обратная связь. Используя теоретические достижения семасиологии, лексикография добивается более четкой и объективно правильной подачи материала⁵.

§ 2. Характер связей между отдельными значениями слова

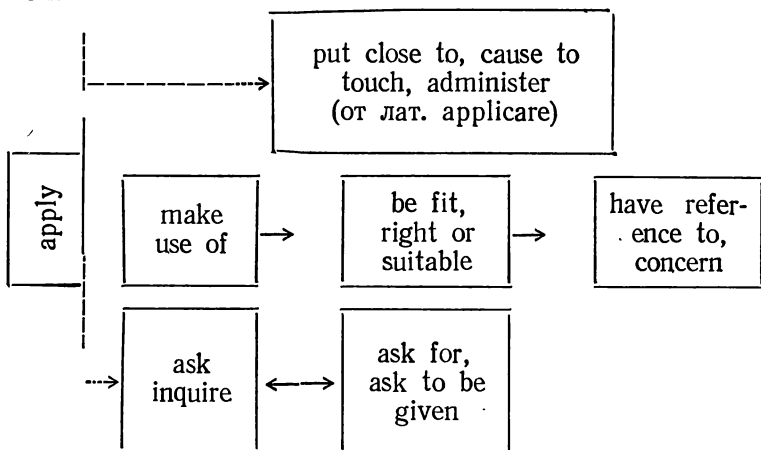
Поясним сказанное на примерах. Одним из важнейших условий функционирования языка является, как уже говорилось, многозначность слова. Теоретически обоснованная семасиология на основании изучения фактов языка, проявляющихся в речи, на основе исследования многочисленных полисемантических слов, находит отражение в

лексикографической практике. Так например, имеются слова, в которых синхронически связь между отдельными значениями явно не выражается. Тем не менее словари не подают каждую отдельную номинативную функцию одного и того же фонетического и орфографического комплекса в виде отдельного слова. Например, существительное *chain*, реализуя свои значения (или, по терминологии А. И. Смирницкого, лексико-семантические варианты⁶), употребляется в словосочетаниях *a silver (gold, etc.) chain, a stout (firm) chain, a watch chain, a chain for the bicycle, an open chain, a closed chain, a restraining chain, an endless chain, an indissoluble chain, bind in chains, be kept in chains, be kept on a chain, fasten with a chain, tighten the chain, shake off chains, put chains on the wheels, a chain of mountains, a chain of shops (hotels, restaurants, etc.), a chain of events, a chain of facts*. Связь между значением 'connected series of metal or other rings' (иначе 'a number of rings joined together') и значением а 'number of things joined together' (иначе 'a sequence, series, set of something'⁷) воспринимается как «живая», как «наблюдаемый» метафорический перенос.

То же, *mutatis mutandis*, можно сказать о прилагательном *small*, имеющем значение 'not large, little, not numerous' (например, *small size, a small town, a small factory, a small house, a small room, a small piece of paper, a small nose, a small lake, a small letter, a small fortune, a small sum of money, a small profit, a small family, a small audience, a small vocabulary, small in the waist* и т.д.), 'insignificant, unimportant' (например, *small matters, small worries, small details, small mistakes, small cause for gratitude, pay small heed* и т.д.) и 'petty, mean' (например, *small jealousies, small mind, small nature, small man, it is small of you to ...* и т.д.). Или о глаголе *die*, где в значениях 'lose vital force, become weak, faint' (например, *the wind, the storm died; the day was dying; the sound died abruptly; the noise, the conversation died; enthusiasm, interest, hope dies; the motor, the battery died*), 'be forgotten, lost' (например, *his fame will never die, his secret will die with him*), 'decay' (например, *flowers, plants die*) и т.д. легко прослеживается перенос от главного значения — 'cease to live, expire' (например, *die peacefully, die before one's time, die in the prime of life, die in agony, die in poverty, die under suspicious circumstances, die without regaining consciousness, die from a wound, die from loss of blood,*

die for want of food and water, die of fever, die for one's country, die in battle, die by one's own hand, die a beggar, die a martyr to the cause и т.д.).

В глаголе же *apply* связь между шестью значениями не во всех случаях представляется столь же очевидной. См.: 1) 'put close to, cause to touch, administer' (например, *apply leeches, apply a mustard plaster, apply iodine to a scratch, apply varnish to the surface, apply make-up liberally, apply one's eye to the telescope*); 2) 'make use of' (например, *apply the brake, apply steam to navigation, apply the new method to industry, apply the rule to this case, apply the check to the payment of a debt, apply one's energies to something, apply one's mind to study, apply the word correctly, apply the term scientifically*); 3) 'be fit, right or suitable' (например, *the law applies here, the principle does not apply in this case, this rule does not always apply, when does the rule apply?*); 4) 'have reference to, concern' (например, *this law applies to all members, it does not apply to me*); 5) 'ask, inquire' (например, *apply in person, apply by letter, apply at the office*); 6) 'ask for, ask to be given' (например, *apply for a job, for a position, apply for the right to use the library, apply for help, apply for particulars, apply to the elders for advice, apply to the authorities for a visa*. Отношения между приведенными значениями могут, по-видимому, быть представлены следующей схемой:

Отсутствие очевидных связей между значениями наблюдается также, например, в глаголе *meet*. Здесь трудно

обнаружить, каким образом соотносится значение 'come face to face with (a person or thing coming from the opposite or a different direction)', извлеченное из следующих предложений: *I met Miss Smith in the street; they met at the newspaper stand; if he comes this way we shall probably meet him; they met quite unexpectedly; he met no one when he was leaving the hotel* и т.д. и т.п., со значениями 'satisfy', выступающим в речевых ситуациях типа *meet somebody's wishes; his qualifications do not meet our requirements; will this meet the case?; that does not meet our difficulties* и т.д., 'disprove, refute' (например, *meet objections; meet criticisms* и т.п.) и значением, указываемым только в сочетании с *the eye, the ear*: *meet the eye* — 'be visible (seen)', *meet the ear* — 'be audible (heard)'⁸. Тем не менее современный лексикограф не станет рассматривать выводимые из различий в контекстах употребления разные значения слова *meet* как отдельные, самостоятельные, хотя и материально тождественные, лексические единицы, то есть омонимы.

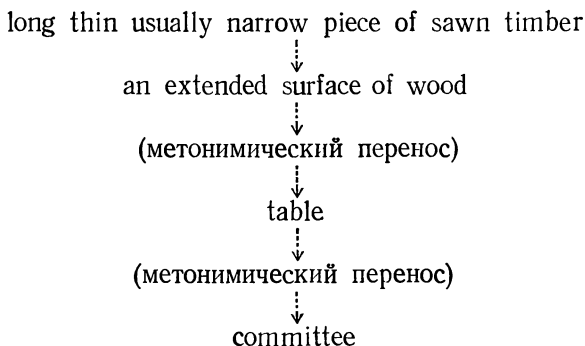
Правда, перед лексикографом, как, впрочем, и перед лексикологом, часто возникает трудность отграничения одного значения от другого и соответственно, распределения иллюстративного материала. Это объясняется тем, что семантическая структура многих слов диффузна и не поддается четкому разграничению. Так, для глагола *meet* Оксфордский словарь дает шестым значением 'Come into conformity with (person, his wishes)', а седьмым — 'Satisfy' ('demand'; *meet the case*, 'be adequate'); 'Pay (bill) at maturity'. В "The Advanced Learner's Dictionary of Current English" эти значения даются вместе: 'satisfy', *as to meet a person's wishes; to meet a bill* (i.e. 'pay it at the right time'). *Will this meet the case?* (i.e. 'be satisfactory or adequate'). Причем сюда же включены *meet a person half-way*, 'respond to his advances'; 'give way or compromise to some extent in order to satisfy him', *meet objections* (criticisms, etc.) 'answer them in a satisfactory way'. Или например, как должен поступить лексикограф с сочетанием *a small man* (учитывая, что он не может дать широкого контекста) — отнести его к значению 'not large', к значению 'insignificant, unimportant', к значению 'petty, mean' или проиллюстрировать таким образом все эти значения? Зато *meet the eye, meet the ear* выделяются, естественно, во всех словарях.

При анализе семантической структуры слова необходимо также учитывать, с одной стороны, то обстоятельство, что связи между его значениями не являются абсолютны-

ми, раз и навсегда застывшими⁹, а с другой — что разные значения не занимают в этой структуре равноправного положения. Таким образом, вопрос об отграничении значений тесно связан с проблемой установления их иерархических связей¹⁰.

§ 3. Иерархия значений слова

В лингвистической литературе, посвященной вопросам значения, имеются различные классификации, отражающие разницу в подходах к семантической структуре слова и к иерархическим связям ее элементов. Так, при рассмотрении семантической структуры слова в ее развитии выделяют **исходные** (первоначальные) значения и **производные**, выведенные из них. Например, в семантике слова *pipe* исходным значением является 'musical wind-instrument consisting of a single tube', а производными — 'tube of wood, metal, etc., especially for conveying water, gas, etc.'; 'narrow tube of clay, wood, etc. with bowl at one end for drawing in smoke of tobacco' и т.д. При этом при такой классификации часто возникает необходимость в выделении промежуточного значения, являющегося, диахронически, одним из звеньев в семантическом развитии слова между исходным и уже сложившимся производным значениями. Например, в семантической структуре существительного *board* значение 'table', являясь метонимическим переносом, выступает как промежуточное звено между значением 'an extended surface of wood' (которое в свою очередь является промежуточным между 'table' и исходным значением — 'long thin usually narrow piece of sawn timber') и значением 'committee', также связанным с метонимическим переносом. Таким образом, при диахроническом подходе значения слова *board* можно представить в следующем виде:

При синхронном рассмотрении семантики слова традиционно противопоставлялись **общее** (основное) значение и более **частные**, как бы подчиненные ему. Такое деление не могло стать научно плодотворным вследствие своей методологической неопределенности. Общее значение — это абстракция, с трудом поддающаяся дефиниции¹¹. Действительно, что следует понимать под общим значением — понятийное содержание слова или его инвариантное значение, реализующееся в разнообразных употреблениях? И в том и в другом случае совершенно неясно, каким образом понятие «общего значения» может быть применено к конкретным лингвистическим проблемам.

С иных позиций синхронически анализируемая семантическая структура слова представляет собой иерархическую совокупность **номинативного** значения, то есть такого, которое непосредственно направлено на предметы, явления, действия и качества действительности, и **номинативно-производных** значений, являющихся **вторичными** по отношению к нему¹². Например, в слове *hand* значение 'terminal part of human arm beyond the wrist' (*give me your hand*) является номинативным, а значения 'a thing like a hand' (*the hour hand is smaller than the minute hand*), 'an employee who works with his hands' (*the factory has taken on two hundred extra hands*) и т.д. являются номинативно-производными. Таким же образом в приведенном выше примере с существительным *chain* значение 'connected series of metal or other links' является номинативным, а 'a sequence of things' — номинативно-производным.

О вторичных значениях говорится и тогда, когда семантика слова рассматривается как структура, включающая прямые (собственные) значения и **переносные** (метафорические, образные, фигуральные, в общем, вторичные), приобретаемые словом в результате сознательного употребления его в речи для обозначения предмета, не являющегося его обычным или естественным референтом¹³. Переносными являются значение 'time' в слове *sand* (*the sands are running out*), значение 'death' в слове *sleep*, значение 'blindness, illusion' в слове *scale* (*He removed the scales from my eyes*=enabled me to see the truth), значение 'revolution' в слове *storm* (*the October storm*), значение 'win' или 'get something as the result of effort' в слове *land* (*he landed the first prize, She landed a rich husband*), значение 'beginning' в слове *birth* (*The sky rejoices in the morning's birth* — Wordsworth; см. тж. *rejoice*), значение 'secure,

catch, engage, succeed in getting hold of' в слове *nail* (*It won't hurt me to nail him as a client* — E. Sherry) и т.п.

При анализе соотношения слова в языке и речи используются понятия интенционального значения, то есть значения слова как единицы языка, и экстенционального значения, приобретаемого словом в данном контексте его речевого употребления¹⁴. Для обозначения эмической сущности слова, то есть значения слова «как такового», в отвлечении от всего множества мыслимых речевых ситуаций его употребления, часто используется также термин **словарное** значение. С другой стороны, «речевые» значения подразделяются на **узуальные**, или принятые в языке устоявшиеся значения, в которых слово обычно и естественно употребляется, и **окказиональные**, или значения, приданные данному слову в данном контексте речевого употребления и представляющие собой известный отход от обычного и общепринятого. Интересно сравнить, например, узуальное значение глагола *rev* в предложениях *Occasionally a few drunks from the R.A.F. mess passed by shouting or revving up their cars* (Gr. Greene); *He revved high before he let in the clutch* (J. Christopher); *There were two vacant seats on the plane that was already revving its twin motors* (B. Halliday) и его окказиональное значение в *The sounds of revving up for the football game were gone* (A. Christie). Или значения глагола *seat* в *Where shall I seat all these people?* И *She went into the living-room and sat on the edge of a chair so as not to seat her good grosgrain suit* (J. and E. Bonett).

Разницу между узуальным и окказиональным значениями можно сформулировать также как разницу между значением, отражающим синтагматические связи, характеризующие собственную семантику слова, и значением, которое, не будучи результатом регулярного сочетания слов, является исключительно **контекстным**¹⁵. Такое значение, как правило, тут же «расшифровывается». См., например, *Isn't he the typical second man? The man who always does the work* (Gr. Greene).

Все эти многочисленные наименования, если учесть еще и такое понятие как **добавочное** значение (коннотация, то есть дополнительное содержание слова), накладываемые на его основное значение семантические и стилистические **оттенки**, служащие для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов (ср., на-

пример, *house* и *hovel*, или *hate* и *loathing*, или *father*, *daddy*, *parent*, *governor*, *pater* и т.п.), создают известную путаницу, тем более, что большинство из них не являются однозначными терминами. Например, под номинативным значением понимается не только указанное выше прямое значение, непосредственно направленное на референт, но и значение, приобретаемое словом в данном его употреблении в речи, а также наименование¹⁶; вторичным называется производное, не основное, значение, а также переносное, побочное (дополнительное) значение¹⁷; словарное значение может обозначать и вещественное значение слова¹⁸ и т.п.

Весьма распространено мнение, что в определении иерархии значений лексиколог должен исходить из степени их обусловленности контекстом, причем то же относится и к лексикографу¹⁹. Тот факт, что не все значения одного слова одинаково обуславливаются контекстом, легко обнаруживается, если спросить, например, человека, владеющего английским языком, о том, что значит слово *chain*, или слово *small*, или слово *meet*. Он не задумываясь и не требуя иллюстративного контекста, в меру своих способностей находить точные определения, укажет на значение 'a number of rings joined together to make one long piece' (соответственно 'little, not large' и 'come together from opposite directions'). Для определения указанных значений данных слов ему не требуется специальный контекст, потому что эти значения меньше всего с ним связаны, потому что в речи слова *chain*, *small* и *meet* реализуют эти значения в многочисленных и различных — с точки зрения лексических и синтаксических связей — словосочетаниях, отражающих реальные ситуации, которые могут возникнуть с их реальными референтами. В этих значениях, следовательно, данные слова обладают своеобразной «неприхотливостью» значения, независимостью от контекста, то есть «минимальной синтагматической обусловленностью». Вместе с тем эти значения отличаются существенной парадигматической обусловленностью. Так, слово *chain* в указанном выше значении по линии ассоциативных связей противопоставляется словам *bond*, *fetter*, *manacle*, *shackle* (по отдельным элементам значения); слово *small* в указанном значении отчетливо противопоставляется словам *little*, *minute*, *tiny* и т.д. (по отдельным элементам значения) и словам *big*, *large*, *immense* и т.д. (полярные точки лексико-семантической парадигмы — анто-

нимы); *meet* ассоциируется, в первую очередь, с *encounter*, *confront*, *come up face to face*, *come together* или с *avoid*, *separate* и т.п.

Остальные значения этих слов не обнаруживают столь же четких и определенных парадигматических отношений со значениями других слов. Как бы лишенные собственной парадигматической закреплённости, они ассоциируются с другими словами через свое первое значение. В то же время основой для описания этих значений является именно их синтагматическая закреплённость, то есть контекст. Как мы уже видели, значение *be seen* у глагола *meet* основывается на его синтагматической связи со словом *eye*. Поэтому для выяснения данного значения у информанта недостаточно спросить, что значит глагол *meet*. Обязательно требуется уточнение: что значит глагол *meet* в словосочетании *to meet the eye*?

Не следует, однако, думать, что взаимообусловленность семантики и контекста в подобных случаях вообще указывает на подчиненность сочетаемости исключительно синтагматическим факторам. Как видно из изложенного выше, сочетаемость зависит также и от парадигматических связей, которые в той или иной степени предрешают возможность объединения одной лексико-семантической единицы языка с другой. С другой стороны, как будет показано ниже, регулярное воспроизведение какой-либо единицы в данном синтагматически обусловленном варианте является потенциальным источником оформления нового инварианта, то есть парадигматически закреплённого элемента. Речь должна идти именно о степени обусловленности, и одной из основных задач анализа семантической структуры слова является определение конкретной взаимосвязи между парадигматикой и синтагматикой.

Вопрос о иерархии значений, следовательно, решается так: значение слова, обнаруживающее наибольшую парадигматическую закреплённость и относительную независимость от контекста, является **главным**, а те его значения, которые обнаруживают, наоборот, наибольшую синтагматическую закреплённость и не обусловлены в заметной степени парадигматическими отношениями, являются **частными** (вторичными, производными и т.д.).

Такое решение вопроса определяет принципы лексикографической подачи материала²⁰. В организации словарной статьи лексикограф должен исходить именно из этого принципа и указывать первым главное значение, а частные

значения располагать в порядке нарастания синтагматической закреплённости²¹.

Изложенные выше соображения показали, что конкретное исследование семантики слова, выявляющее его синтагматические и парадигматические связи, кроме того, что оно является основанием для теоретических выводов общезыковедческого плана, служит практическим лексикографическим целям: во-первых, оно является непосредственным материалом для толкового и двуязычного словарей²², а во-вторых, раскрывая функционирование слова в речи, оно является материалом для словарей фразеологической сочетаемости²³.

§ 4. Лексикографическое описание глагола *meet* в толковом (одноязычном) словаре

Приведем в качестве примера описание глагола *meet* в толковом (одноязычном) словаре, основанное на исследовании его семантической структуры, проведенном в соответствии с изложенными выше принципами. Как уже говорилось, семасиологическое исследование должно начинаться на синтагматическом уровне. Изучение различных лексикографических источников и употреблений глагола *meet* в речи²⁴ дает возможность определить его синтагматические особенности и парадигматические связи и наметить основные параметры для классификации его значений.

Синтагматические особенности *meet* обуславливаются, с одной стороны, возможностями его синтаксической сочетаемости, что связано, в первую очередь, с тем, употребляется ли он как переходный или непереходный глагол. С другой стороны, в рамках синтаксических связей проявляется лексическая сочетаемость *meet*. Таким образом *meet* характеризуется связью 1) в качестве сказуемого с подлежащими, относящимися а) к подклассу одушевленных существительных (или с соответствующими местоимениями); б) к подклассу неодушевленных существительных, принадлежащих к различным лексическим рядам (например, *line, road, river* и т.п.; *hands, eyes* и т.д.); 2) в качестве сказуемого с дополнениями, относящимися а) к подклассу одушевленных существительных (соответственно местоимений); б) к подклассу неодушевленных существительных, принадлежащих к различным лексическим рядам (например, *train, bus* и т.п.; *word, phrase* и т.п.; *misfortune, acci-*

dent и т.п.; *demand, wish* и т.п.); 3) с различными наречиями и наречными оборотами, выступающими в функции обстоятельств. Эти последние, как будет показано ниже, играют существенную роль в определении оттенков значений при таком подходе к рассмотрению семантики данного глагола.

Парадигматические особенности *meet* обуславливаются многоступенчатыми противопоставлениями, определяющимися, прежде всего, его местом в различных лексико-семантических парадигмах. Например, в лексико-семантической парадигме *meet, encounter, come across, come face to face with* и т.п. *meet*, являясь беспризнаковым членом, противопоставляется остальным словам по признакам, связанным с понятием характера встречи (преднамеренность — непреднамеренность, дружелюбность — безразличие — враждебность и т.п.). В лексико-семантической парадигме *meet, assemble, convene, rally, congregate, come together* и т.п. противопоставление прослеживается по признаку «цель». Антонимическими отношениями *meet* связан со словами *miss, avoid; separate, scatter*. Далее, *meet* является нейтральным членом ряда стилистических парадигм; например, *meet, forgather, gam; meet, adjoin, abut on; meet, contend, rencounter; meet, date rendezvous* и т.п. *Meet* входит также в словообразовательную парадигму: *to meet, meet* (существительное), *meet* (прилагательное), *meetly, meetness, meeting, meeting-house* и т.д.

Описанная методика, то есть установление синтагматических особенностей и парадигматических связей, должна, по распространенному среди лексикографов мнению, позволить определить, сколько разных значений имеется у данного слова и какие это значения.

Одним из основных параметров разграничения значений *meet* при этом является синтагматическая связь с одушевленными или неодушевленными существительными. Поскольку сочетаемость с неодушевленными существительными обязательно предполагает определенные, и весьма четкие, семантические группы слов, то именно в ней и обнаруживается наибольшая синтагматическая закреплённость, что указывает на частный характер реализуемых значений. Парадигматические связи *meet* в этих значениях играют второстепенную роль.

Наоборот, сочетания *meet* с одушевленными существительными, причем речь здесь идет, преимущественно, о существительных со значением «лица», кроме самого этого

факта, выступают как наименее связанные определенными синтагматическими условиями (хотя не следует думать, что синтагматика вообще не должна приниматься в расчет).

Для разграничения отдельных значений *meet* в этом случае на передний план выступают их парадигматические связи. Как показал материал многочисленных словарей, одним из основных параметров, помогающих разграничить значения глагола *meet*, является некоторое семантическое свойство рассматриваемой единицы, которое закреплено парадигматически и которое можно условно обозначить как непреднамеренность — преднамеренность действия.

Как же все это будет выглядеть при обращении к конкретному материалу? В соответствии с указанным выше признаком различаются значения: 'come upon, come across, encounter (a person)' и 'come by design into the presence or company of a person'; причем, каждое из них имеет «подзначения». Так, в первом из указанных значений выделяются: а) 'come face to face with a person moving from a different direction'. Синтагматически это подзначение характеризуется сопровождающим его обстоятельством, чаще всего — обстоятельством места. Например, *I met him in the street*, *We met at the theatre*²⁵, *She met him on the steps*²⁶. Обстоятельство времени встречается значительно реже, что объясняется самим характером подзначения, которое предполагает скорее указание на то — «где», чем на то — «когда»; однако оно возможно. Например, *I met him in the afternoon (when I went out for a stroll)*; *We met just before the rain began* и т.п.²⁷. Отдельно следует остановиться на обстоятельстве образа действия. Для этого подзначения типичны наречия *accidentally, unexpectedly, by chance* и т.п.; например, *We met quite accidentally, I met him by chance* и т.п. Может показаться, что они являются избыточными, так как элемент неожиданности свойствен этому подзначению вообще. Однако дело в том, что указание на обстоятельства является непременным условием его реализации, за исключением тех случаев, когда они объясняются в контексте сверхфразового единства. Например, *I saw him coming down the street just as she turned the corner. It was inevitable that they should meet, and they met and passed each other without recognition.*

При тех же синтагматических условиях реализуется подзначение б) *come into the company or presence of a person (by chance)*. Например, *I met him on the steamer,*

Mary met John at the party, They met when they were on holidays и т.п.²⁸ Оно отличается отсутствием обязательно-го для первого подзначения «движения навстречу». Следует и здесь отметить, что это подзначение встречается, причем чаще, чем предыдущее, без «обстоятельственного сопровождения», которое, в таких случаях реализуется, эксплицитно или имплицитно, в более широком контексте²⁹.

Во втором из указанных значений различаются под-значения:

а) 'come together for companionship, encounter a person socially'. Для этого подзначения также характерна, хотя и необязательна для его определения³⁰, сочетаемость *meet* с обстоятельными словами и выражениями, в первую очередь, с так называемыми «наречиями неопределенного времени» и «наречиями относительного времени», причем для каждого из них имеется определенное место в сочетании. Например, *We seldom meet, They often meet, We have met before, I hope we shall meet again, Good-bye, till we meet again, She met him frequently, He meets her occasionally* и т.п.³¹; см. также: *They met at dawn, He met her when she came out* и т.п. (обстоятельство времени); *She met him fearlessly, They met surreptitiously* и т.п. (обстоятельство образа действия или приглагольное определение — термин А. И. Смирницкого)³²; *They met in the bower, He usually met her in the old barn* и т.п. (обстоятельства места) и т.д.³³

б) Вторым подзначением этого значения является 'keep an appointment or engagement with'. Например, *We shall meet at 3, Meet me at the corner, I shall meet you downstairs in 10 minutes* и т.п.³⁴

Выше уже было сказано, что в ряде случаев без учета более широкого контекста бывает трудно определить, какое значение исследуемого слова выступает в том или другом конкретном сочетании, так как возможна позиционно-обусловленная нейтрализация противопоставлений. Это справедливо и для глагола *meet*. Так, приведенное в качестве примера к подзначению а) первого значения *We met at the theatre* может при соответствующем более широком контексте относиться и к подзначению б) или к обоим подзначениям второго значения. Или, например, такой случай, как *They met when he came out* может быть понят как относящийся к подзначению а) первого значения и к подзначению б) второго значения. Или — указанное к

подзначению а) второго значения *They met frequently* может в определенном контексте относиться и к первому значению, и к подзначению б) второго значения. Вообще следует отметить, что подзначения второго значения весьма незначительно отличаются друг от друга, что ведет, как правило, к отсутствию иллюстраций в словарях. Действительно, все примеры, приведенные нами к первому подзначению второго значения, могут рассматриваться как относящиеся ко второму подзначению, если более широкий контекст обнаруживает «предварительную договоренность».

Подобная неопределенность или раздвоенность наблюдается не только между подзначениями, но и между значениями. Так например, следующее значение, связанное с «лицом» в качестве подлежащего или дополнения, это — ‘be introduced to or get acquainted with’. Оно характеризуется большей, по сравнению с главным значением, синтагматической обусловленностью, что проявляется, во-первых, в том, что «лицо» обозначается, как правило, либо именем, либо словом, указывающим на отношение «лица» к говорящему. Например, *I want you to meet Mr. Smith; Meet Mr. Smith; John, I'd like you to meet my sister* и т.п.³⁵ Во-вторых, как видно из указанных примеров, синтагматически для него характерно повелительное наклонение или косвенное его выражение, что связано с общим контекстом его употребления в разговорном стиле речи и в диалогической речевой ситуации. Вследствие этого *meet* в рассматриваемом значении становится компонентом формулы представления (это особенно характерно для американского варианта английского языка) или формулы вежливости при представлении (*Pleased to meet you*), и его синтагматическая прикрепленность приобретает еще большую «прочность». Исключение в смысле этих двух условий составляют фразы типа *Who is this man? I want to meet him; I'd love to meet this handsome man; I know him by sight but have never met him*³⁶. Реализация этого значения характеризуется, кроме того, отсутствием обстоятельственного слова или выражения. И вместе с тем, можно привести большое количество случаев, в которых противопоставление между этим значением и предыдущим нейтрализуется. Например, *I shall look forward to meeting her* (A. Garve — ‘познакомиться’ или ‘увидеться, встретиться?’), ... *now I've met you* (A. Garve — ‘познакомился’ или ‘встретился?’); *Does anyone at all know about you*

and me? About our having met? (A. Garve — 'о том, что знакомы' или 'о том, что встретились?').

Возникает сомнение в том, заключается ли дело только в позиционно-обусловленной нейтрализации, или здесь проявляется некоторая диффузность рассматриваемых значений, которая не разрешается указанными параметрами. Так, можно ли считать, что *meet* реализует разные значения в '*My dear!*' *he cried and sprang to meet me* (A. Christie), *She saw Cindy slip out of the house to meet him* (H. Clevely) и *He went on the cruise to meet Janet* (B. Halliday), где в первом случае имеется в виду непреднамеренная встреча, во втором — преднамеренная, а в третьем речь идет о знакомстве? По-видимому, *meet* в этих случаях остается тождественным самому себе, инвариантом, выступающим в различных контекстах употребления. Однако такой подход противоречит основному принципу обычной современной лексикографической практики, заключающемуся в стремлении представить семантическую структуру слова как можно более расчлененно, и должен быть детально обоснован. Для того, чтобы сделать это и выяснить, в какой мере методика существующей лексикографической практики соответствует или не соответствует действительному положению дел, продолжим анализ семантики глагола *meet* в рассматриваемом плане.

Следующее частное его значение может быть определено как 'assemble, come together (for purpose of conference, business, etc.)'. Семантически оно обусловлено, с одной стороны, связью с собирательными существительными со значением совокупности лиц. Например, *The Board meets once a month*, *When will the Parliament meet?*, *The court will not meet again until next month*, *The family met at dinner*. С другой — его синтагматическая закрепленность может быть реализована при помощи обстоятельства цели. Например, *They met in consultation*, *They met to discuss her proposal*. См. также: *If an earthquake were to engulf England to-morrow, the English would manage to meet and dine somewhere among the rubbish, just to celebrate the event.* (B. Jerrold).

Синтагматическая связь глагола *meet* с неодушевленными существительными лексического ряда, который может быть обозначен как «средство передвижения, транспорт», обнаруживает еще одно его значение — 'go to receive on arrival, be present at arrival'. Например, *Meet a steamer*, *He met the bus*, *A hotel bus meets all the trains*.

Рассматриваемое в идеальных условиях, это значение отличается от первого прежде всего подклассом сочетающихся с *meet* существительных; далее — имплицитруемой преднамеренностью, запланированностью, и, наконец, отсутствием обязательного обстоятельственного выражения. Однако живая речь показывает, что это отличие не может считаться абсолютным. Так, сочетание с существительным лексического ряда «транспорт» подразумевает, как правило, лицо, прибывающее этим транспортом и поэтому часто указывается именно лицо. Например, *He was sure they would meet him, I was met by my father, Tell her he's been assigned to meet her* — E. S. Gardner³⁷. Именно поэтому, видимо, определение этого значения, которое дается словарями и которое мы привели выше, не указывает на ограниченность его лексической сочетаемости существительными ряда «транспорт», хотя, как правило, в качестве иллюстраций приводятся *meet a train, a bus, etc.* Это обстоятельство можно рассматривать как свидетельство некоторой искусственности разграничения значений по признаку сочетаемости с одушевленными или неодушевленными существительными. По признаку преднамеренности данное значение совпадает со вторым значением. Однако в таком случае как *I met him at the station* как бы сливаются первое, второе и рассматриваемое значения. Действительно, во взятом отдельно примере трудно определить, имеется ли здесь в виду случайная встреча, преднамеренная встреча или «я» встречал поезд, которым «он» приехал. Пожалуй только третий момент — отсутствие указания на обстоятельства — выделяет его более или менее четко: реализация данного значения редко сопровождается обстоятельственными словами, хотя, казалось бы, обстоятельство времени должно играть в этом случае не последнюю роль. Однако именно вследствие общего смысла, о котором говорилось выше, время, когда это необходимо, определяется общим контекстом или атрибутивно. Например, *We met the morning train, You will have to meet the 4.20 (train) from London.*

Следующее значение, обнаруживающее весьма значительную синтагматическую обусловленность, включает подзначения, определенные характером сочетающихся с *meet* существительных. Так, а) преимущественно в сочетании со словами *line, road, river* и т.п. *meet* означает 'reach point of contact' или 'cross'. Например, *Here the road meets the railway.* При этом, когда оба существительные при *meet*

(и подлежащее, и дополнение) обозначают или называют водоемы, можно говорить об узуальном оттенке этого значения — 'fall into, discharge into'. Например, *Where the Blue Nile meets the White Nile*.

Это значение реализуется также и при употреблении *meet* в качестве непереходного глагола; тогда подлежащее, являющееся первым компонентом сочетания, выражается существительным во множественном числе или двумя существительными, образующими группу подлежащего. Например, *The point where these lines meet, Where the Blue Nile and the White Nile meet*.

б) Подзначение 'come into contact, touch' реализуется, как правило, в сочетании *meet* с существительными *hands, eyes* и т.п. и связано с непереходной формой *meet* (подлежащее выражается существительным во множественном числе), например, *Their hands met, Their eyes met* и т.д., хотя возможно употребление и переходной формы, например, *Her eyes met his* (см. ниже — стр. 147 — *meet smb's eye*, а также *Morty met the other man's raised eyebrows and laughed* — M. Allingham), *Her hand met his face in a resounding slap*³⁸. Это же значение выступает в приводимом всеми словарями каноническом примере *My waistcoat won't meet*. Единственное число существительного объясняется здесь подразумеваемой множественностью, вернее двойственностью (2 полы жилета).

Некоторые из сочетаний, в которых реализуется данное значение, стали, по существу, традиционными клише; например, *Their hands met, Our eyes met, Sword met sword, Many virtues met in him, Extremes meet, Make both ends meet*. Ср., также, ставшее крылатым выражение *never the twain shall meet*³⁹.

Еще одно частное значение *meet*, весьма четко обусловленное синтагматически, может быть определено как 'come across, find by chance, encounter'. Оно реализуется в сочетании со словами *word, phrase, line* (строчка) и т.п. и обычно встречается в общем контексте «чтения». Например, *I met this word in a book, I met no mention of him in this article, I often meet quotations from the Bible in his writings*. Это значение часто реализуется при употреблении *meet* с предложным дополнением: *I met with a striking phrase in this book, Words you meet with only in books*.

Может показаться, что это значение, вследствие имплицуемой случайности, непреднамеренности, должно рассматриваться в качестве подзначения первого значения.

Однако кроме того обстоятельства, что здесь в качестве дополнения выступает определенный набор слов, это значение характеризуется также семантическим элементом «привлечение внимания».

Значение, определяемое в словарях как 'encounter' и 'conflict', тоже может рассматриваться, в зависимости от сочетающихся с *meet* слов в трех подзначениях: а) 'oppose in battle, or duel, fight, contend', например, *The Armies met, This man has never yet refused to meet anyone (in a duel⁴⁰)*; б) 'face, confront', например, *He met angry words with a laugh*. В сочетаниях *meet* с существительными *objection, criticism* и т.п. реализуется подзначение в) 'oppose, refute, answer in a satisfactory way, deal with effectively'. Например, *The method by which the situation can best be met, That doesn't meet the difficulty*.

Обычно в словарях отдельно выделяется также значение 'encounter, be confronted with' — при сочетании с существительными *resistance, obstacle, refusal* и т.п., например, *The Germans met (with) stubborn resistance. Their proposal met (with) a lot of (no, little) opposition*.

Синтагматическая обусловленность характеризует значение 'experience'; причем, реализуясь в сочетаниях как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными в качестве подлежащего, оно различает подзначения, зависящие от «правой стороны сочетания»: а) 'find, receive'. Здесь *meet* сочетается с обстоятельственным словом, или с предложным дополнением, которые имеют в большинстве случаев «оценочный» характер. Это — качественные наречия *well, cordially, scornfully, joyfully, angrily* и т.п., предложные обороты *with joy, with anger* и т.п. Например, *They met me well, They met the news with joy, The suggestion met with a hearty welcome*. Для этого подзначения весьма характерен страдательный залог. Например, *This appeal (the measure, my proposal и т.п.) was met with approval (with universal sympathy, with disfavour, with a marked hostility и т.п.)*.

Предлог *with* при дополнении обуславливает реализацию подзначения б), которое определяется как 'suffer, undergo⁴¹' и характеризуется сочетаемостью, с одной стороны, с такими существительными, как *danger, misfortune, trouble, failure, death* и т.п., например, *They will meet with trouble, Although the firm met with great losses⁴²*, а с другой — правда, реже — с такими, как *triumph, success* и т.п., например, *He met with the success he richly mer-*

its⁴³. Эти две противоположные по значению группы слов связаны переходными, в этом смысле, не имеющими явных положительных или отрицательных коннотаций, словами *adventure, fortune (good fortune, bad fortune)* и т.п.

Чем больше синтагматическая закреплённость значения, тем легче оно отграничивается от других значений. Примером этому может служить значение 'comply with', в котором выделяется ряд подзначений: а) 'satisfy' — при сочетании с существительными типа *requirement, demand, claim, wish* и т.п. в качестве дополнения; например, *It does not meet my requirements, This will meet your wants, His desires have been met*. Некоторые лексикографы различают здесь два подзначения, выделяя отдельно 'come into conformity with (a person, his wishes)', причем в последнем отдельно указываются в качестве фразеологических сочетаний *meet smb half-way* — 'respond to friendly advances of, come to compromise with' (ср.: *Some people are so fond of ill-luck that they run half-way to meet it* — D. W. Jerrold) и *meet the case* — 'be satisfactory, adequate' (*This will not meet the case, Will this meet the case?*).

При сочетании *meet* со словами, обозначающими 'требования' денежного характера, реализуется подзначение б) 'pay', например, *I can't meet the bill, Who will meet the expenses?*, а при сочетании со словами, обозначающими 'обязательства', тоже, обычно денежного характера — подзначение в) 'fulfil', например, *meet one's commitments, meet one's obligations, meet one's engagements* и т. п.

Как правило, отдельным значением даются сочетания *meet* со словами *eye* и *ear* в качестве дополнения, ставшие в значительной мере традиционными, даже приближающимися к фразеологии: *meet the eye* — 'be visible, be seen'; *meet the ear* — 'be audible, be heard'. Например, *There's more to her than meets the eye* (M. Fitt); *A ghastly sight met my eyes, I hope it doesn't meet his ear*⁴⁴.

От этого значения отличают и обычно указывают в качестве фразеологической единицы *meet smb's eye* со значением а) 'see smb looking at one, look back at smb', например, *She met his eye and winked*; и б) 'look smb in the face', например, *He was afraid to (He couldn't) meet my eye*⁴⁵.

Результат приведенного анализа можно представить в виде следующего описания значений глагола *meet*, которое, с теми или иными незначительными отклонениями и перестановками, зависящими, по существу, от субъективных ощущений составителя, характерно для подачи этого глагола

в английских толковых словарях: 1. come upon, come across, encounter; a) come face to face with a person moving from a different direction⁴⁶; b) come by accident into the presence or company of a person; 2. come by design into the presence or company of a person; a) come together for companionship, encounter a person socially; b) keep appointment or engagement with; 3. be introduced to, be or become personally acquainted with; 4. (*of two or more persons*) assemble, come together (*for purpose of negotiation, conference, business*); 5. go to a place and wait for (await, be present at) the arrival of; 6. reach point of contact; a) (*of roads, rivers, etc.*) come into connection or conjunction with, converge, join, unite, cross; b) (*of hands, eyes*) come into contact, touch; 7. come upon, come across, encounter (*in a book, etc.*); 8. encounter in conflict; a) oppose in battle or duel, fight, contend; b) face, confront; c) (*of criticism, opposition, etc.*) oppose, refute, deal with effectively; 9. encounter, be confronted with (*resistance, obstacle, refusal, etc.*); 10. experience; a) find, receive; b) suffer, undergo; 11. comply with: a) satisfy (*a demand, a requirement, a wish, etc.*); b) pay (*a bill, etc.*); c) fulfil (*one's obligations, etc.*); 12. come within the perception of (*the eye, the ear*), be visible, be audible⁴⁷.

* * *

Таков метод, широко (если не сказать повсеместно) применяемый в толковых словарях различных языков. Однако как видно из приведенного анализа, различия между значениями и оттенками или подзначениями глагола *meet* не всегда выступают с достаточной очевидностью. В некоторых случаях установлению значения в том смысле, в каком оно понимается при указанной методике исследования семантической структуры слова, помогает знание более широкого контекста, когда, по существу, определяется контекстный вариант значения. Но это не меняет того обстоятельства, что в глаголе *meet* наблюдается определенная семантическая диффузность, затрудняющая расчленение значений. Толковые словари тем не менее их различают⁴⁸, хотя этим семантическая расплывчатость и нечеткость никак не снимаются. Дело в том, что этот метод (или, вернее, совокупность лексикографических приемов) не имеет под собой строгой научной основы. Научное же обоснование в данном случае зависит, прежде всего, от того, каким образом решается вопрос о полисемии, не получивший еще

достаточно полного и определенного теоретического освещения.

Теория полисемии действительно не может считаться полностью разработанной. Как известно, до сих пор никто еще не дал вполне убедительно ее аргументации, то есть не сумел обосновать и доказать, что полисемия реально существует. Иными словами, взгляды лексикологов, отрицающих полисемию⁴⁹, утверждающих что у каждого слова есть только одно значение, один семантический инвариант, никем еще с достоверностью опровергнуты не были. Это не может не отражаться и на лексикографическом аспекте проблемы, в частности на вопросе о способах подачи соответствующих лексем в словарях.

Связь теории с практикой здесь совершенно ясна: практическая лексикографическая работа всецело определяется решением теоретического вопроса о природе полисемии вообще. Пока в этот вопрос не будет внесена полная ясность, в лексикографической практике наличие у слова многих «значений» будет приниматься не только как данное, но и вообще как незыблемая и вечная истина, не подлежащая обсуждению. Поэтому существующие лексикографические пособия отличаются, как правило, дробной подачей семантической структуры слова, разделенной на многочисленные «значения» и «подзначения», снабженные надуманными и, вследствие этого, часто неуклюжими определениями; причем создается впечатление, что это расчленение за счет оттенков действительного значения в живом употреблении, то есть за счет контекстуально обусловленных реализаций инварианта, является произвольным, субъективным и, естественно, фактически совершенно бесполезным для дела⁵⁰.

Как же тогда следует рассматривать глагол *meet*? Как применить сказанное к анализу такого слова, семантика которого явно подвержена видоизменению в реальных произведениях речи?

Как видно из приведенного материала, инвариантное значение *meet* есть нечто, что можно сопоставить с инвариантным же значением русского глагола «встретить»⁵¹. Наиболее приемлемой из всех приводимых словарями в качестве определения перифраз является, по-видимому, 'come together'. Именно это (одно) значение со всеми его разнообразными оттенками можно найти во всех случаях, указанных выше в качестве иллюстраций к «значениям» 1, 2, 3, 4 и 5. Именно это значение реализуется в *He walked*

all day without meeting anyone (N. Shute); I met her on the way from the office; Jacques met him at the doorway and started to talk (H. Longbaugh); If we meet him, scram (T. H. White); Then she, too, left her desk and ran with the rest to meet him (N. Shute); The Labrador, happy to be the means of uniting friends, ran to and fro between them in shortening stretches until they met (M. Fitt); the unexpected visit of a girl he'd met on holiday (A. Garve); We fraternize as man to man in the pub but everyone thinks we met down there (M. Allingham); The sort of neutral, unobtrusive background a man such as the Arthur Devlin he had met two years ago would select (B. Halliday); I wish I had met you two years ago, before I married her (R. Chandler); English people who meet American friends (B. Foster); When we learn exactly when you first met her... (B. Halliday); ...And considering we only met today, it seems a bit crazy (A. Garve); He did like the girl's voice and he really wanted to meet her (G. H. Coxe); Leonard resented Walter Dorrance without ever having met him (G. H. Coxe); I have never met a private detective (R. Chandler); The trawler's visit left one more person to be met (T. H. White); Nothing more easy than to meet him (N. Shute); It is a pleasure to meet Mr. Warren (N. Shute); The men were pleased to meet the twins (T. H. White); The secretary had made an appointment for him to meet them that afternoon (N. Shute); "What did he want, Mum?" I asked her. She said he wanted me to meet him. She said he'd asked me to meet him outside the Blue Goose and he'd rung off before she could tell him she didn't like me meeting boys in the street (H. Cecil); When will the Heads of the Department meet? (M. Frayn); We shall have to meet to discuss the situation (Sh. Mead); We met in London (B. Foster); When Frinton landed Pinkie was there to meet him (T. H. White).

Во всех приведенных контекстах *meet* выступает в этом инвариантном значении, которое включает и случайную встречу и преднамеренную, и первую встречу и не первую, и деловую встречу и светскую и т. д. То обстоятельство, что по-русски говорят «собраться, чтобы обсудить...», а по-английски "meet to discuss" или что английская хозяйка говорит "Will you meet Mr. X.", а русская в подобной ситуации скажет — «Можно вам представить такого-то», или «Разрешите познакомить вас с таким-то», или «(По)знакомьтесь», никак не может повлиять на инвариантное значение **английского** глагола (также как, например, перевод английского слова *change* русским «мелочь» никак не может

повлиять на значение английского слова или оторвать его от семантической «сферы» или «поля» размена, обмена и т. п.). Английское языковое мышление понимает «собраться» как «встретиться», «познакомиться» как «встретить» и т. п. и так это и осмысляет.

Приведем еще один пример, где инвариантность *meet* выступает особенно наглядно: "*Nicola, my dear,*" he said, "*may I introduce —*" "*But we've met!*" Nicola cried. "*Often. Haven't we? ...*" (N. Marsh). Здесь обращает на себя внимание нерасчлененность *meet* — 'знакомиться' (сравни: *introduce — meet*) и *meet* — 'встречаться' (*often*).

«Встретить» друг друга могут не только люди (в самых разных ситуациях: на улице, в театре, на вокзале, в клубе, на приеме и т. д.) или вообще не только одушевленные (см., например, *It is as if two fleas walking across a ballroom floor should meet* — Т. Н. White), но, переносно, человек может «встретиться» с неодушевленными предметами, также как и эти последние могут «встречаться» друг с другом. Таким образом, инвариантное значение характеризуется возможностью вариантной реализации, иллюстрацией чему могут служить примеры, приведенные выше к значениям 5, 6, 7 и 12, а также и следующие случаи: *Shall you meet the train?* (Hornby); *The helicopter came buzzing into the level light of evening... The twins were there to meet it* (Т. Н. White); *Or your shadow at evening rising to meet you* (Т. С. Eliot); *He saw the green twinkling sea shooting up towards him as it rose to meet him* (Т. Н. White); *The two trains meet at Crewe* (Hornby); *As lines so loves oblique may well /Themselves in every angle great/ But ours so truly parallel, /Though infinite can never meet* (Andrew Marvell); *Our hands have met but not our hearts; / Our hands will never meet again* (Thomas Hood); *He met her eyes, mocking him* (N. Shute).

Когда же можно говорить о возникновении (или, соответственно, наличии) еще одного значения? Можно предположить, что в данном случае отдельное значение находится *in statu nascendi* тогда, когда «встреча» оказывается связанной с понятием «преодоления»; причем также как и в уже рассмотренном значении, различные оттенки и переносы обуславливаются тем, к какой группе слов и, соответственно, обозначаемых этими словами явлений относится «встречаемое». К указанным при значениях 8, 9, 10 и 11 примерам этого, уже как бы выделяющегося второго значения можно добавить следующие: *Well, I'll meet you on those grounds at the proper time and in the proper place*

(P. S. Gardner); *Why comes temptation but for man to meet / And master...* (Robert Browning); *The nonstandard speaker, when he meets with this kind of snobbery* (R. A. Hall, Jr.); *On meeting obstructions the water is thrown up* (T. H. White); *It is interesting to see that in 1955 the word 'radio' could still meet with opposition on the score of being an Americanism* (B. Foster); *Americanism infiltrating into the British scene do not meet with opposition* (B. Foster); *I hope that meets all your objections to Samaritan II* (M. Frayn); *Enrique met with an accident* (L. Charteris); *a young man, strong enough to meet all your demands* (M. Fitt); *He threatens a supersonic blackout on August the tenth unless his demands are met* (T. H. White); *The men will strike if the claim isn't met* (J. Creasey); *This year's car does not meet our mechanical needs* (B. Foster); *I can't meet this bill* (Hornby).

Так могло бы выглядеть семантическое строение слова *meet*, если его анализировать, исходя из отрицания полисемии, то есть если настаивать на инвариантном и вариантном воспроизведении одного и того же, по существу, элемента. Конечно, этот подход будет прямо противоположным тому, который в настоящее время применяется большинством лексикографов, и принятие данной ориентации потребовало бы изменения всей лексикографической практики, всей системы подачи соответствующих слов и, следовательно, пересмотра метаязыка лексико-семантического описания (то есть точного, однозначного определения терминов — и, соответственно, понятий — «значение», «подзначение», «отенок», «употребление» и т. д.).

Вопрос о разработке новых принципов подачи материала в толковых словарях является вопросом первостепенной важности, потому что основная задача научной лексикографии должна состоять не в том, чтобы произвольно и поверхностно разорвать, раздробить слово на части, а в том, чтобы раскрыть его подлинную семантическую целостность как инвариантной единицы, которая остается тождественной себе при всех поворотах разными гранями, во всех своих видоизменениях, во всех модификациях, которым оно неизбежно подвергается при постоянном функционировании в разнообразных произведениях речи.

§ 5. Двухязычная лексикография

Все сказанное выше относится только к лексикографии одноязычной, то есть к собственно научной лексикографии, к лексикографии толковых и академических словарей. Сло-

вари этого рода никогда не должны и не могут рассматриваться как практические пособия, как простые справочники. Они призваны научно показать подлинную семантическую структуру каждого отдельного слова и всей лексической системы данного языка в целом.

Совершенно другую, особую, также очень сложную и мало изученную проблему, представляет собой лексикография двуязычная. Здесь речь идет уже не только о строго научном раскрытии смыслового строения слова данного языка, но и о систематическом сопоставлении его с теми единицами языка-объекта (*target language*), которые должны быть предложены в качестве переводов всех значений, подзначений, оттенков, употреблений слова языка-источника (*source language*). Иными словами, составитель двуязычного словаря поставлен перед необходимостью решить сложнейшую задачу — подвергнуть семантические структуры слов языка-источника детальному и исчерпывающему переводу средствами языка-объекта, то есть найти место в сопоставительном описании двух словарных составов для неопределенно большого количества лингвистического материала. Поэтому здесь вопрос идет уже об известном пренебрежении парадигматическим аспектом, о возможно более широком привлечении фактических синтагматических реализаций, вплоть до мельчайших оттенков и «подподзначений», так как никакие общие определения не смогут обеспечить перевод слова в каждом данном контексте.

§ 6. Сопоставительный анализ

Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению того, каким образом может быть представлен в двуязычном (англо-русском) словаре исследованный выше глагол *meet*, необходимо еще раз подчеркнуть тот широко известный факт, что каждому языку свойственно свое семантическое строение. Это значит, что каждый язык по своему «избирает» те аспекты или характеристики реально различающихся предметов, явлений, процессов, которые семантически их объединяют и позволяют обозначить одним словом. В английском языке семантически объединяются и обозначаются одним словом те реальные процессы, которые в русском языке имеют разные наименования. С этой точки зрения двуязычные словари представляют собой практическое применение достижений еще одной стороны сема-

сиологического исследования, основывающегося на лексикоцентрическом подходе к проблеме значения, а именно — сопоставительного анализа.

Принципы, методы и приемы сопоставительного лингвистического исследования, то есть исследования, основанного на сравнении соответствующих явлений разных неродственных языков, помогающего лингвисту глубже проникнуть в сущность специфических особенностей и свойств отдельного языка и открывающего перед ним путь для изучения возможностей установления языковых универсалий, неодинаково разработаны для различных уровней языка. Наибольших успехов сопоставление достигло в области фонетики и грамматики, в то время как лексике до сих пор уделялось значительно меньше внимания⁵². Однако именно сопоставительный анализ лексики, проводимый с достаточной последовательностью и на основе четко разработанной методики, может способствовать решению целого ряда самых актуальных практических и теоретических вопросов.

Из сложнейших методологических проблем, связанных с сопоставительным анализом лексики, выделяется следующая: что является исходным материалом исследования — что подвергается анализу — слово во всей полноте его значений и его эквивалент в другом языке или понятие, фиксируемое в лексемах различных языков? Иными словами, может ли исследователь проводить сопоставление только в лингвистических терминах или существует необходимость обращаться к экстралингвистической реальности? На этот вопрос, связанный с проблемой онтологии языка, существует один ответ: в лингвистическом исследовании вообще, а особенно в сопоставительном исследовании лексики, нельзя обойтись без обращения к экстралингвистической действительности⁵³, без учета хотя бы соотносительности слова и понятия⁵⁴. Это, кажущееся безусловным, положение не всегда и не всеми принимается как обязательное. Часто исходят из того, что значение слова является относительно самостоятельной величиной, характеризуемой не только постоянной связью с другими словами и зависимостью от всей лексико-семантической системы, но и обладающей определенной «субстанцией» вне контекста. Вследствие этого считается достаточным сравнивать эти, обладающие собственным (лингвистическим) содержанием, значения⁵⁵.

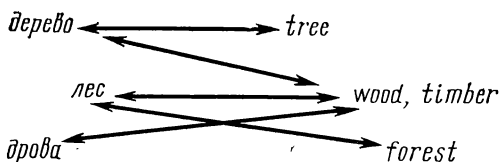
Исходя из диалектико-материалистического понимания отношения между словом, понятием и отражаемой созна-

нием человека объективной действительностью, мы не можем согласиться с такой точкой зрения. Нам представляется, что исходным материалом исследования в лексических сопоставительных работах должно служить слово, являющееся во всей совокупности его вариантных модификаций общественно закрепленным выражением понятия. Само слово не есть отражение внеязыковой реальности. Слово через свое значение, связанное с объективно-реальным звучанием (звуковой комплекс), обозначает объект и фиксирует понятие о нем. Не будучи тождественными, слово и понятие находятся в неразрывном единстве. Таким образом, при сопоставлении сходных лексических единиц разных языков мы обязательно должны учитывать экстралингвистические факторы.

§ 7. Принцип эквивалентности

Одним из важнейших принципов сопоставительного анализа является принцип «эквивалентности», понимаемый как определенного вида соответствие между словами двух языков, а не их тождество. «Тождество» слова определяет его регулярную воспроизводимость в речи⁵⁶, независимо от грамматической формы или лексико-семантического варианта, в котором оно конкретно реализуется. Сопоставляемые слова функционируют в составе разных языков, обладающих собственными грамматическими и семантическими системами, поэтому вопрос о тождестве двух единиц разных языков не может ставиться. Отсутствие тождества не означает, однако, что слова не могут быть соотнесены, что они не эквивалентны. Эквивалентность таких слов, следовательно, определяется, прежде всего, сходной предметной отнесенностью; причем своеобразие и специфический путь развития отдельного языка, имеющего свои особые лексическую и грамматическую системы, определяют степень этой эквивалентности. Так, например, различные степени эквивалентности наглядно выступают при сравнении таких параллелей, как *русск. рука* и *англ. hand* и *arm*. Здесь можно говорить о полной эквивалентности русского слова двум английским и частичной эквивалентности каждого из них русскому слову.

В известной схеме А. И. Смирницкого⁵⁷ рассматривается более сложная система эквивалентности между *русск. дерево* и *англ. tree*:

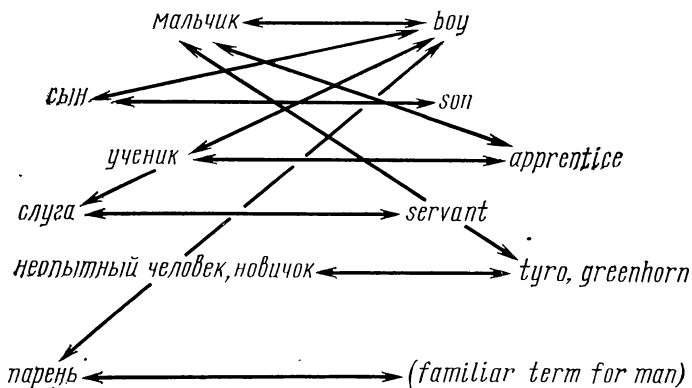

Здесь, как мы видим, *дерево* и *tree* являются частичными эквивалентами, так как *дерево* как «строительный материал, древесина» соотносится с *wood* или *timber*. С другой стороны, *wood* эквивалентно русск. *лес* и *дрова*, а *лес*, в свою очередь, соотносится не только с *wood* и *timber*, но также и с *forest*.

Как видно из изложенного выше, неясным остается вопрос о том, подвергается ли сопоставлению слово или его значение (значения). Здесь мы сталкиваемся с некоторой непоследовательностью. Обычно в начале исследования речь идет о слове. Например, сопоставляются русск. *мальчик* и англ. *boy*. Поскольку, как уже говорилось, семантические объемы, семантические системы разноязычных слов, сходных в отношении выражаемого ими основного понятия, не совпадают, обнаруживается своеобразное перекрещивание семантических линий в системах разных языков, и исследователь, как правило, переходит к сопоставлению значений и, более того, употреблений. По-видимому, в исследованиях подобного рода это неизбежно⁵⁸. Поэтому при сопоставлении указанных выше слов исследователь, начиная с главного значения, рассматривает соотношение их семантических структур:

Это сопоставление может быть представлено следующей схемой:

Естественно, что и глагол *meet*, русским эквивалентом которого в главном значении является глагол «встретить», не полностью совпадает с ним по своему семантическому объему, особенно при сопоставлении, отвечающем требованиям двуязычного словаря.

Для того, чтобы раскрыть подлинную систему эквивалентности между *meet* и его русскими соответствиями, необходимо подвергнуть планомерному сопоставлению все речевые ситуации (контексты), в которых встречается *meet* с параллельными контекстами в русском языке. Конечно, когда мы говорим «все контексты», мы не имеем в виду действительно все возможные случаи употребления *meet*, поскольку они не могут быть нам известны. Речь может идти о сопоставлении употребления *meet* и его эквивалентов в произведениях одного автора (подлинник и перевод), о сопоставлении в пределах одного жанра и т. п. Наиболее общее представление дает сопоставление типичных контекстов употребления, которые, как видно из приведенного выше материала, достаточно полно и широко приводятся большими толковыми словарями. На основании сопоставительного анализа последних можно установить, что *meet* имеет своими эквивалентами, кроме глагола *встретить* (соответственно *встречать*), который, будучи сам довольно емким по своей семантике, покрывает большую часть семантического пространства, охватываемого глаголом *meet*, также и *встретиться*, *встречаться*, *собираться*, *сходиться*, *соприкасаться*, *сливаться*, *сочетаться*, *знакомиться*, *удовлетворять* и т. д.

Так, *встретить (встречать)*⁵⁹ выступает как эквивалент *meet* в случаях: а) *I met him in the street* — я встретил его на улице, *I met him by chance* — я встретил его случайно, *I often meet him in the library* — Я часто встречаю его в библиотеке и т. п.⁶⁰; б) *meet the train [the bus]* — *встречать поезд [автобус]*, *The children were met by their father* — Демей встречал (встретил) отец, *I was assigned to meet him (at the station)* — Мне поручили *встречать (встретить)* его (на вокзале) и т. п.⁶¹; в) *They met the news with joy* — Они радостно встретили эту новость, *He met my words with a smile* — Он встретил мои слова улыбкой, *They were met with jeers* — Их встретили насмешками и т. п.⁶²; г) *We met with a hearty welcome* — Мы встретили радушный прием, *We did not expect to meet with a refusal* — Мы не ожидали *встретить* отказ, *The proposal (was) met with universal approval* — Предложение было встречено всеобщим одобрением (*встретило* всеобщее одобрение), *The Germans met (with) stubborn resistance* — Немцы встретили упорное сопротивление, *We didn't meet any opposition from him* — Мы не встретили с его стороны никакого сопротивления и т. п.⁶³.

В случаях типа: а) *They met at the entrance to the theatre* эквивалентом *meet* является *встретиться (встречаться)*⁶⁴. Например, *We met quite accidentally* — Мы встретились совершенно случайно⁶⁵, *They met at the crossroads* — Они встретились на развилке дорог, *At this station the trains meet* — На этой станции поезда встречаются, *The cars met on a narrow road* — Машины встретились на узкой дороге, *We shall meet at 3* — Мы встретимся (встречаемся) в три часа, *I am to meet him in ten minutes* — Я должен встретиться с ним через десять минут, *We always meet at one o'clock* — Мы всегда встречаемся в час дня, *They met with difficulties* — Они встретились с трудностями и т. п. Эквивалентность *meet* и *встретиться* устанавливается также в случаях б) *When the champions meet* — Когда встречаются чемпионы, *He refused to meet X* — Он отказался *встретиться* с X и т. п.⁶⁶; в) *I met this word in a book* — Это слово *встретилось* мне в книге, *I met some interesting passages in this book* — В книге *встретились* интересные места, *I met no mention of him in this article* — Мне не *встретились* ссылки на него в этой статье, *You don't meet it every day* — Это (такое) не часто *встречается* и т. п.⁶⁷; г) клишированных фраз типа *Their hands met* — Их руки *встретились*; *Their eyes met* — Их взоры (взгляды) *встретились*.

Встречаться является эквивалентом *meet* также и в случаях *They met surreptitiously* — Они встречались тайно (тайком), *They seldom meet* — Они редко встречаются, *Haven't we met before?* — Мы, кажется, уже встречались?; *At one time I used to meet your brother in Leningrad* — Я когда-то встречался с вашим братом в Ленинграде, *She is too young to be meeting boys* — Ей еще рано (она слишком молода, чтобы) встречаться с мальчиками и т. п.⁶⁸.

*Собираться*⁶⁹ выступает как эквивалент *meet* в случаях *The family met at dinner* — Семья собралась за обеденным столом, *Our club meets once a week* — Члены нашего клуба собираются раз в неделю, *The Board meets once a month* — Правление собирается раз в месяц, *They met in consultation* — Они собрались, чтобы обсудить этот вопрос, *When will the Parliament meet?* — Когда соберется парламент? и т. п. То обстоятельство, что употребление *meet* в данном случае, как правило, имеет коннотацию деловой встречи (для переговоров, обсуждения чего-либо), не меняет дела, поскольку эта коннотация может присутствовать и в русском языке: такая встреча — «заседание» — и есть собрание членов какой-либо организации для обсуждения чего-нибудь⁷⁰. В связи с наличием или отсутствием данной коннотации, что определяется контекстом, появляется возможность замены эквивалента в таких, например, случаях, как *When old friends met* — Когда собрались старые друзья. и *Когда сошлись старые друзья*. То же относится и к первому из указанных здесь случаев. Вообще вопрос замены эквивалента или, вернее, возможности другого перевода будет обсуждаться ниже. Мы лишь воспользовались случаем, чтобы еще раз обратить внимание на сложность семантических связей между сопоставляемыми языками.

Сойтись (сходиться) выступает в качестве эквивалента *meet* в случаях а) *These lines [roads] meet* — Эти линии [дороги] сходятся⁷¹, *Extremes meet* — Крайности сходятся, *When the two armies [fighters] met* — Когда две армии [два борца] сошлись⁷²; б) *My waistcoat won't meet* — Мой жилет не сходится, *The belt won't meet round my waist* — Этот ремень (пояс) на мне не сходится⁷³. В каузативных конструкциях эквивалентом *meet* в данном значении выступает *свести (сводить)*⁷⁴, например, *make both ends meet* — сводить концы с концами.

Рядом с приведенными выше можно рассмотреть также семантически близкие им эквиваленты: *соприкасаться*⁷⁵, соотносящееся с *meet* в случае типа *Our fields meet at this*

fence — Наши участки соприкасаются у этой изгороди; сливаться — в случаях типа *Where the two brooks meet* — Где два ручья сливаются (в речку). В случае же типа *Where the Кама meets the Volga*, при том же, по существу, значении, эквивалентом *meet* следует считать *впадать*: *Где Кама впадает в Волгу*; сочетаться — в таких примерах, как *Courage and caution meet in him* — В нем сочетаются храбрость и осторожность, *Many virtues met in him* — В нем сочеталось много достоинств.

Знакомиться является эквивалентом *meet* в случаях *John, I'd like you to meet my sister* — Джон, я хочу познакомиться вас с моей сестрой, *Meet Mr Smith* — Познакомьтесь с г-ном Смитом, *Have you met Mr. Smith?* — Вы знакомы с г-ном Смитом?, *I know him by sight but have never met him* — Я видел его, но мы незнакомы, и т. п.

Удовлетворять выступает в качестве эквивалента в тех случаях, когда *meet* сочетается с существительными *requirement, demand* и т. п. Например, *We are unable to meet their demands* — Мы не в состоянии удовлетворить их требования. При том же значении *meet*, но при сочетании его с существительными *bill, expense* и т. п. эквивалентом является *оплачивать*, например, *Meet a bill* — Оплатить счет. Ср.: *meet one's obligations (liabilities)* — уплатить по обязательству.

Опровергать является как бы частным эквивалентом в случаях типа *meet objections, criticism* и т. п. Например, *He met all their objections* — Он опроверг все их возражения. Часто в таких случаях более точным может оказаться эквивалент *справляться*. Например, *He was unable to meet their criticism* — Он не смог справиться с критикой (ответить должным образом). *Справляться* является эквивалентом *meet* и в случаях *Measures by which the situation can best be met* — Меры, при помощи которых можно наилучшим образом справиться с возникшей ситуацией, *I don't know how this difficulty can be met* — Я не знаю, как справиться с этим затруднением.

И, наконец, когда мы имеем дело с фразеологическими единицами, одним из компонентов которых является *meet*, или с сочетаниями, которые можно считать переходными в этом смысле, вопрос уже должен ставиться не об эквивалентах отдельно взятого *meet*, а о глагольных эквивалентах всей фразеологемы. Например, *meet the ear*, объясняемое толковыми словарями как 'be audible', — 'быть слышимым', чаще употребляющееся в форме *meet smb's ear*, соот-

ветствует русск. *дойти до слуха*: *It has met my ear that...* — *До моего слуха (До меня) дошло, что...* Однако в зависимости от условий речевой ситуации можно предложить и такой эквивалент как *Мне стало известно, что...* См. также *More is meant (There is more here) than meets the ear* — *За этим (этими словами) кроется нечто большее (еще что-то)*. Соответственно, эквивалентом *More than meets the eye* является *больше, чем (не так просто, как) кажется на первый взгляд*. Единица *meet smb's eye* ('be visible to smb'), вследствие своей многозначности соответствует а) 'открыться (взгляду, взору)'; например, *A ghastly sight met his eyes* — *Ужасное зрелище открылось перед ним*; б) 'поймать чей-либо взгляд'; например, *She met my eye and smiled* — *Она поймала (перехватила) мой взгляд и улыбнулась* (ср. *She met my eye with a smile* — *Она ответила на мой взгляд улыбкой*); в) 'встретиться с кем-либо взглядом, прямо смотреть в глаза кому-либо'; например, *He was afraid to meet my eye* — *Он боялся посмотреть мне (прямо) в глаза* (ср. *He won't meet my eye* — *Он отводит от меня взгляд*). Эквивалентом *meet the case* является *подходить или разрешать вопрос*; например, *I am afraid this won't meet the case* — *Боюсь, что это не подойдет (не решит дела)*.

Фразеологическая единица *meet smb half-way* соответствует русск. *пойти навстречу (на уступки) кому-либо* или *пойти на компромисс с кем-либо*. Отсюда эквивалентом *meet trouble half-way* является *терзаться преждевременными опасениями, заранее беспокоиться (по поводу ожидаемых неприятностей)* и т. д.

§ 8. Лексикографическое описание глагола *meet* в двуязычном словаре

Мы показали семантические эквиваленты глагола *meet* в русском языке, на которых должна основываться его подача в двуязычном словаре. Теперь следует расположить этот материал таким образом, чтобы он, в наиболее доступном, удобном для пользования виде, одновременно раскрывал и все оттенки значения *meet* с учетом частотности их употребления в современном английском языке и как можно шире показывал возможности перевода этого глагола в различных контекстах его употребления.

На этом последнем моменте необходимо остановиться. Дело в том, что эквивалентность не покрывает все возможности перевода. Существующие средние и малые⁷⁶ двуязычные словари приводят, за редким исключением, именно

основные эквиваленты. Предполагается, что человек, пользующийся таким словарем, понимает его ограниченные возможности. Иначе говоря, хотя двуязычный словарь является переводным, он не показывает все способы передачи *meet* на русский язык; как и обычный толковый словарь, иллюстрации которого представляют собой типичные случаи употребления, он ограничивается типовым переводом. Последний, являясь правильным, служит в то же время (особенно для переводчика художественной литературы) как бы отправным пунктом, толчком для дальнейших поисков нужного слова, могущего наиболее точно и ярко выразить не только значение *meet* в определенном контексте, но и те его коннотации, которые связаны с данным контекстом, с данной речевой ситуацией. Так, приведенные выше иллюстрации, адекватно соотнесенные с русскими эквивалентами, могут найти и иные соответствия, которые либо более тонко различают конкретное употребление, либо являются своего рода вариантами, возможными при данном употреблении, либо обнаруживают определенные стилистические нюансы.

Не имея возможности учесть все могущие возникнуть случаи, приведем несколько примеров, в которых вместо указанных выше эквивалентов появляются другие переводы: *I met him in the street* — Я столкнулся с ним на улице; *We met accidentally* — Мы повстречались случайно; *When I met him* — Когда он попался мне навстречу; *She went (sprang, ran) to meet him* — Она пошла (вскочила, бросилась) ему навстречу; *I met this word in a book* — Я натолкнулся (наткнулся) на это слово в книге, это слово попало мне в книгу; *I often meet him in the library* — Я часто вижу его в библиотеке; *I am to meet him in ten minutes* — Я увижу его через десять минут; *We shall meet at three* — Мы увидимся в три, У нас назначена встреча на три; *I'll tell you about it when we meet* — Я расскажу вам об этом при встрече; *When we met last* — Когда мы последний раз виделись, Во время нашей последней встречи; *They seldom meet* — Они редко видятся; *We do not meet* — Мы не поддерживаем знакомство; *Will a bus meet the train?* — На станции будет автобус к приходу поезда?; *The court will not meet again until next week* — Новая сессия суда начнется только на следующей неделе (не раньше следующей недели); *Our fields meet at this fence* — Граница между нашими участками проходит вдоль этого забора; *The boards do not meet* — Доски плохо подогнаны; *Here the trees meet*

the water — Деревья здесь подходят вплотную к воде; *This string won't meet round the parcel* — Этой веревки не хватит, чтобы завязать пакет; *The point where the two lines meet* — Точка, в которой пересекаются эти линии; *Their eyes met* — Они посмотрели друг на друга, Они обменялись взглядами, Они переглянулись; *Her hand met his face in a resounding slap* — Она дала (залепила) ему звонкую пощечину; *The measure met with objections from all sides* — Эта мера вызвала всеобщий протест; *He couldn't meet his debts* — Он не (с)мог покрыть долги; *He has many expenses to meet* — У него (Он несет) большие расходы; *This won't meet the case* — Это ничего не даст⁷⁷.

Неизбежным результатом того, что семантические системы двух языков не совпадают и не могут просто «накладываться» друг на друга и того, что в двуязычном словаре должны учитываться оба аспекта — семантическая структура *meet* и система его эквивалентов в русском языке, причем последняя с учетом возможностей перевода — является не только дробность подачи материала, но и некоторая искусственность в его членении. Поясним это на примере: в таких контекстах как *meet with difficulties*, *meet with resistance*, *meet with opposition* и т. п. эквивалентом *meet* как указывалось выше, является *встретить* или *встретиться* (*встретить затруднения*, *встретиться с трудностями* и т. д.). Однако в данном случае мы имеем дело не с первым из рассмотренных нами инвариантным значением *meet*, а с тем, которое связано с «преодолением» и т. п. (см. стр. 151). Это подтверждается также и возможностями перевода (*столкнуться с затруднениями*, *натолкнуться на сопротивление* и т. п.). По этим причинам для удобства пользования словарем *meet with difficulties* и пр. выделяются в отдельную группу. К этой же группе, естественно, относится *meet with a refusal*, переводом для которого, по нормам сочетаемости в русском языке, указывается *встретить отказ*. С другой стороны, *meet with approval* оказывается в другой группе контекстов (вместе с *meet smb well* и т. п.), в качестве общего эквивалента которых называется *встречать*. С точки зрения английского языка в обоих случаях, как уже говорилось, реализуется одно значение. Необходимость повторения эквивалента объясняется тем, что русский глагол *встречать* имеет несколько оттенков значения, соотносимых с разными оттенками значения *meet*.

Этих сложных переплетений удастся избежать только в малых словарях, где не приводятся иллюстрации, а пе-

речисляются лишь различные эквиваленты, из которых пользующийся словарем выбирает представляющийся ему наиболее подходящим для данного контекста.

Указанные технические особенности и трудности подачи материала в большом двуязычном словаре, обусловленные тем, что такой словарь служит скорее практическим, утилитарным целям, чем целям научного раскрытия смыслового строения исходного слова, оказываются одновременно еще одним подтверждением высказанного выше положения о семантической инвариантности слова и оттенках, вариантах его в живом употреблении (см. стр. 149).

Учитывая сказанное, представляется, что наиболее полезным, эффективным и удобным будет такой англо-русский словарь, в котором в пределах разумного (имеется в виду как объем словаря, так и частотность употребления отдельных единиц) будут показаны прямые его эквиваленты в русском языке, а также и некоторые возможности перевода. Так, для *meet* можно предложить следующую разработку словарной статьи⁷⁸: 1. I. встретить; *meet smb in the street* [in the theatre, at the station, unexpectedly, in the morning] встретить (повстречать) *кого-л.* (повстречаться, столкнуться с *кем-л.*) на улице [в театре, на вокзале, неожиданно, утром]; *I shall ask the first person I meet* — я спрошу первого встречного; *meet a train* [a bus, a plane] встретить поезд [автобус, самолет]; *is anybody going to meet them at the train?* кто-нибудь встречает их на вокзале?; *the bus meets all the trains* ко всем поездам подается автобус; 2. встретиться, *they met quite accidentally* они встретились совершенно случайно, они совершенно случайно столкнулись друг с другом; *we made an appointment to meet at one o'clock* мы договорились встретиться (увидеться) в час дня, мы назначили встречу (свидание) на час дня; *when we last met* во время нашей последней встречи; *I'll tell you about it when we meet* я расскажу вам об этом при (личной) встрече; *I hope we shall meet again* [soon] надеюсь мы снова [вскоре] увидимся; (*good-bye*) *till we meet again* до новой [следующей] встречи; *at this station the trains meet* на этой станции поезда встречаются; *I met this word* [his name] in a book это слово [его имя] мне встретилось в книге; я наткнулся [натолкнулся] на это слово [его имя] в книге; *you don't meet it every day* это [такое] не часто встречается; 3. встречаться; *we seldom* [often] *meet* мы редко [часто] видимся (встречаемся); *they don't meet* они не встречаются, они не поддерживают знакомство; *she is too*

young to be meeting boys ей еще рано встречаться с мальчишками; she still meets him она продолжает встречаться (видеться) с ним, она продолжает водить с ним знакомство (поддерживать с ним связь); 4. собираться; meet in consultation собраться, чтобы обсудить *что-л.* (для обсуждения *чего-л.*); The Board meets once a month правление собирается один раз в месяц; when will the Parliament meet? Когда соберется парламент, когда состоится заседание парламента? 5. сходиться; my waistcoat won't meet мой жилет не сходится; the boards do not meet доски плохо подогнаны, между этими досками есть щель; our fields do not meet наши поля (участки) не соприкасаются; our fields meet at this fence граница между нашими полями (участками) проходит вдоль этого забора; here the road meets the railway а) здесь дорога подходит вплотную к железнодорожной линии; б) здесь дорога пересекает железнодорожную линию, здесь дорога пересекается с железнодорожной линией; the point where the two lines meet точка, в которой встречаются (сходятся, пересекаются) эти две линии; where the two streets meet на пересечении двух улиц, на перекрестке; where the two rivers meet при слиянии двух рек; where the Кама meets the Volga (там), где Кама впадает в Волгу, при впадении Камы в Волгу, при слиянии Камы и Волги; many virtues met in him в нем сочеталось много достоинств; 6. (по)знакомиться; I want you to meet Mr. Smith я хочу познакомить вас с мистером Смитом, я хочу представить вам мистера Смита, я хочу вас представить мистеру Смиру; meet Mr. Smith познакомьтесь с мистером Смитом; pleased to meet you рад с вами познакомиться; we met in Paris мы познакомились в Париже; 7. *уст.* соглашаться; II. 1. встречать; meet smb. cordially [with hostility] встретить (принять) *кого-л.* сердечно [враждебно]; he was met royally его встретили по-царски, по-королевски, ему оказали (устроили) пышный прием (пышную встречу); meet danger courageously мужественно встретить опасность; my proposal was met with no enthusiasm мое предложение было встречено без всякого энтузиазма, мое предложение не встретило (не вызвало) никакого энтузиазма; meet with kindness встретить ласковое отношение; there he met with nothing but kindness там он видел только ласку; meet with approval встретить (получить) одобрение; does this meet with your approval? вы это одобряете?; this measure met with his approbation он одобрил (согласился на) эту меру; 2. (обыкн. с *with*) столкнуться с *чем-л.*; meet with diffi-

culties столкнуться с затруднениями; meet with resistance встретить (натолкнуться на) сопротивление; meet with an obstacle натолкнуться на препятствие; he met with such rudeness there он столкнулся там с такой грубостью; I met with no opposition я не встретил возражений; we met with a refusal мы встретили (получили) отказ, нам отказали; the request met with a refusal просьба была отклонена; 3. (*чаще с with*) испытать что-л., подвергнуться чему-л.; meet with many misfortunes испытать (перенести, пережить) много горя; meet with an accident потерпеть аварию (крушение), попасть в аварию (катастрофу); meet with losses понести убытки (потери); meet with a fall упасть; meet with a squall попасть в шквал; 4. сражаться; meet evil бороться со злом; when two champions meet когда сходятся (для борьбы) два чемпиона; the winners will meet in June победители встретятся (для состязания) в июне; he won't meet A. он не хочет драться с А. на дуэли; at last they met on common ground наконец они начали спорить по вопросам, которые оба знали⁷⁹; 5. преодолевать; meet criticism ответить на критику, дать отпор критикам; he met all their objections он отверг все их возражения; she met all my arguments она разбила (опровергла) все мои доводы; I don't know how this difficulties can be met я не знаю, как справиться с этим затруднением; this doesn't meet our difficulties это не разрешает наших затруднений; 6. удовлетворять; meet demands [claims] удовлетворять требования; this doesn't meet our requirements это не соответствует (не отвечает) нашим требованиям, это нам не подходит; meet smb's needs удовлетворять чьи-л. потребности; he was trying to meet all their wants он пытался исполнить все их желания; meet a situation действовать в соответствии с обстановкой (по обстановке), поступать согласно обстоятельствам (в соответствии с обстоятельствами); meet a bill [expenses] оплачивать счет [расходы]; he has many expenses to meet он несет большие расходы; meet one's debts уплатить долги, расплатиться с долгами; meet one's obligations уплатить по обязательству; 7. мор. одерживать (рулем; *тж.* meet the helm); meet her! одерживай! (команда рулевому); || meet the (smb's) eye а) открыться взгляду (взору); б) поймать чей-л. взгляд, обменяться с кем-л. взглядами; в) прямо смотреть в глаза кому-л.; more than meets the eye больше, чем (не так просто, как) кажется на первый взгляд; meet the (smb's) ear дойти до слуха; more is meant than meets the ear за этим (за этими словами) что-то кроется (кроется

нечто большее); their eyes met их взоры (взгляды) встретились, они обменялись взглядами, они посмотрели друг на друга; their hands met их руки встретились (сплелись); their lips met их уста слились в поцелуе; sword met sword клинки скрестились; extremes meet крайности (противоположности) сходятся; make both ends meet сводить концы с концами; meet one's match встретить (найти) достойного противника; meet one's death найти свою смерть, умереть; meet with death at the hands of ... погибнуть от руки ...; meet the case а) подходить, соответствовать; б) разрешать вопрос; meet smb half-way пойти навстречу (на уступки) кому-л., пойти (согласиться) на компромисс с кем-л.; meet trouble half-way терзаться преждевременными опасениями, заранее беспокоиться (по поводу ожидаемых неприятностей); meet one's Waterloo быть разгромленным, понести окончательное поражение; well met *уст.* добро пожаловать!; рад встрече!.

§ 9. Лексикографическое описание глагола *meet* в словаре словосочетаний

Выше было показано, что как одноязычный (толковый, академический) словарь, так и словарь двуязычный (переводной) обязательно требуют углубленного изучения слов в их естественном функционировании в речи. Определение сложных отношений в синтагматике и парадигматике инвариантных значений и т. д. — вся эта сложная многообразная научная деятельность строится на одном фундаменте. В общем виде этот фундамент можно обозначить как сочетание слов, их лексико-фразеологические связи. Поэтому совершенно естественно должен быть поставлен вопрос о создании справочников, которые направили бы основное внимание не на выявление специфических свойств или особенностей тех или иных отдельных слов путем извлечения их из речевой цепи или **отдельного** их рассмотрения хотя бы и в окружении других слов, а на их особенности **в составе** таких соединений, сочетаний, членами которых они являются.

Теоретической основой этого вида языковедческой деятельности является учение о словосочетании. Одновременно словарь словосочетаний должен явиться материалом для дальнейших теоретических изысканий в этой области.

В начале Главы 4 мы уже говорили о различных видах словосочетаний (смотри § 2, 3, 4). Для справочника подоб-

ного рода главным материалом являются, естественно, свободные сочетания слов, поскольку именно они и составляют основу речевой деятельности. В связи с этим нельзя не отметить той огромной ценности, которую подобный словарь мог бы представить для практических целей, и, в первую очередь, для целей обучения данному языку.

Может показаться, что организация материала и его подача в словаре словосочетаний не должны, по существу, отличаться от того, что мы имеем в толковом или двуязычном словарях. Однако это не так. Словарь сочетаемости, основываясь на том же языковом материале, требует иных принципов отбора, организации и лексикографической подачи, прежде всего потому, что такой словарь должен быть результатом исследования, целью которого является определение характера лексико-фразеологических и синтаксических связей слова в речи, а предметом — конкретная синтагматика слова. Сам материал для словаря словосочетаний черпается прежде всего из толковых (академических) словарей. Правда, у составителя такого словаря непременно окажется некоторое количество и личных наблюдений, некоторые материалы, собранные в процессе чтения литературы на данном языке и т. п., но использовать и по-настоящему обработать эти материалы он будет в состоянии только при том условии, если ему будут вполне ясны те большие теоретические проблемы, которые стоят здесь перед исследователем и к решению которых наша наука, по существу, еще не приступила.

Прежде всего, это так называемая «отмеченность» фраз, о которой уже говорилось выше (см. Главу I). Как известно, эта проблема является предметом оживленных споров и разногласий до настоящего времени. Известно также, что до сих пор не получил достаточно серьезной разработки тот аспект проблемы, который в гипотетико-дедуктивных построениях современной генеративной грамматики вообще не принимается во внимание, а именно — связь между лингвистической и экстралингвистической «приемлемостью» (acceptability) сочетаний. Следует в этой связи пойти несколько дальше и настаивать на том, что наличие или отсутствие связи между обозначаемыми предметами мысли на экстралингвистическом уровне имеет первостепенное значение для исследования естественных человеческих языков. В качестве примера здесь можно привести известные «трансформации», приводимые профессором Рэндольфом

Кверком⁸⁰: *the cello is played by Casals* и *football is played by Matthews for Liverpool*. В чем же здесь дело? Как будто бы собственно грамматическая отмеченность здесь не может вызвать никаких сомнений. Тем не менее, как фразы естественного человеческого языка, служащие для выполнения определенных целей общения, они оказываются совершенно неприемлемыми.

Отсюда следует, что решение вопроса о сочетаемости (который при желании можно назвать проблемой лексико-фразеологической отмеченности) невозможно в рамках формальной регистрации возможностей языка. Подойти к ее научному решению можно при условии, что исследователь будет постоянно иметь в виду не только теоретическую возможность соединения тех или иных языковых элементов, но и характер их реального бытования в конкретном языковом общении членов данного человеческого коллектива. Иными словами, выводы будут вполне научными и надежными лишь при том условии, если изучение и описание соответствующих фактов языка получают твердую социолингвистическую основу в самом широком смысле⁸¹. Конкретно это значит, что в словарь должны включаться только действительно **типичные** и **характерные** для данного языка словосочетания, причем в первую очередь, свободные словосочетания.

Кроме того, исследователь, сосредоточивая внимание на специфике лексико-фразеологических связей слова, должен в известной степени абстрагироваться от вопроса о тех внутренних свойствах анализируемой единицы, которые позволяют или заставляют считать ее единицей многозначной. Если здесь, как это делается в рассмотренных выше словарях, исходить из иерархии семантической системы слова и показывать, в каких сочетаниях каждое значение реализуется, то, не говоря уже о дублировании указанных словарей, основная цель — демонстрация функционирования слова в речи — не сможет быть достигнута. Рядом окажутся различные синтаксические модели сочетаемости, поскольку между каким-либо одним значением многозначного слова и определенной синтаксической моделью не существует однозначного соответствия.

Принцип организации и подачи материала в словаре словосочетаний заключается в определении синтаксических моделей сочетаемости, в которых исследуемое слово реализует свои синтагматические возможности, в установлении связанных с этими моделями — в их конкретном лекси-

ческом воплощении — оттенков значений и в распределении материала в порядке частотности употребления.

Словарь словосочетаний одного языка может явиться также основой для справочного двуязычного пособия, в котором соответствующим образом аранжированный материал языка-источника соотносится с его эквивалентами в языке-объекте.

Как же должна выглядеть основанная на указанных принципах словарная статья глагола *meet*?

Сочетаемость глагола *meet* (из возможных по синтаксическим нормам английского языка моделей глагольной сочетаемости; см. главу 3, § 4) реализуется в рамках синтаксических моделей «существительное+глагол», «глагол+существительное»⁸² и «глагол+предлог+существительное», причем сочетание «*meet*+существительное», то есть *meet*+N обладает наибольшей частотностью и поэтому должно быть приведено первым⁸³. За ним следует модель N+*meet*, то есть то, что выше (см. главу, 3, § 4) обозначалось как V+O / [+D], а на третьем месте стоит *meet*+prep+N; причем здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что частотность определяется употребительностью всего сочетания вообще и не зависит от количества слов, сочетающихся с *meet* по той или другой модели.

Прежде чем перейти к самой словарной статье, необходимо напомнить, что в составе словосочетаний, которые группируются по характеру сочетаемости, то есть по синтаксическим моделям, реализуются разные варианты, или оттенки значений *meet* — в *meet*+N и в N+*meet* в основном оттенки собственно инвариантного значения, а в *meet*+prep+N главным образом того, которое выше определялось как находящееся *in statu nascendi*. Эти варианты должны быть отграничены друг от друга внутри модели и располагаться, если имеются данные статистических подсчетов, также по степени убывания употребительности. Кроме того, реализация одного варианта значения (одного лексикосемантического варианта) не «привязана» к одной модели сочетаемости. Так например, в модели *meet*+N отдельно выделяются такие варианты значения, как 1. встречать что-л., кого-л.; 2. случайно встретить что-л., кого-л.; 3. встречаться, видаться с кем-л.; 4. встречать, принимать кого-л. каким-либо образом; 5. соприкасаться, соединяться и т.д.; С другой стороны, некоторые из этих вариантов значения реализуются также и в модели N+*meet* (ср. *the road meets the railway* — V+N и *the two roads meet* —

N+V) или в модели V+prep+N (ср. *meet smb on the train* — V+N и *meet with smb on the train* — V+prep+N).

Следует указать еще на некоторые существенные моменты, которые, хотя они и могут показаться техническими, теснейшим образом связаны с основными теоретическими предпосылками, рассмотренными выше. Как уже говорилось, определение значения или его оттенка зависит, главным образом, от характера сочетающегося с анализируемой единицей слова, в данном случае от существительного N; однако порой оказывается, что одного N недостаточно для установления конкретного лексико-семантического варианта. В таких случаях приходится прибегать к показу более широкого лексического окружения, которое является как бы факультативным в смысле инвариантного значения. Во-вторых, иногда представляется полезным привести в качестве иллюстрации типовое предложение, в котором данное сочетание, как правило, встречается. И наконец, для того, чтобы, с одной стороны, представить сочетаемость *meet*, реализующую различные оттенки его значения, в плане двуязычной лексикографии, а с другой — сделать это в наиболее удобном и экономном виде, можно прибегнуть к типовому, то есть «эквивалентному» переводу только самого глагола (в неопределенной форме, где это возможно), а полный перевод давать лишь в случае необходимости.

Итак, словарную статью *meet* в словаре словосочетаний можно представить следующим образом:

meet, verb, I. V+N I. *meet smth, smb* (the train, the plane, the steamer, the bus, *etc.*; the coming guests, the arrivals, the delegates, one's brother at the train, one's children at the station, one's friend when he lands, *etc.*) встречать *что-л.*, *кого-л.*; *go* (come forward, run, rush, jump up, *etc.*) to *meet smb* пойти (выступить, выбежать, броситься, вскочить и т.п.) навстречу *кому-л.*; *make arrangements to meet smb, smth* организовать встречу *кого-л.*, *чего-л.*; *arrange to meet smb*; *meet smb by appointment* (at 3 o'clock, after office-hours, *etc.*; by phone, by letter, through one's secretary, *etc.*; at the corner, at the entrance, in the club, at his mother's, *etc.*) назначить встречу (свидание) *кому-л.*, договориться встретиться (о встрече, свидании) с *кем-л.*; 2. *meet smb* (a man, a friend, a pretty girl, an acquaintance, *etc.*) in the street (on the road, on the steamer, on the train, at the theatre, *etc.*; unexpectedly, suddenly, accidentally, by chance, *etc.*) случайно встретить *кого-л.*, столкнуться с

кем-л.; meet smth (unfamiliar words, a striking phrase, a lovely passage, an ambiguous sentence, this expression, a grammatical mistake, mention of him, no mention of his name, *etc.*) in a book (in an article, in one's reading, *etc.*) встречать *что-л.*, натолкнуться на *что-л.*; I met some interesting expressions in this book мне попались (встретились) интересные выражения в этой книге; meet one's death (one's fate) *перен.* встретить (найти) смерть, судьбу; meet one's death in a street accident погибнуть во время уличной катастрофы; 3. often (seldom, sometimes, never, occasionally, *etc.*) meet smb, smth встречаться, видаться с *кем-л.*, *чем-л.*; I haven't met him for ages я с ним не виделся целую вечность; you don't meet it every day такое не часто встречается; 4. meet smb warmly (cordially, joyfully, casually, *etc.*) встречать, принимать *кого-л.* *каким-л.* образом; 5. meet smth соединяться, соприкасаться с *чем-л.*; the road meets the railway дорога вплотную подходит к железнодорожной линии; the Kama meets the Volga Кама впадает в Волгу; 6. meet smb (по)знакомиться с *кем-л.*; I want you (I'd like you) to meet Mr Smith я хочу (мне бы хотелось) познакомить вас с мистером Смитом; meet Mr Smith познакомьтесь с мистером Смитом, знакомьтесь, (это) мистер Смит; have you met my sister? вы знакомы с моей сестрой?; I've never met him я с ним незнаком; pleased (glad, delighted) to meet you рад (счастлив) с вами познакомиться; 7. meet smth (the demands, the requirements, smb's claim, the needs, smb's wishes, a longfelt desire, the want, *etc.*) удовлетворять *что-л.*, all your desires have been met все ваши желания исполнены; this doesn't meet our requirements это не удовлетворяет (не соответствует) нашим требованиям, это нам не подходит; meet the requirements of a situation соответствовать обстоятельствам, действовать в соответствии с обстоятельствами; meet the case отвечать предъявленным требованиям, соответствовать; 8. meet bills оплачивать счета; meet expenses оплатить (нести) расходы; meet debts уплатить долги, расплатиться с долгами; meet losses покрыть убытки; meet one's obligations (one's commitments, one's liabilities, *etc.*) уплатить по обязательствам; 9. meet smth (the situation, the difficulty, opposition, *etc.*) справляться с *чем-л.*; meet an objection (adverse criticism, *etc.*) отвечать на (опровергать) возражения (критику) и *т.п.*; that doesn't meet our difficulties это не решает (разрешает) наших затруднений; 10. meet smth, smb (evil, vice, the enemy, the rebels, one's opponents, *etc.*) бороться с *чем-л.*,

кем-л.; we are ready to meet our enemies мы готовы достойно встретить наших врагов; refuse to meet smb отказаться драться с кем-л. на дуэли; she has met her match at last наконец она встретила достойного противника; II. **N+V (V+O / D)** 1. we (they, John and Mary) met in the street (at the entrance, on a narrow road, *etc.*; accidentally, by chance, face to face, head-on, *etc.*) встретиться, столкнуться; our trains meet at this station наши поезда встречаются на этой станции; 2. we (they, John and Mary) meet every morning (every day, every other week, once a month, *etc.*; at the club, in the library, *etc.*; in secret, secretly, surreptitiously, openly, by arrangement, *etc.*; as strangers); we (they, John and Mary) often (seldom, never, *etc.*) meet встречаться, видаться; when we met last когда мы последний раз виделись, во время нашей последней встречи; haven't we met before? мы, кажется, уже встречались; good-bye, till we meet again до [новой] встречи; 3. Parliament (Congress, the Board, our club, *etc.*) meets once a month (next week, soon, *etc.*) собираться; meet in consultation собраться для обсуждения чего-л.; when will the Parliament meet? когда соберется (откроется) парламент?; when will the Board meet? когда будет (состоится) заседание правления?; 4. two lines (two or more streets, these roads, the road and the railway, *etc.*) meet сходиться (соприкасаться); where the two streets meet там, где сходятся эти две улицы, на перекрестке (пересечении) этих [двух] улиц; our fields meet наши участки граничат; where the two rivers meet при слиянии этих двух рек; my waistcoat won't meet мой жилет не сходится; the belt won't meet round my waist этот пояс (ремень) на мне не сходится; this string won't meet round the parcel этой веревки (бичевки) не хватит, чтобы завязать пакет; their hands met их руки встретились, они взяли за руки; our eyes met наши взгляды (взоры) встретились, мы обменялись взглядами, мы переглянулись, мы посмотрели друг на друга; courage and caution meet in him в нем сочетаются смелость и осторожность; many virtues meet in him в нем (у него) много достоинств; extremes meet *перен.* крайности сходятся; make both ends meet *перен.* сводить концы с концами; 5. two armies (the enemies, the opponents, the participants, the champions *etc.*) meet встречаться, сходиться (для борьбы, состязания и т.н.); III. **V+prep+N** 1. meet with smb in the train (on the steamer, on holiday, *etc.*; accidentally, unexpectedly, *etc.*) случайно встретиться с кем-л., натолкнуться на кого-л.;

meet with smth (with a new word, with a striking phrase, *etc.*) in a book (in an article, *etc.*) наткнуться (натолкнуться) на что-л., встретить что-л.; words met with only in books (in print) слова, которые попадаются (встречаются) только в книгах; 2. meet with smth (with a hearty welcome, with a splendid reception, with kindness, with rudeness, *etc.*); the proposal (the appeal, this measure, *etc.*) met with approval (with universal sympathy, with smb's approbation, *etc.*) встретить что-л.; meet with refusal встретить (получить) отказ; my request met with refusal моя просьба была отклонена, мне отказали (в моей просьбе); his suggestion met with objections from all sides его предложение вызвало всеобщий протест; I met with a lot of opposition я натолкнулся на сильное сопротивление; I met with no opposition я не встретил сопротивления; 3. meet with smth (with trouble, with misfortunes, with a new experience, with a strange adventure, *etc.*) испытать что-л., столкнуться с чем-л.; meet with failure потерпеть неудачу (провал); meet with a loss понести потерю, понести убытки; meet with a violent death умереть насильственной смертью; meet with a street accident попасть в уличную катастрофу; he met with a similar fate его постигла та же участь; meet with success иметь успех, оказаться успешным.

В словаре словосочетаний, как и в других рассмотренных выше словарях, в конце словарной статьи должны быть приведены основные фразеологические единицы, в которых заголовочное слово является одним из компонентов (см. предыдущий параграф).

* *

*

В настоящее время методы лексикологического исследования подвергаются все более решительному и широкому критическому пересмотру; все глубже и всестороннее обсуждается и более широкий вопрос о природе лексикологии как социолингвистической дисциплины. Основной задачей настоящей работы явилось описание и демонстрация на конкретном материале разных подходов к раскрытию и показу семантической структуры слова. Вместе с тем представлялось недостаточным ограничиться только критической стороной: опыт лексикографической работы и собранный в связи с этим большой исследовательский материал позволили предложить такую систему трактовки его,

которая была бы не только теоретически вполне обоснованной, но и проверенной на практике составления словарей.

Из сказанного, конечно, не следует, что сложнейшие проблемы лексической структуры слова уже решены. Их исследование должно непрерывно продолжаться с привлечением все бóльшего количества и разнообразия конкретных материалов разных языков. Только критерий практики позволит наконец объективно оценить достоинства и недостатки различных методов и приемов и избежать еще столь часто встречающегося одностороннего подхода к предмету.

Примечания

1. Для лексикографа не существует вопроса о том, откуда взяты отдельные слова. И. К а с а р е с, автор одного из самых полных лексикографических трудов (см.: J. C a s a g e s. Introducció n a la lexicografía moderna; русский перевод: И. К а с а р е с. Введение в современную лексикографию. См. также рецензию Г. В. С т е п а н о в а в ВЯ и Л. И. Р а х м а н о в а в «Лексикографическом сборнике») ставит сложнейшие вопросы природы и анализа лексических значений, не считая нужным определять само понятие «слова» и отстаивать его права на то, чтобы считаться основным объектом семасиологического исследования. Лексикограф исходит из объективной данности, из не нуждающегося в доказательствах факта существования слов как лексем. См. тж.: Е. А. N i d a. Analysis of meaning and dictionary making.

2. Следует отметить, что эта концепция вполне эксплицитно выступает также и в многочисленных теоретических исследованиях словарного состава. Например, в своем интереснейшем труде, посвященном семантическому анализу русской лексики, Д. Н. Шмелев дает такое определение слову, в котором на первое место выдвигается соотнесенность с референтом: «Слово — это единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью». См.: Проблемы семантического анализа лексики. Автореферат докт. дисс., стр. 6.

3. К сожалению в современной советской лингвистической литературе нет обобщенных работ по лексикографии. Однако наличие большого количества статей, предисловий и инструкций к словарям, рецензий на словари и лексикографические работы и т.п. до некоторой степени

восполняет этот пробел. Поскольку у нас нет возможности подробно остановиться на всех материалах, демонстрирующих высокий уровень достижений советской лексикографии, мы ограничимся небольшой библиографической справкой: В. И. Абаев. О подаче омонимов в словаре; О. С. Ахманова. Вопрос об определении значения в работах по лексикографии. Очерки по общей и русской лексикологии. Ч. 1. Гл. 5, § 4, стр. 86 и далее (см. тж. приводимые ею библиографические справки); А. М. Бабкин. Лексикографические заметки; В. В. Веселитский. Принципы подачи предлогов в словарях. Канд. дисс.; его же. Приемы подачи предлогов в «Русско-французском словаре» под редакцией Л. В. Щербы и «Русско-английском словаре», составленном под общим руководством А. И. Смирницкого; А. П. Евгеньева. Проект словаря синонимов; Е. С. Истрина. Заметки о двуязычных словарях. (Ср. в связи с этим и с работами Н. И. Фельдмана — ниже — M. S. Hargwell. Some Notes on Bilingual Lexicography; L. Havas. Words with Emotional Connotations in Bilingual Dictionaries; S. E. Maition. Selection and Presentation of Ready Equivalents in a Translation Dictionary; M. K. Wheeler. Meaning in Bilingual Dictionaries; E. B. Williams. The Problems of Bilingual Lexicography, Particularly as Applied to Spanish and English); Н. З. Котелова. Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий; С. И. Ожегов. О трех типах толковых словарей современного русского языка; его же. Вопросы лексикологии и лексикографии; В. В. Пассек. Проблема тождества слова в Оксфордском словаре; Э. Ф. Скороходько. Форма и содержание определений в толковых словарях; Н. И. Фельдман. О специфике небольших двуязычных словарей; его же. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях; его же. О границах перевода в иноязычно-русских словарях. (См. тж.: Л. Н. Соболев. О мере точности в переводе); Л. А. Чешко. Предисловие к «Словарю синонимов русского языка» З. Е. Александровой; Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии; его же. Предисловие к «Русско-французскому словарю».

4. Хотя семантический анализ каждого конкретного слова, как показал еще акад. Л. В. Щерба (см.: Опыт общей теории лексикографии), является глубоким самостоя-

тельным научным исследованием, это не означает, что каждый составитель словаря должен заново проделывать всю «изыскательскую» работу. Он, основываясь на коллективном (а, следовательно, и своем) языковом опыте, пользуется также данными, добытыми его предшественниками.

5. Это тем более важно, что довольно часто составители словарей, до сих пор не имея разработанной методики научного семасиологического исследования, руководствуются здравым смыслом, и традиционный метод инвентаризации материала заключается фактически в переписывании вокабул из одного словаря в другой. Такое положение принципиально не может считаться приемлемым на современном этапе развития нашей науки.

6. Варианты слова, говорит А. И. Смирницкий, «которые различаются своими лексическими значениями», это — лексико-семантические варианты. Различия между ними «не отражаются на их звуковой оболочке, но в очень большом числе случаев находят свое выражение либо в различии синтаксического построения, либо в разной сочетаемости с другими словами — во фразеологических особенностях, либо в том и другом вместе». — А. И. С м и р н и ц к и й. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»), стр. 36, 37.

7. Определения даются по The Concise Oxford Dictionary и The Advanced Learner's Dictionary of Current English.

8. Мы рассмотрели здесь отдельные значения глагола *meet*. Полная семантическая структура этого глагола показана ниже.

9. По вопросу об историческом изучении смысловых связей слова, о развитии его структуры имеется обширная литература. См., например, К. А. А л л е н д о р ф. Значение и изменение значений слов; Т. А. Б е р т а г а е в. К вопросу о внутренних законах развития полисемии; Р. А. Б у д а г о в. Устойчивые и подвижные элементы в лексике; В. В. В и н о г р а д о в. Слово и значение его как предмет историко-лексикологического изучения; е г о ж е. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии; Т. А. Д е г т я р е в а. Системный характер семантических изменений в лексике; В. Н. Я р ц е в а. К вопросу об историческом развитии системы языка; L. A n t a l. Meaning and its Change; A. D a r m s t e t e r. La vie des mots. Étudiée dans leurs significations; S. H a t t o r i. The Analysis of Meaning; R. M e n n e r. Multiple Meaning

and Change of Meaning in English; S. R e i s s. The Rise of Words and Their Meanings; M. S c h ö n e. Vie et mort des mots; L. S p i t z e r. Essays in Historical Semantics; G. S t e r n. Meaning and Change of Meaning; A. M. S t u r t e v a n t. Certain Semantic Changes in Old Norse; St. U l l m a n n. Historical Semantics and the Structure of the Vocabulary; H. W e r n e r. Change of Meaning. Среди конкретных исследований можно указать, например, И. К. Б е л ь с к а я. Историко-семасиологическое исследование группы слов, связанных с выражением понятия «человек» в английском языке; Н. И. Е р е м е е в а. Историческое развитие глагола "to work" и его синонимов в английском языке; В. П. К о н е ц к а я. К вопросу о развитии идеографических синонимов слова "work" в английском языке; А. А. У ф и м ц е в а. Опыт изучения лексики как системы; M. B e r t s c h i n g e r. To want. An Essay In Semantics; E. E. E k w a l l. English "fond". An Etymological and Semasiological Study; M. F l a s c h e. Die begriffliche Entwicklung des Wortes "ratio" und seiner Ableitungen im Französischen bis 1500; M. G r a n d i n g e r. Die Bedeutung des Adjektivs "good" in der religiösen Literatur der Angel-Sachsen; I. I. L a m b e r t s. The Development of "made". Интересный материал собран также Брайаном Фостером. См.: B. F o s t e r. The Changing English Language.

10. Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что в словарях материал, по необходимости, располагается линейно. Фактически же система иерархических отношений в структуре полисемантического слова обладает несколькими измерениями.

11. См. об этом у Е. К у р и л о в и ч а. Заметки о значении слова.

12. См.: В. В. В и н о г р а д о в. Основные типы лексических значений слова.

13. См. в связи с этим: О. С. А х м а н о в а и др. О принципах и методах лингвистилистического исследования. Ч. 3, особенно гл. 2.

14. Эти термины употребляются логиками. См., в частности: А. Ч ё р ч. Введение в математическую логику.

15. Такое значение можно сравнить с конверсией, которая, будучи весьма продуктивным способом словообразования, позволяет создавать ad hoc неожиданные потенциальные слова, не зафиксированные словарями.

16. См.: О. С. А х м а н о в а. Словарь лингвистиче-

ских терминов, стр. 162. Этот словарь был использован также и для приведенных выше определений типов значений.

17. Там же, стр. 161.

18. Там же, стр. 164.

19. Такой подход, намеченный Е. Куриловичем в «Заметках о значении слова», весьма доказательно развит Д. Н. Шмелевым в его исследовании лексики русского языка и целиком принимается в нашей работе.

20. Поскольку нас интересует здесь главным образом основная проблема — обусловленность значения контекстом — мы не рассматриваем другие многочисленные проблемы, связанные как с семасиологической теорией, так и с лексикографической практикой. В этом смысле чрезвычайно интересной является рецензия У. Вайнрайха на Третье издание словаря Вебстера — критическое рассмотрение принятого в нем семантического анализа слов. О значении и употреблении см. тж.: В. В. Виноградов. Русский язык.

21. Учитывая при этом также и значения, связанные с определенными терминологическими сферами.

22. Мы хотим еще раз обратить внимание на то, что советская лексикография достигла больших успехов в разрешении теоретических и практических проблем, связанных с толковыми и переводными (двуязычными) словарями. В этой связи хотелось бы особенно отметить недавно вышедшие Большой немецко-русский словарь под редакцией О. И. Москальской и Большой англо-русский словарь под редакцией И. Р. Гальперина.

23. К сожалению, кроме отдельных частных исследований (см., например: Н. Н. Проклович. Адъективные словосочетания в русском языке; Л. М. Беляева. Свободные глагольные словосочетания в современном английском языке; Н. А. Шехтман. Сочетаемость прилагательных и система их значений в современном английском языке), мы можем указать лишь одно справочное учебное пособие по сочетаемости лексикографического характера — Ц. С. Горелк. Адъективные словосочетания в современном английском языке. Собственно словарей сочетаемости у нас нет. Следует отметить, что и немногочисленные зарубежные словари сочетаемости не отличаются теоретической обоснованностью и вытекающей из принципиальных положений строгой подачей материала. Так, например, словарь J. Rodale. "The Word-Finder" ставит

своей целью улучшить стиль пишущего (to improve a writer's style — стр. V), указывая на возможности сочетаемости существительных с прилагательными и глаголами, глаголов и прилагательных с наречиями, то есть приводя слова, которые можно добавить к «основным словам» предложения (add to the bare-essential words of sentence — стр. V). Таким образом к существительным, глаголам и прилагательным, расположенным в алфавитном порядке, даются списки слов, называемых авторами «аугментативами» (augmentatives, i.e. words that can be used to condition a noun, verb, or adjective — стр. VI). Принцип, на котором основан порядок расположения слов в этих списках, часто очень длинных, нам обнаружить не удалось. Например, к существительному *ear* приводится 190 прилагательных и 42 глагола; причем, среди прилагательных даются рядом *licentious* и *thrifty* (*thrifty ear?*), *dozing* и *treacherous*, *velvet* и *pleased*, *haughty* и *world*, *close lying* и *public*, *uncultivated* и *ample* и т.п. Таким же образом к слову *attitude* (223 прилагательных) рядом указываются *firm* и *oblivious*, *studied* и *absolatory*, *mental* и *indolent*, *orientated* и *threatening*, *gorgeous* и *piquant*, *forensic* и *fundamental* и т.д. Как можно заметить, авторы словаря не стремятся к нормализации сочетаемости, и хотя в предисловии заключен призыв к выбору простейших сочетаний (the student — in using the present volume — will find it to his advantage to select such simple and yet vivid adjective-noun combinations as “casual visitor”, “speechless agony”, “misty diplomacy”, “liquid gurgle”, “giddy intoxication” and “silvery laughter” — стр. XII), они сами указывают, что “very simple adjectives have been avoided except where their use in connection with certain nouns appears to be somewhat unusual” (стр. XI). Несколько лучше обстоит дело со словарями — “Kenkyusha's New Dictionary of English Collocations”. Ed. S. Katsumata — и A. Reum. “A Dictionary of English Style”, — в которых дается более обычная, употребительная сочетаемость, хотя она также не основывается на каких-либо определенных принципах и часто представляется субъективной.

24. Семантика глагола *meet* исследовалась по многочисленным толковым словарям английского языка (смотри список в конце работы), по текстам современных произведений различных жанров (художественная литература, пресса, научная литература) и проверялась опросом информантов.

25. Переходность не является обязательным условием

реализации данного значения. В тех случаях, когда *meet* выступает как непереходный глагол, обязательным является подлежащее во множественном числе или группа слов, составляющая подлежащее. Например, *John and Mary met in the middle of the block* и т.п. Наоборот, когда *meet* выступает в переходной форме, наблюдается как бы расчлененное выражение «множественности», распределение между подлежащим и дополнением.

В связи с принятой большинством словарей раздельной подачей переходных и непереходных «форм» глаголов хотелось бы обратить внимание на отмеченное У. Вайнрайхом (см. примечание 20) несоответствие этого разделения тенденции языка. Дело в том, что для современного английского языка характерно явление «детранзитивирования». Например, при анализе разработки глагола *turn* в третьем издании Вебстера оказалось, что одна треть переходных и непереходных значений этого глагола перекрывают друг друга. Техническим результатом разделения переходных и непереходных форм является увеличение объема словарной статьи, так как определения повторяются (с соответствующими видоизменениями в их синтаксическом построении).

26. Мы приводим здесь и далее наиболее простые и типичные аутентичные фразы, которые могут быть использованы в качестве словарных иллюстраций. В живом речупотреблении они обычно выступают в более распространенном или осложненном виде. Например. *It's within the bounds of possibility that he met Davenheim in the lane* (A. Christie); *The next morning, hearing nothing from P., I went out for a stroll, met some old friends, and lunched with them* (A. Christie). Ср. *After dinner we ran across the Opalsens in the lounge, and I introduced P. to them* (A. Christie); *I did happen to encounter a dazzling woman down there the other day.* (M. Allingham).

27. Следует отметить, что характер обстоятельственного выражения не всегда может быть точно определен. Так *I met him on the way home* в зависимости от условий более широкого контекста может рассматриваться и как обстоятельство места и как обстоятельство времени.

28. Данное подзначение реализуется также и при употреблении с предлогом *with*; например, *to meet with a friend on the train.*

29. См., например, *I love you ever since I met you* (A. Garve). В случае часто встречающегося в аннотациях на книги или в литературной критике выражения *Boy meets*

girl, ставшего традиционным для объяснения одного из видов сюжетной завязки в романе, повести или рассказе, речь уже идет о тематическом контексте.

30. Например, *She is too young to be meeting men; She meets him (They meet), although her parents are against it* и т.п.

31. Приведем несколько примеров из художественной литературы: *He loved her deeply, he'd soon be writing to her, they'd soon be meeting* (A. Garve); *Though it seems they seldom or never actually met* (A. Christie); *You're the only girl I've ever met who knows how to treat a man properly* (G. H. Coxe); *He was one of those men — one meets perhaps only two or three in a life-time* (G. H. Coxe); *He had, in fact, met him once during an insurance investigation involving one of the companies he represented* (B. Halliday).

32. Например, *I just want to breeze in and meet the guy as one newspaperman to another* (G. H. Coxe).

33. См также: *Did you meet anyone interesting in Berlin? she asked idly* (J. Galsworthy); *He was hoping that he might meet Elsie Hargreaves in The Antelope; but he didn't know that he was going to meet her* (H. Clevely); *Before the war I bought a motor from him. I met him again in the RAF* (H. Clevely).

34. Приведем еще несколько примеров: *If he isn't at the dock, have him meet me there in twenty minutes.* (B. Halliday); *I didn't go to his office. He met me at Bent Master's office.* (A. Christie); *When I told about my arrangement to meet her on the cruise ship* (B. Halliday); *I think you might even agree to meet me if you were sure you wouldn't be embarrassed.* (G. H. Coxe).

35. Например, *I want to see her before I sail, and I'd like Cindy to meet her* (H. Clevely); *I want you to meet my wife, Elsie* (id).

36. См. также: *Murray told me he'd met you. How did you make out?* (G. H. Coxe); *I'd like to meet him, to have a talk with him.* (J. Galsworthy); *I want to meet him. — I want you to meet him. Why not have dinner and I'll introduce you?* (G. H. Coxe); *Dr. Bennet was Dr. Shepperson's new, young assistant. Andy had seen him with the old doctor, but had not met him.* (H. Clevely); — *Then you know him? — Oh — I just met him outside. — I thought you didn't speak to strangers* (H. Cecil).

37. Приведем еще примеры: *We traced her back to the seaplane dock where she landed from Key West at noon. She*

appears to have been met by some man (B. Halliday); At Boulogne he was met by a car from General Headquarters. (A. Christie).

38. См., например, также — *Where did the motor-cycle come from? — From round the bend. — And the car? — It came at right angles to the motor-cycle. — And what happened? — They met. I don't think it was intentional* (H. Cecil), где *meet* может быть перефразирован как *collide*.

39. R. Kipling. The Ballad of East and West: *Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet*.

40. Это подзначение может быть, по-видимому, проиллюстрировано и таким случаем, как *Let's meet, and either do, or die* (John Fletcher).

41. В словаре Вебстера приводится случай реализации этого подзначения без предлога *with: to meet disaster*.

42. См. также: *I had the ideal man; but he met with an accident* (L. Charteris).

43. См. у Киплинга: *If you can meet with triumph and disaster* (R. Kipling).

44. То же: ... *the part of Claire that met the eye was very pleasant to behold* (G. H. Coxe); "*There's more here, sir, however,*" he said, "*than meets the eye*" (J. Galsworthy).

45. Приведем еще пример: ...*and looked for eyes that didn't squarely meet his* (G. H. Coxe).

46. Мы здесь не приводим примеров указанных значений и подзначений, так как выше они были достаточно полно проиллюстрированы.

47. Как указывалось и иллюстрировалось выше, к словарной статье глагола *meet* обычно приводится (в конце статьи, отдельно, или при считающемся исходным значении, в корпусе статьи) также и несколько традиционных сочетаний и фразеологических единиц с глаголом *meet* в качестве компонента. Хотя указание на них обязательно, для нашего рассуждения не имеет значения то, каким образом они подаются.

48. Следует отметить, что не все приводимые в словарях значения иллюстрируются. Это объясняется, в основном, двумя причинами. С одной стороны, иллюстрации в словаре должны носить совершенно определенный, недвусмысленный (unambiguous) характер, что не всегда возможно из-за искусственности членения. С другой стороны, словари лишены возможности приводить широкие контексты, которые могли бы в некоторых случаях показать,

что слово имеет именно те импликации, на которые указывает данное значение.

49. См., например: А. Потеня. Из записок по русской грамматике. Вслед за ним эту же позицию занял Л. В. Щерба.

50. Об этом подробно и весьма доказательно говорит У. Вайнрайх в своей статье о третьем издании словаря Вебстера (см. примечание 20). В этой связи интересно указать на общую положительную оценку данного словаря в работе Л. П. С т у п и н а. Лексикографический анализ «Большого толкового словаря Вебстера» 1961 г., который, вслед за Н. Н. А м о с о в о й (см.: «О синтаксическом контексте»), говорит, что «толковые словари современного литературного языка должны уделить значительно больше внимания показу дистрибуции значений слов как весьма существенной характеристике функционирования слова в речи» (стр. 13—14).

51. Следует сразу же оговориться, что привлечение русского глагола *встретить* объясняется, во-первых, стремлением наиболее экономно изложить мысль и вовсе не имеет целью «сопоставление» этих двух языков (этот вопрос связан с двуязычной лексикографией и рассматривается ниже, в § 6), а во-вторых, тем обстоятельством, что разнообразные описательные английские «толкования» удивительно неуклюжи и ничего не объясняют вследствие своей субъективности и произвольности.

52. Известно, что некоторые ученые считают, что еще не настало время для сопоставительного изучения лексики (см., например: А. В. Ф е д о р о в, Н. Н. К у з н е ц о в а, Е. Н. М о р о з о в а, И. А. Ц ы г а н о в а. Немецко-русские языковые параллели), а другие вообще ставят под сомнение возможность существования сопоставительной лексикологии как самостоятельной области научного исследования (см., например: В. Н. Т о п о р о в. К вопросу о возможности построения структурной лексикологии).

53. См.: А. И. С м и р н и ц к и й. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках.

54. О различных точках зрения на соотношение слова и понятия см. весьма полный обзор Н. Г. К о м л е в а в кн. «Компоненты содержательной структуры слова».

55. См., например: Л. С. Ф а р к а ш. Сопоставление лексических единиц русского и румынского языков.

56. Это является, как говорит А. И. Смирницкий, не-

обходимым условием «самого существования и функционирования языка как средства общения». См.: К вопросу о слове (проблема «тождества слова»).

57. См.: Курс лекций по лексикологии современного английского языка. См. также схему А. Б. Долгопольского (Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа, стр. 74).

58. Здесь следует еще раз напомнить, что если при определении семантической структуры слова в каком-либо языке на первый план выдвигается исследование его парадигматических зависимостей, то сопоставительный анализ в области лексики связан, в первую очередь, с исследованием синтагматических зависимостей слов в разных языках. Это обстоятельство объясняется тем, что, вследствие более или менее непосредственной направленности на референт, парадигматически закрепленные главные значения эквивалентных слов, как правило, довольно точно совпадают. Различие семантических систем исследуемых языков обнаруживается, главным образом, при сопоставлении наиболее четко обусловленных синтагматических употреблений слова в речи.

59. Здесь и ниже, когда имеются парный вид глагола, значение однократности и многократности, а также собственно возвратное значение при отсутствии основных смысловых различий между ними, соответствующие формы рассматриваются вместе. Когда же появляются новые значения, не вытекающие непосредственно из грамматико-смысловых связей с *встретить*, они рассматриваются как отдельные слова. Иногда определение того, имеем ли мы первый случай или второй, представляет значительные трудности. Так, например, может показаться, что *We met accidentally* — *Мы встретились случайно* — должно рассматриваться вместе с *I met him accidentally* — *Я встретил его случайно*, поскольку здесь наблюдается известный смысловой параллелизм. Однако кроме различий в синтаксических условиях употребления, *встретиться* не имеет и собственно возвратного значения; следовательно, оно выделяется.

60. Это значение *встретиться* определяется как «увидеть, идя или придя куда-нибудь». Здесь и далее определения даются по Словарю русского языка С. И. Ожегова.

61. Здесь *встретить* означает «придя, принять, приветствовать прибывших на месте прибытия, появления».

62. Здесь *встретить* означает «увидев, принять каким-

нибудь образом, высказать свое отношение к кому-нибудь, чему-нибудь каким-либо действием».

63. В данном случае *встретить* определяется как «испытать, получить по отношению к себе (знаки внимания, проявление чувства и т.п.)».

64. Данное значение определяется как «сойтись, съехаться, двигаясь с противоположных сторон».

65. См. примечание 59.

66. Здесь *встретиться* значит «сойтись для борьбы, состязания».

67. Значение — «попасться, обратить на себя внимание».

68. Это значение *встречаться* определяется как «видеться, поддерживать знакомство».

69. В значении «сойтись, сосредоточиться в одном месте».

70. См. Словарь русского языка С. И. Ожегова, стр. 214.

71. Данное значение определяется как «достигнув какого-нибудь места, встретиться». Естественно, поэтому, что указанный эквивалент может наблюдаться в тех же контекстах, что и *встретиться* — см., например, *They met at the crossroads* — Они встретились на перекрестке и *Они сошлись на перекрестке*; *Where the two streets meet* — Там, где эти улицы сходятся и *Там, где эти улицы встречаются*. Однако в значительном количестве случаев совпадения не происходит; выбор эквивалента, с одной стороны, определяется нормами сочетаемости в русском языке, а с другой, зависит от функционального стиля речи, в котором данное высказывание встречается.

72. При том же определении значения *сойтись* имеется в виду тот оттенок *встретиться*, который толкуется как «сойтись для борьбы, состязания» (см. стр. 158 и примечание 66). Таким образом и здесь данные эквиваленты, обнаруживая как бы разноярусные связи, перекрывают друг друга, что объясняется не только их фактическим частичным совпадением, но и недостаточно разработанным метаязыком, вследствие чего словарные определения нередко бывают «круговыми». Уместно будет напомнить, в этой связи, что поиски путей избежать «круговых» дефиниций являются одной из основных практических задач, стоящих перед компонентным анализом. См. в связи с этим, например, Т. П. Ломтев. О построении аналитико-смыслового словаря русского языка; Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола; М. М. Копыленко. Опыт изучения

значений и сочетаний лексем с помощью операционного анализа.

73. Здесь *сойтись* значит «сблизиться, соприкоснувшись краями, концами».

74. Это значение определяется как «соединить, сблизить концами, краями».

75. Определяемое как «иметь смежные, касающиеся друг друга границы, части».

76. Мы пользуемся терминами классификации, принятой в советской лексикографии для толковых словарей. См.: С. И. О ж е г о в. О трех типах толковых словарей современного русского языка. См. также: Л. В. К о - н е ц к и й. «Двуязычный словарь славянских языков», где предполагаются некоторые уточнения этой классификации.

77. В связи с этим интересно отметить, что при сопоставительном анализе романа J. Galsworthy. "The White Monkey" и его перевода на русский язык (Джон Голсуорси, Сага о Форсайтах. Т. 2, Современная комедия. Белая обезьяна. Вильнюс, 1956 — перевод Р. Райт) в одиннадцати обнаруженных случаях употребления глагола *meet* переводчица использовала эквивалент *встретить* в *Annette met him at the door* (p. 272) — *В дверях его встретила Аннет* (стр. 227); *встретиться* в *When in that gallery...those two young people met so accidentally on Sunday morning* (p. 31) — *Когда в этой галерее..., так случайно, в воскресенье утро встретились двое* (стр. 31) и в *I met your husband this afternoon at Green Street* (p. 138) — *Я сегодня встретила с вашим мужем на Грин Стрит* (стр. 118); *познакомиться* в *You haven't met my sister?* (p. 282) — *Вы с моей сестрой незнакомы?* (стр. 236); и дала адекватный перевод видоизмененного автором выражения *more than meets the ear: And there must, of course, be more in him than met the sense of hearing* (p. 28) — *И, конечно, в нем есть что-то большее, чем можно услышать в разговоре* (стр. 28). В случае же *Glad to have met you* (p. 143) использован глагол *видеть*: *Рада была вас видеть* (стр. 122; можно было бы: «*Рада была повидаться с вами*). Эти переводы, а также *She met with irreverence there* (p. 25) — *Там она встретила полную непочтительность...* (стр. 25) вполне соответствуют тексту оригинала. В случаях же *I have not been in the habit of meeting with suspicion and ingratitude* (p. 265) и *He had not been accustomed to meet with suspicion* (p. 275) глагол *meet* вовсе не передан. См.: *Я не привык к подоз-*

рениям и неблагодарности (стр. 221) и Он...не привык к подозрениям (стр. 230). В *Whom do you think to meet him, besides Alison?* (р. 66) — Как ты думаешь, кого бы пригласить для него кроме Элисон? (стр. 60) переводчица нашла удачную замену (насколько тяжелее и более неуклюжим было бы «Кого ты предлагаешь представить ему или познакомить с ним кроме Элисон?»). И только в одном случае: *He could meet them all* (р. 166) — Майкл мог встретить всех (стр. 141), где в сверхфразовом единстве рассказывается, какие разные люди собираются в клубе «Всякая Всячина», *встретить* представляется не вполне удачным.

Следует также учитывать, что при переводе с русского языка на английский, при том, что в русско-английских словарях для глагола *встречать* указан эквивалент *meet* можно предположить и другие возможности перевода в зависимости от самой речевой ситуации и от того, какой из оттенков *встречать* реализуется. Например, *Встречать гостей* — *Welcome one's guests*; *Оратор встретили бурными аплодисментами* — *The speaker was greeted with enthusiastic applause*; *Холодно встретить кого-либо* — *Give smb a cold reception*; *Где вы встречаете Новый год?* — *Where will you celebrate New Year's Eve?*; *Я должен встретиться с ним в понедельник* — *I have an appointment with him for Monday*; *Встретиться с затруднениями* — *Encounter difficulties*; *С настоящими затруднениями мне пришлось встретиться только по приезде в Лондон* — *I didn't come up against real difficulties until my arrival in London*; *Они двинулись нам навстречу* — *They started moving towards us* и т.п. См. также использование эквивалентов *meet* в указанном выше переводе романа Голсуорси: *Она сказала, что встретила тебя* (стр. 120) — *She said she'd seen you* (р. 141); *Она встретила Майкла изысканно-сердечно* (стр. 108) — *She greeted Michael with fashionable warmth* (р. 126); *Я заходила только сказать ему, что больше не могу с ним встречаться* (стр. 121) — *I was there only to tell him that I couldn't see him again* (р. 142); *Я чуть ли не с колыбели мечтаю с вами познакомиться* (стр. 28) — *I've wanted to know you ever since my cradle* (р. 27).

78. Предлагаемая словарная статья организована следующим образом: римские цифры I и II определяют главное (инвариантное) значение глагола *meet* и то его частное значение, возникновение которого, как говорилось выше, можно уже проследить (см. стр. 151 и далее). Арабскими

цифрами указаны эквиваленты для определенных контекстов его употребления, причем в тех случаях, когда это удастся, в начале указывается общий эквивалент, а в иллюстрациях возможности перевода. Определить общий эквивалент иногда оказывается затруднительным вследствие, например, несовпадения отдельных лексико-грамматических характеристик русских и английских слов или отсутствия адекватного метаязыка. Так, в *to meet smb well* реализуется переходная форма глагола *meet*; то же в *My proposal met no evident enthusiasm*. В случае же *meet with kindness* или *My proposal met with no evident enthusiasm* выступает его непереходная форма. Здесь реализуются разные оттенки одного значения *meet*. Эквивалент *встречать*, также имеющий различные оттенки значения, дается в качестве общего для обоих случаев. Для полноты картины в конце указываются, хотя в основном без иллюстраций, некоторые специальные и более редкие употребления *meet*. Завершается статья образными употреблениями *meet*, клишированными фразами (см. стр. 166), фразеологическими единицами (или приближающимися к ним сочетаниями), поговорками и т.п., которые выносятся за значок ◇.

79. Как неоднократно указывалось, лексикограф нередко сталкивается с трудностями при выборе наиболее наглядной, убедительной и, вместе с тем, короткой иллюстрации, поскольку оттенок значения часто обнаруживается лишь при учете более широкого контекста, чем тот, который может быть представлен в словаре. Примером этому служат иллюстрации к 4. Вариант значения *meet* *встретиться* (*сойтись для борьбы, состязания* — см. стр. 158 и прим. 66) характеризуется тем, что он не проявляется вне общего контекста всей речевой ситуации. (ср. *meet evil* — *встретиться (столкнуться) со злом*; *when the two champions meet* — *когда встречаются два чемпиона (рассказам о бывших победах нет конца)*; *the winners will meet in June* — *победители встретятся в июне (чтобы обменяться опытом)*; *he won't meet A.* — *он не хочет встречаться (знакомиться) с А.*; *at last they met on common ground* — *наконец они нашли общий язык*). Поэтому можно сказать, что здесь данный вариант не столько раскрывается, сколько постулируется. Указанные переводы действительно соответствуют приведенным фразам, но лишь в определенном контексте.

80. Randolph Q u i r k. Towards a Description of English Usage, стр. 47—48.

81. Такой подход позволит также внести еще один индекс, включить в рассмотрение еще одну неотъемлемую сторону вопроса. Речь идет об исторической изменчивости лексико-фразеологической сочетаемости отдельных слов. Так например, прилагательное *luxurious* в современном английском языке получило очень широкую сочетаемость, настолько широкую, что, кроме обычных сочетаний с *surroundings, palace, hotel* или *food*, оно употребляется с такими словами, как *home, apartment, sitting-room, bed, couch, chair* и т.п.; ср. также *luxury* в атрибутивном употреблении (как указывается в словаре Хорнби, *perhaps suggesting ostentation rather than real comfort*): *luxury hotel, luxury ocean-liner, luxury yacht, luxury car, luxury establishment, luxury homes* и т.п.

82. См. примечание 34 к главе 2.

83. Согласно статистическим подсчетам (см.: M. West. A General Service List of English Words), 56% случаев употребления глагола *meet* падает на сочетание *meet*+существительное. Именно в такой сочетаемости, как мы уже видели при анализе семантической структуры *meet*, проявляется его главное, синтагматически наименее обусловленное, значение, которое лежит в основе частного значения, обнаруживающегося при изучении его конкретных синтагматических связей.

Указатель использованной и цитируемой литературы

- Абаев В. И. О подаче омонимов в словаре. ВЯ, 1957, №3; 4.*
- Абаев В. И. Языкознание — общественная наука. «Русская речь», 1971, № 5; В.
- Аллендорф К. А. Значение и изменение значений слов. Докт. дисс. И МГПИИЯ, 1966; 4.
- Амосова Н. Н. О синтаксическом контексте. ЛС. М., 1962, вып. 5; 4.
- Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Изд. ЛГУ, 1963; 3.
- Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка. ВЯ, 1963, № 3; В.
- Апресян Ю. Д. Проблема синонима. ВЯ, 1957, № 6; 3.
- Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. — В сб.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1963; В.
- Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966; 1.
- Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967; 1, 3.
- Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы. ВЯ, 1969, № 4; 1, 3.
- Апресян Т. А., Апресян Ю. Д. Об изучении смысловых связей слов. ИЯШ, 1970, № 2; 3.
- Арутюнова Н. Д. О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке. НДВШ ФН, 1962, № 2; 3.
- Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в русском языке. Изд. Ростовского университета, 1964; 3.
- Ахманова О. С. К вопросу о словосочетании в современном английском языке. ИАН ОЛЯ, 1950, т. 9, вып. 6; 3.
- Ахманова О. С. Глоссематика Луи Ельмслева как наиболее полное проявление упадка современного буржуазного языкознания. ВЯ, 1953, № 3; В.
- Ахманова О. С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц. Труды ИЯ АН СССР, 1954, вып. 4; 3.
- Ахманова О. С. О разграничении слова и словосочетания. Автореф. докт. дисс. М., 1954; 3.
- Ахманова О. С. Словосочетание. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955; 3.
- Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; В, 2, 3, 4.

* Цифры после выходных данных указывают на главу, в которой данная работа упоминается (В — введение, 1 — глава 1, 2 — глава 2 и т.д.).

- А х м а н о в а О. С. S. Abraham, F. Kiefer. A Theory of Structural Semantics. Рецензия, ВЯ, 1969, № 5; 1.
- А х м а н о в а О. С. Wolfgang Kühlwein, Die Verwendung der Feindseligkeitsbezeichnungen in der altenglischen Dichtersprache. Рецензия, НДВШ ФН, 1969, № 5; 3.
- А х м а н о в а О. С., С м и р н и ц к и й А. И. Образование типа stone wall, speech sound в английском языке. Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, 1952, вып. 2; 3.
- А х м а н о в а О. С., М и к а э л я н Г. В. Современные синтаксические теории. Изд. МГУ, 1963, 3.
- А х м а н о в а О. С., Н а т а н Л. Н. и др. О принципах и методах лингвостилистического исследования. Под ред. О. С. Ахмановой, Изд. МГУ, 1966; 4.
- А х м а н о в а О. С., Г и н з б у р г Р. С. К вопросу о диалектике языка и мышления. — В сб.: Проблемы теории познания и логики (материалы к XIV Международному философскому конгрессу). М., Ин-т философии АН СССР, 1968, вып. 1; В.
- А х м а н о в а О. С., Д р а з д а у с к а с А. А. и др. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. Под ред. О. С. Ахмановой. Изд. МГУ, 1969; 3.
- Б а б к и н А. М. Лексикографические заметки. ВЯ, 1955, № 2; 4.
- Б а л л и Ш. Французская стилистика (русский перевод). М., 1961; 3.
- Б е л я е в а Л. М. Свободные глагольные словосочетания в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1963; 3, 4.
- Б е л ь с к а я И. К. Историко-семасиологическое исследование группы слов, связанных с выражением понятия «человек» в английском языке. Канд. дисс. М., 1955; 4.
- Б е р е ж а н С. Г. Теория семантических полей и синонимия. — В сб.: Проблемы языкознания (доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов). М., 1967; 3.
- Б е р т а г а е в Т. А. К вопросу о внутренних законах развития полисемии. ИАН ОЛЯ, 1951, № 6; 4.
- Б л э к М. Лингвистическая относительность. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960; В.
- Б р у т я н Г. А. Философская сущность теории лингвистической относительности. НДВШ. Философские науки, 1963, № 4; В.
- Б р у т я н Г. А. О некоторых аспектах языка как объекта философских исследований. — В сб.: Проблемы теории познания и логики (материалы к XIV Международному философскому конгрессу). М., Ин-т философии АН СССР, 1968, вып. 1; В.
- Б у д а г о в Р. А. Устойчивые и подвижные элементы в лексике. ИАН ОЛЯ, 1951, т. 10, вып. 2; 4.
- Б у д а г о в Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958; 3.
- Б у л а х о в с к и й Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2, М., 1954; 3.
- В а й н р а й х У. Webster's Third New International Dictionary. Рецензия. ВЯ, 1965, № 1; 4.
- В е с е л и т с к и й В. В. Принципы подачи предлогов в словарях (на материале русско-английских словарей). Канд. дисс. М., 1955; 4.
- В е с е л и т с к и й В. В. Приемы подачи предлогов в «Русско-французском словаре» под редакцией Л. В. Щербы и «Русско-английском словаре» под руководством А. И. Смирницкого. ЛС. М., 1962, вып. 5; 4.

- Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения. Научная сессия 1945 г. ЛГУ им. А. А. Жданова. Тезисы докладов по секции филологических наук. ЛГУ, 1945; 4.
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947; 4.
- Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В сб.: Академик А. А. Шахматов, 1864—1920. Под ред. акад. С. П. Обнорского. Вып. 3. М.—Л., 1947; 3.
- Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. ИАН ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 3; 4.
- Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. ВЯ, 1953, № 5; 3, 4.
- Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетания (на материале русского языка). ВЯ, 1954, № 3; 4.
- Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955; 3.
- Винокур Г. О. Проблема культуры речи. «Русский язык в советской школе», М., 1929, № 5; 3.
- Волков А. Г. О теоретических основаниях дихотомической гипотезы языка и речи Ф. де-Соссюра. ВМУ. Серия Филология, журналистика, 1964, № 2; В.
- Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965; 4.
- Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика. Изд. МГУ, 1954; 3.
- Галкина-Федорук Е. М. Синонимы в русском языке. РЯШ, 1959, № 3; 3.
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958; 3.
- Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955; 3.
- Гинзбург Р. С. О двух уровнях семантического анализа. Actes, du Xe Congrès International des Linguistes, Bucarest, 1970; 3.
- Гинзбург Р. С. и Хидекель С. С. О работе над свободным словосочетанием. ИЯШ, 1958, № 3; 3.
- Горелик Ц. С. Некоторые вопросы теории словосочетаний. Ученые записки факультета английского языка МГПИ им. Ленина, 1961; 3.
- Горелик Ц. С. Адъективные словосочетания в современном английском языке. М., 1967; 4.
- Горнунг Б. В. О природе синонимии в языке и теоретических предпосылках составления синонимических словарей. ВЯ, 1965, № 5; 3.
- Гречко В. А. О лексической синонимии в русском языке. НДВШ ФН, 1963, № 2; 3.
- Григорьева А. Д. Заметки о лексической синонимии. — В сб.: Вопросы культуры речи. Вып. 2. М., 1959; 3.
- Дегтярева Т. А. К проблеме синонимии. Ученые записки I МГПИИЯ, 1953, т. 5; 3.
- Дегтярева Т. А. Системный характер семантических изменений в лексике. Ученые записки I МГПИИЯ, 1956, т. 9, № 7; 4.
- Долгопольский А. Б. Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа. ЛС. М., 1962, вып. 5; 4.

- Евгеньева А. П. Проект словаря синонимов. М., 1964; 3, 4.
- Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии. — В кн.: Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., 1966; 3.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 1. М; 2.
- Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962; В.
- Еремсева Н. И. Историческое развитие глагола to work и его синонимов в английском языке. Канд. дисс. Л., 1953; 4.
- Жолковский А. К., Мельчук И. А. О возможном методе и инструментах семантического синтеза. «Научно-техническая информация», 1965, серия 2, № 6; 1.
- Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», 1967, вып. 19; 1.
- Жолковский А. К., Мельчук И. А. О системе семантического синтеза. «Научно-техническая информация», 1966, серия 2, № 11; 1967, № 2; 1.
- Заварин А. А. Прекозитивный атрибут в современном английском языке и некоторые общие вопросы синтаксического анализа. Канд. дисс. М., 1967; 3.
- Зайцева Т. В. Лексикографическая разработка структурно и семантически близких слов. — В кн.: Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963; 3.
- Звегинцев В. А. Семасиология. Изд. МГУ. 1957; В.
- Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960; В.
- Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. Изд. МГУ, 1962; В.
- Звегинцев В. А. Замечания о лексической синонимии. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Изд. ЛГУ, 1963; 2, 3.
- Истрина Е. С. Заметки о двуязычных словарях. ИАН ОЛЯ, 1944, т. 3, вып. 2—3; 4.
- Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959; 4.
- Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958; 4.
- Катанская А. Р. О порядке нескольких прекозитивных прилагательных-определений в современном английском языке. Ученые записки I МГПИИЯ, 1960, т. 23; 3.
- Клюева В. Н. Синонимы в русском языке. РЯШ, 1954, № 3; 3.
- Клюева В. Н. Опыт составления учебного толкового словаря синонимов русского языка. Доклад на координационном лексикографическом совещании. М., 1955; 3.
- Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965; В.
- Комиссаров В. Н. Введение в кн.: Словарь антонимов современного английского языка. М., 1964; 2.
- Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд. МГУ, 1969; 4.
- Конецкая В. П. К вопросу о развитии идеографических синонимов слова "work" в английском языке. Канд. дисс. М., 1953; 4.
- Конецкий Л. В. Двуязычный словарь славянских языков. ВЯ, 1958, № 3; 4.

- К о п ы л е н к о М. М. Опыт изучения значений и сочетаний лексем с помощью операционного анализа. — В кн.: Структурная типология языков. М., 1966; 4.
- К о т е л о в а Н. З. Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий. ЛС. М., 1957, вып. 1; 4.
- К у з н е ц о в а А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. Изд. МГУ, 1963; В.
- К у н и н А. В. Некоторые вопросы английской фразеологии. — В кн.: Англо-русский фразеологический словарь. М., 1956; 3.
- К у н и н А. В. Английская фразеология (теоретический курс). М., 1970; 3.
- К у р и л о в и ч Е. Заметки о значении слова. ВЯ, 1955, № 3; В, 1, 3, 4.
- Л а р и н Б. А. Очерки по фразеологии. Уч. записки ЛГУ, серия филологических наук, 1956, № 198, вып. 24; 3.
- Л е в и ц к и й В. В. Синонимы в языке и речи. ИЯШ, 1969, № 1; 3.
- Л е в к о в с к а я К. А. Некоторые зарубежные языковедческие теории и понятие слова. — В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961; В.
- Л е в к о в с к а я К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962; В.
- Лексикографические сборники. (ЛС.) М., 1957—1962, вып. 1—5; 3, 4.
- Лексическая синонимия. М., 1967; 3.
- Л и т в и н Ф. А., Ч е р е м с и н а М. И. Использование метода трансформационного анализа при исследовании типов лексического значения слова. Ученые записки Орловского Госпединститута, 1963, т. 17, вып. 2; 1.
- Л и т в и н Ф. А., Ч е р е м с и н а М. И. О связи синтаксической функции лексемы с типом ее лексического значения (на материале русского, немецкого и английского языков). Ученые записки Орловского Госпединститута, 1962, т. 21; 1.
- Л о м т е в Т. П. Язык и речь. ВМУ, Серия Филология, журналистика, 1961, № 4; В.
- Л о м т е в Т. П. Современное языкознание и структурная лингвистика. — В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964; В.
- Л о м т е в Т. П. О построении аналитико-смыслового словаря русского языка. «Русский язык за рубежом», 1967, № 3; 4.
- М е д н и к о в а Э. М. К критике некоторых современных методов лингвистической семантики. ВЯ, 1969, № 3; 1.
- М е д н и к о в а Э. М. Целевая направленность речи и семантика языка. ВМУ. Серия Филология, журналистика, 1970, № 1; 3.
- М е л ь ч у к И. А. К построению действующей модели языка. — В кн.: Проблемы языкознания. М., 1967; 1.
- М е л ь ч у к И. А. К вопросу о «внешних» различительных элементах: семантические параметры и описание лексической сочетаемости. — В кн.: To Honour Roman Jakobson. The Hague — Paris, 1967; 1.
- М е л ь ч у к И. А. Об одном классе фразеологических сочетаний (описание лексической сочетаемости с помощью семантических параметров). — В кн.: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Тульский ГПИ, 1968; 1.

- Мельчук И. А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. ИАН, Серия литературы и языка, 1968, т. 27, вып. 5; 3.
- Мыркин В. Я. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык — речь. ВЯ, 1970, № 1; В.
- Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка. ВЯ, 1952, № 2; 4.
- Ожегов С. И. Вопросы лексикологии и лексикографии. Труды ин-та языка и лит-ры АН Латв. ССР, 2, 1953; 4.
- Ожегов С. И. О структуре фразеологии. ЛС. М., 1957, вып. 2; 3.
- Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., 1966; 3.
- Падучева Е. В. Международная конференция по семантике в Польше. Научно-техническая информация, 1967, серия 2, № 2; 1.
- Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. М., 1964; 3.
- Пассек В. В. Проблема тождества слова в Оксфордском словаре. Труды ИЯ АН СССР, 1959, т. 9; 4.
- Перебейнос В. С. К вопросу об использовании структурных методов в лексикологии. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962; В.
- Пешковский А. М. Понятие отдельного слова. М.—Л., 1925; 3.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, 1956; 3.
- Потемня А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2, М., 1958; 4.
- Проблема толкования слов в филологических словарях (материалы VII координационного совещания по лексикографии). Изд. АН Лат. ССР, 1963; 3.
- Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Тульский ГПИ, Ноябрь 1968; 1.
- Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967; 3.
- Прокопович Н. Н. Адъективные словосочетания в русском языке. Докт. дисс. М., 1955; 3, 4.
- Прокопович Н. Н. Словосочетания в современном русском литературном языке. М., 1966; 3.
- Рахманов Л. И. Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. М., 1958. Рецензия, ЛС. М., 1962, вып. 5; 4.
- Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955; 3.
- Ройзензон Л. И., Пеклер М. А. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. — В кн.: Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965; 3.
- Серкова Н. И. Сверхфразовое единство как функционально-речевая единица. Канд. дисс. М., 1968; 1.
- Скорородько Э. Ф. Форма и содержание определений в толковых словарях. НДВШ ФН, 1965, № 1; 4.
- Смирницкий А. И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках. ИЯШ, 1953, № 2; 4.

- Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). Труды ИЯ АН СССР, 1954, т. 4; 4.
- Смирницкий А. И. Объективность существования языка. Изд. МГУ, 1954; В, 1.
- Смирницкий А. И. Значение слова. ВЯ, 1955, № 2; В.
- Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956; 3.
- Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957; 3.
- Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959; 3.
- Смирницкий А. И. Курс лекций по лексикологии современного английского языка. Изд. МГУ, 1959; 4.
- Соболев Л. Н. О мере точности в переводе. — В кн.: Вопросы теории и методики учебного перевода. М., 1950; 4.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933; В.
- Степанов Г. В. J. Casares. Introducción a la lexicografía moderna. Рецензия. ВЯ, 1953, № 3; 4.
- Степанов Ю. С. О предпосылках лингвистической теории значения. ВЯ, 1964, № 5; В.
- Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968; В, 3.
- Ступин Л. П. Лексикографический анализ Большого толкового словаря Уэбстера 1961 г. Канд. дисс. Л., 1963; 4.
- Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; 3.
- Тер-Минасова С. Г. Деформация фразеологических единиц как лингвистическое средство. ВМУ, Серия Филология, журналистика, 1968, № 5; 3.
- Тер-Минасова С. Г. Синтез продуктивных и полупродуктивных словосочетаний и вопрос о «логике языка». Канд. дисс. М., 1970; 3.
- Топоров В. Н. К вопросу о возможности построения структурной лексикологии. Тезисы докладов межвузовской конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка. М., 1961; 4.
- Уемов А. И. Проблема синонимов и современная логика. — В кн.: Логико-грамматические очерки. М., 1961; 3.
- Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962; 4.
- Фаворин В. К. Синонимы в русском языке. Свердловск. 1953; 3.
- Фаворин В. К. Синонимы в русском языке. РЯШ, 1953, № 6; 3.
- Фаркаш Л. С. Сопоставление лексических единиц русского и румынского языков. Канд. дисс. М., 1962; 4.
- Федорова А. В., Кузнецова Н. Н., Морозова Е. Н., Цыганова И. А. Немецко-русские языковые параллели. М., 1961; 4.
- Федоров А. И. Семантические основы образных средств языка. Новосибирск, 1969; 3.
- Фельдман Н. И. О специфике небольших двуязычных словарей. ВЯ, 1952, № 2; 4.
- Фельдман Н. И. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях. ЛС. М., 1957, вып. 1; 4.

- Фельдман Н. И. О границах перевода в иноязычно-русских словарях. ЛС. М., 1958, вып. 3; 4.
- Филичева Н. И. О словосочетаниях в современном немецком языке. М., 1969; 3.
- Фортуатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1956; 3.
- Хидекель С. С. Сложные слова и свободные словосочетания в современном английском языке. Курский Гос. Пед. Институт. Ученые записки, т. 36, вып. 3, 1969; 3.
- Черч А. Введение в математическую логику. Ч. 1. М., 1960; 4.
- Чешко Л. А. Предисловие к словарю синонимов русского языка З. Е. Александровой. М., 1968; 3, 4.
- Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1969; 3.
- Шапиро А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов (на материале русского языка). Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, 1955, вып. 8; 3.
- Шаумян С. К. Структурные методы изучения значений. ЛС. М., 1962, вып. 5; В.
- Шехтман Н. А. Сочетаемость прилагательных и система их значений в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1963; 3, 4.
- Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964; 3.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Докт. дисс. М., 1969; В, 3, 4.
- Шутникова Р. С. К вопросу о сочетаемости прилагательных в современном английском языке. Ученые записки I МГПИИЯ, 1965, т. 32; 3.
- Щерба Л. В. Предисловие к «Русско-французскому словарю». М., 1939; 4.
- Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. Избранные работы. Т. 1. ЛГУ, 1958; 4.
- Ярцева В. Н. Предложение и словосочетание. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955; 3.

* * *

- Abraham Samuel, Kiefer Ferenc. A Theory of Structural Semantics. The Hague, 1966; 1.
- Antal L. Meaning and its Change. "Linguistics", 1964; 6; 4.
- Bally Ch. Traité de Stylistique française. 3e ed. Geneve, 1951; 3.
- Bertschinger M. To want. An Essay in Semantics. „Schweizer Anglistische Arbeiten“. Berne, 1951, Bd. 13; 4.
- Boer C. de. Syntaxe du français moderne. Leiden, 1954; 3.
- Bolinger Dwight L. Generality, Gradience and the All-or-none. 's-Gravenhage, 1961; 3.
- Bolinger Dwight L. The Atomization of Meaning. — In: Readings in the Psychology of Language. Ed. L. A. Jakobovits and M. S. Miron. Englewood Cliffs, New Jersey, 1967; 1.
- Carnap R. Meaning and Synonymy in Natural Languages. "Philosophical Studies", 1955, 7; 3.
- Casares J. Introducción a la lexikografía moderna. Madrid, 1950; 4.

- Chafe W. L. Meaning in Language. "American Anthropologist", 1965, Vol. 67; No. 5; 2, 3.
- Chafe W. L. Meaning and the Structure of Language. The University of Chicago Press, 1970; B.
- Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, The M.I.T. Press, 1965; 1.
- Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague, 1965; 1, 3.
- Chomsky N. Topics in the Theory of Generative Grammar. The Hague, 1966; 3.
- Coseriu Eugenio. Determinacion y Entorno, Romanistisches Jahrbuch, 1955-56, Vol. 7; 3.
- Darmsteter A. La via des mots. Étudiée dans leur signification. Paris, 1937; 4.
- Ekwall E. English "fond". An Etymological and Semasiological Study. "Studia Neophilologica", 1938, 2; 4.
- Erben J. Prinzipielles zur Syntaxforschung mit dem besonderen Blick auf Grundfragen der deutschen Syntax. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle, 1954; 3.
- Filipец J. Synonima v jednojazyčném slovníku. — In: Lexikografický sborník, Bratislava, 1953; 3.
- Flasche M. Die begriffliche Entwicklung des Wortes "ratio" und seiner Ableitungen im Französischen bis 1500. Düsseldorf, 1935; 4.
- Foster B. The Changing English Language. Ld., 1968; 4.
- Fraser B. Some Remarks on the Verb-particle Construction in English. Monograph Series on Language and Linguistics. No. 19 (17th Annual Round Table), Ed. F. P. Dinneen, Georgetown University Press, 1966; 1.
- Gardiner A. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1951; 3.
- Goodman N. On Likeness of Meaning. — In: Philosophy and Analysis. Oxford, 1954; 3.
- Goodman N. On Some Differences about Meaning. — In: Philosophy and Analysis. Oxford, 1954; 3.
- Grandinger M. Die Bedeutung des Adjektivs "good" in der religiösen Literatur der Angel-Sachsen. Landshut, 1933; 4.
- Groot A. W. de. Structurele Syntaxis. Den Haag, 1949; 3.
- Hall, Jr., Robert A. Linguistics and Your Language. N.Y., 1960; 3.
- Harwell M. S. Some notes on bilingual lexicography. IJAL, 1962, Vol. 28, No. 2; 4.
- Hattori S. The Analysis of Meaning. — In: For Roman Jakobson. The Hague, 1956; 4.
- Havas L. Words with Emotional Connotations in Bilingual Dictionaries. Acta Linguistica (Academiae Scientiarum Hungaricae), 1957, VI, fasc. 4; 4.
- Idzulis Rolandas F., Natan Lydia et al. The Principles and Methods of Linguostylistics (a course of lectures). Ed. by O. Akhmanova, M.G.U. 1970; 4.
- Karcevskij S. Du dualisme asymetrique du signe linguistique, TCLP, 1, 1929; 1.
- Katz J. J., Fodor J. A. The Structure of Semantic Theory. "Language", 39, No. 2, 1963; 1.
- Katz J. J., Postal P. M. An Integrated Theory of Linguistic Description. Cambridge, The M.I.T. Press, 1964; 1.
- Kühlwein W. Die Verwendung der Feindseligkeitsbezeichnungen in der altenglischen Dichtersprache. Neumünster, 1967; 3.

- Kurylowicz E. La notion de l'isomorphisme. Copenhagen, 1949; B, 1.
- Lamberts I. I. The Development of "Made". "Journal of English and German Philology". Urbana, 1956, Vol. 55, No. 4; 4.
- Language in Culture. Ed. by H. Hoijer. Chicago, 1954; B.
- Lodwig R. R., Burett E. F. The Dictionary and Language. N.Y., 1967; 3.
- Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge University Press, 1968; 1.
- Maiton S. E. Selection and Presentation of Ready Equivalents in a Translation Dictionary. IJAL, 1962, Vol. 28, No. 2; 4.
- Mates B. Synonymity. University of California Publications in Philosophy, 1950, 25; 3.
- McCawley J. D. Lexical Insertion in a Transformational Grammar without Deep Structure. Papers of the 1968 Chicago Linguistic Society Regional Meeting. Ed. Darden, Bailey and Davidson, 1968; 1.
- Manner R. Multiple Meaning and Change of Meaning in English. "Language", 1945, Vol. 21; 4.
- Monograph Series on Language and Linguistics, No. 19 (17th Annual Round Table). Ed. F. P. Dinneen. Georgetown University Press, 1966; 1.
- Nida E. A. Analysis of Meaning and Dictionary Making. IJAL, 1958, vol. 42, No. 4; 4.
- Nida E. A. Toward a Science of Translating. Leiden, 1954; 3.
- Olds M. E. Synonymity: Extensional Isomorphism. "Mind", 1956, 65; 3.
- Palmer H. E. The Scientific Study and Teaching of Languages. Ld., 1937; 2.
- Postal Paul M. On So-called "Pronouns" in English. Monograph Series on Language and Linguistics, No. 19 (17th Annual Round Table). Ed. F. P. Dinneen, Georgetown University Press, 1966; 1.
- Quirk R. Towards a Description of English Usage. Transactions of the Philological Society, 1960; 4.
- Reiss S. The Rise of Words and their Meanings. N. Y., 1950; 4.
- Reuning K. Joy and Freude — a Comparative Study of the Linguistic Field of Pleasurable Emotions in English and German. Swarthmore, 1941; 3.
- Ries J. Zur Wortgruppenlehre. Prag, 1928; 3.
- Rudskoger Arne. Fair, Foul, Nice, Proper. A contribution to the Study of Polysemy. Stockholm, 1952; 4.
- Sapir E. Totality. Language Monographs. Linguistic Society of America. Baltimore, 1930, 6; B.
- Sapir E. Grading. A Study in Semantics. — In: Selected Writing of E. Sapir in Language, Culture and Personality. Berkley and Los Angeles, 1951; B.
- Schöne M. Vie et mort de mots. Paris, 1951; 4.
- Skorupka S. Z zagadnień leksykografii, 1. Synonimika. "Poradnik językowy", 1953, zesz. 2—3—4; 3.
- Skorupka S. Wyrazy bliskoznaczne i ich wartość stylistyczna. 1. Typy wyrazów bliskoznacznych „Poradnik językowy”. 1954; 3.
- Spitzer L. Essays in Historical Semantics. N. Y., 1948; 4.
- Stern G. Meaning and Change of Meaning. Göteborg, 1931; 4.

- Sturtevant A. M. Certain Semantic Changes in Old Norse. "Philological Quarterly", 1951, Vol. 30; 4.
- Thompson J. F. Some Remarks on Synonymy. "Analysis", 1952, Vol. 12, No. 3; 3.
- Ullmann St. The Principles of Semantics. Glasgow, 1963; 3.
- Ullmann St. Historical Semantics and the Structure of the Vocabulary. — In: Miscelánea Homenaje a A. Martinet. I. La Laguna University Press, 1957; 4.
- Walpole H. Semantics, the Nature of Words and their Meaning. N.Y., 1941; 2.
- Weinreich U. Explorations in Semantic Theory. Current Trends in Linguistics. Ed. T. A. Sebeok. Vol. 3. The Hague — Paris, 1966; 1.
- Werner H. Change of Meaning: A Study of Semantic Processes through the Experimental Method. "Journal of General Psychology", 1954, 50; 4.
- Whorf B. L. Collected Papers on Metalinguistics. Washington, 1952; B.
- White A. R. Synonymous Expressions. "Philosophical Quarterly", 1958, 8; 3.
- Williams E. B. The Problems of Bilingual Lexicography, Particularly as Applied to Spanish and English. Hispanic Review, Philadelphia, 1959, 27; 4.

Словари и справочники

- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
- Англо-русский словарь. Составил проф. В. К. Мюллер. М., 1960.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Большой англо-русский словарь под редакцией И. Р. Гальперина. М., 1972.
- Большой немецко-русский словарь под редакцией О. И. Москальской. М., 1969.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1961.
- Русско-английский словарь под общим руководством проф. А. И. Смирницкого. М., 1965.
- Словарь антонимов современного английского языка. Составитель В. Н. Комиссаров. М., 1964.
- Словарь синонимов русского языка в двух томах. Л., 1970—71.
- Толковый словарь русского языка в 4-х томах. М., 1957—1961.
- Фразеологический словарь русского языка. Под редакцией А. И. Молоткова. М., 1967.

* * *

- A Dictionary of English Synonyms & Synonymous Expressions by R. Soule. Ld., 1961;
- Allen's Synonyms and Antonyms by F. S. Allen. N.Y., 1949.
- A Russian-English Dictionary of Social Science Terms. Compiled by R.E.F. Smith. Ld., 1962.
- Brown Ivor. Chosen Words. Ld., 1964.
- Chamber's Foundation English Dictionary. London — Edinburgh, 1960.

- Chamber's Shorter English Dictionary. Edinburgh — London, 1963.
- Collins New English Dictionary. Ed. under the direction of Alexander H. Irvine. Ld., 1956.
- Dictionary of Spoken Russian. N.Y., 1958.
- Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford, 1961.
- Garmonsway G. N. The Penguin English Dictionary. Ld., 1965.
- Kenkyusha's New Dictionary of English Collocations, A Word-Finder. Ed. by S. Katsumata. Tokyo, 1958.
- Palmer Harold E. A Grammar of English Words. Ld., 1969.
- Radford E. Unusual Words and How They Came About. M.—Jl. 1964.
- Reum A. A Dictionary of English Style. München, 1961.
- Rodale J. I. The Word Finder. Emmaus, 1957.
- The Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2nd Edition. By A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. Ld., 1967.
- The Concise Oxford Dictionary, 5th Edition, Oxford, 1968.
- Walker's Rhyming Dictionary of the English Language. Ld., 1957.
- Webster's New World Dictionary of the American Language. N.Y., 1957.
- Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Springfield, Mass., 1961.
- West M. A General Service List of English Words. Ld., 1967.
- West M. An International Reader's Dictionary. Ld., 1968.
- Wylde Henry Cecil. The Universal Dictionary of the English Language. Ld., 1961.

Эсфирь Максимовна Медникова

**ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА
И МЕТОДЫ ЕГО ОПИСАНИЯ**
(на материале современного
английского языка)

Редактор *М. Х. Литинская*
Издательский редактор *И. А. Краснова*
Художник *Т. Т. Сухомлинова*
Художественный редактор *Э. А. Марков*
Технический редактор *Н. А. Битюкова*
Корректоры *М. Н. Махина, Е. Г. Сивова*

Сдано в набор 31/VIII 1973 г. Подп. к печати 22/V 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Объем 6,375 печ. л. Усл. п. л. 10,71.
Уч.-изд. л. 11,53. Изд. № А—380. Тираж 13000 экз.
Зак. № 698. Цена 67 коп.

План выпуска литературы издательства
«Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1974 г.

Позиция № 210.

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14, Издательство «Высшая школа»

Московская типография № 7 «Искра революции»

Ордена Трудового Красного Знамени

«Союзполиграфпрома» при Государственном

комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, Г-19, пер. Аксакова, 13.

Медникова Э. М.

М 42 Значение слова и методы его описания. Учеб.
пособие. М., «Выш. школа», 1974.

202 с. Библиогр.: 191—202 с. (Б-ка филолога).

Книга состоит из введения, четырех глав и указателя использованной и цитируемой литературы.

В введении автор говорит о двух существующих подходах к изучению «значения» — лексическом и текстоцентрическом. В первой главе дается краткий критический обзор текстоцентрической семиологии. Во второй и третьей главах рассматривается слово как единица языка и как единица речи с позиций лексическо-семиологии. В четвертой главе автор дает подробно разработанные образцы словарных статей. Теоретические положения книги раскрываются на материале современного английского языка.

Пособие предназначается для студентов старших курсов и аспирантов институтов и факультетов иностранных языков и филологических факультетов университетов.

М $\frac{70104-097}{001(01)-74}$ 210—74

4И(Англ)